

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

НАЦ БЕСТ

ВЛАДИМИР
ОСИПОВ
КОРЕНЬ
НАЦИИ

ЗАПИСКИ РУСОФИЛА

Национальный бестселлер

Владимир Осипов

**Корень нации.
Записки русофила**

«Алгоритм»

2008

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

Осипов В. Н.

Корень нации. Записки русофила / В. Н. Осипов —
«Алгоритм», 2008 — (Национальный бестселлер)

ISBN 978-5-4438-0046-2

Владимир Николаевич Осипов, выдающийся политический и общественный деятель нашего времени, посвятил свою жизнь борьбе за Россию, за ее национальные интересы и идеалы. В 1959 году, как русский патриот, он был исключен из Московского университета. А через два года, как «реакционный славянофил», был арестован и судим. В политлагерях и тюрьмах он провел 15 лет. Книга В.Осипова – исповедь человека, находившегося в гуще самых острых событий. Это летопись российской истории с 1960-х годов до наших окаянных «демократических» дней, написанная без прикрас и предубеждений.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-4438-0046-2

© Осипов В. Н., 2008
© Алгоритм, 2008

Содержание

Борец и просветитель	6
Вместо предисловия	8
Эвакуация	11
«Нас вырастил Сталин...»	13
9 февраля 1959 года	16
«Мы не эти и не те»	20
Кто хотел убить Хрущева?	26
Русский националист	30
Дубравлаг	38
Ира Мотобривцева	39
Слово о Валентине ЗК	42
Мордовский дневник	48
«Вече»	57
Шульгин	59
Дело № 38	70
Обращение по поводу ареста Владимира Осипова	74
Вторая ходка	81
Борьба за статус	84
Письма из лагеря (к маме)	95
Таруса	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Владимир Осипов

Корень нации. Записки русофила

© Осипов В.Н., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

Борец и просветитель

Владимир Николаевич Осипов один из самых светлых людей, которых мне приходилось встречать в своей жизни. Его замыслы и поступки не имели личной заинтересованности, а преломлялись через интересы и идеалы России. Главной целью своей жизни Осипов считает восстановление монархии и русского государственного порядка. Уже в 1960-х годах он стал убежденным монархистом. В то время в возрождающихся русских монархистах было еще много национал-большевистского, в сталинском духе. Владимир Николаевич выгодно от них отличался. Истинный русак, истинный православный монархист, он выносил в себе идею русской монархии в лагерях и ссылках. В нашей патриотической среде 1980-х Осипов был, пожалуй, самым выдающимся человеком. Я впервые с ним встретился в 1987 году сразу после его возвращения из лагеря. Несколько часов проговорили у меня в машине. По многим вопросам наши позиции были очень близки. Меня он тогда особенно остро интересовал как человек, сумевший сохранить себя в условиях советско-еврейского террора.

В 1959 г. на 4-м курсе Московского университета Владимир Николаевич выступил в защиту товарища, арестованного КГБ. За этот мужественный поступок Осипов был изгнан из университета, завершив высшее образование заочно. В 1961–1968 годы за «антисоветскую агитацию и пропаганду» находился в заключении в политлагерях Мордовии, в Дубровлаге. Из лагеря вышел православным монархистом и русским националистом. Стал издавать машинописный православно-патриотический журнал «Вече», указывая свои фамилию и адрес. Выпустил 9 номеров журнала тиражом до 100 экз. К изданию были причастны И. С. Глазунов, С. Н. Семанов, В. В. Кожин, Д. А. Жуков, Г. М. Шиманов, М. П. Кудрявцев, В. А. Виноградов и др. авторитетные в патриотических кругах люди. За издание этого журнала с «реакционных славянофильских позиций» (мнение суда) В.Осипов получил 8 лет лагерей.

Наши встречи повторялись несколько раз. Как-то В.Осипов сообщил, что собирается возобновить издание журнала «Вече» под названием «Земля». Уже при следующей встрече я принес ему для публикации несколько своих «подпольных» статей о русской демографии и судьбе памятников Отечества.

К 1988 г. В.Осипов сколотил вокруг себя значительную группу патриотов-монархистов. Многие собрания проходили конспиративно. На одном из них в тесной квартире в присутствии 8–10 человек (включая и меня) была создана партия «Христианско-патриотический союз». Сам я на этом «съезде» присутствовал в качестве «наблюдателя» под именем Д. Кузнецова. Сразу же после принятия решения о создании партии Владимир Николаевич сообщил об этом событии в Мюнхен редактору независимого русского альманаха «Вече» О. А. Красовскому.

В 1990 г. партия получает новое название – Союз Христианское возрождение. Много сил и энергии члены Союза затратили на сбор подписей за канонизацию Царя Николая II. Предполагалось также через 2–4 года созвать Земский Собор для избрания Царя. «Идея была такова, – объяснял В.Осипов. – Наследников династии Романовых осталось еще достаточно много, и всех их следовало бы призвать на Земский Собор». Однако у Союза Христианское возрождение был свой кандидат из династии Романовых – Тихон Николаевич Куликовский-Романов. В.Осипов стал одним из инициаторов канонизации Царской семьи.

Возглавляя Союз Христианское возрождение, он борется за каноническую чистоту Православия против ереси экуменизма, за единство Русской Православной Церкви против антихристианской глобализации.

Отрицая антихристианское понятие «прогресс», он считает, что рано или поздно православные христиане придет к одному выводу – «Пустить вспять колесо истории!»

О. Платонов

Вместо предисловия

Нашему поколению пришлось пережить резкую смену эпох. Мы жили при советском режиме в полной уверенности, что умрем раньше его конца. Режим представлялся нам долгим, «вечным», лежащим за гранью наших надежд и упований. Если кто-нибудь станет утверждать, что он все предвидел, пусть говорит. Я лично ни единого такого пророка не встречал. И, конечно, при «необратимости» того, что случилось в Петрограде в октябре 1917 г., мы уперлись в этот режим, как в гранитную стену, в некотором смысле потеряли ориентировку во времени. Холопская зависимость от своры тупых матерщинников словно заслонила все. Весь свет в туннеле.

Все произошло так, как никто не думал. Ну, разве при тотальной слежке и сыске, при удесятеренном контроле мог кто предвидеть, что генсеком станет отпетый антисоветчик с огромной фигой в кармане? И разве мог кто предсказать, что в поддержку отщепенца стройными рядами ринутся члены Политбюро и ЦК, «им в сраженьях выкованный строй» (Грибачев)? Может быть, и «массовые репрессии» конца 30-х годов тоже имели под собой «гносеологическую» подкладку? Не сопоставлял ли Сталин оппозиционность Тухачевских со всеобщим заговором царских генералов против Царя? Ведь герои гражданской войны хотели, например, сместить Ворошилова с поста военного наркома, или это не заговор? Если Алексеев, Рузский, Лукомский, Брусилов, Эверт, Данилов не за понюх табака изменили присяге и предали Помазанника, то уж красные командиры, куда менее воспитанные на понятиях чести и верности, будут церемониться с нежеланным генсеком? Выходит, только «зачистка» спасает от предательства? Императора Николая Второго упрекают в том, что осенью 1916 года, когда уже созрел план переворота и полиция об этом докладывала, он не арестовал несколько сотен либералов во главе с Гучковым, Милуковым, Родзянкой, Некрасовым, Керенским, Терещенко, Львовым. Всего несколько сотен интернировать, и никакой Февральской революции, подогретой германскими деньгами, не случилось бы. Но Царь пал жертвой своего чрезмерного благородства и доверия. В том числе – доверия к военачальникам. Это же уму непостижимо: генералы осмелились решать за Того, Кого поставил Бог. И, как оказалось, решили судьбу страны на столетие вперед. Командующих фронтами вдруг осенило, что спасение России не в монархии, а в демократической республике, в парламентской трепотне по образцу любимой всеми Франции. Свергли Царя, а что же власть не удержали? Умники, что же вы устроили балаган взамен свергнутой монархии? Царь якобы был слаб и нерешителен, но что же вы, сильные и умные, на второй день после свержения Государя благословили и реализовали «Приказ № 1», разваливший армию? Жаль, что до сих пор эти негодяи во главе с Алексеевым и Рузским не осуждены посмертно военным трибуналом за государственную измену. Когда через полтора года пятигорские чекисты изрубили саблями в капусту Рузского, о чем думал умный изменник?

Советский кинематограф сочинил доходчивую легенду о красных и белых. «Белые», по образам советского кино, – это приверженцы старого режима, монархисты, помещики и буржуи. «Красные» – рабочие, беднота, комиссары, иногда «хорошие» интеллигенты. Не было такого стерильного деления в гражданскую войну. Белые вожди не были монархистами, не были сторонниками ими же свергнутой царской власти, а были – «умеренными» революционерами, республиканцами, адептами лучезарного Февральского мятежа, и бились они против тех, кто, по их понятиям, узурпировал революционную, народную власть через 8 месяцев. Генерал Корнилов арестовал Царскую Семью, составил тюремные правила для Семьи да еще торжественно наградил Георгиевским крестом подонка Кирпичникова, убившего офицера за верность Государю.

Когда осенью 1992 г. на Конгрессе Фронта Национального Спасения было предложено зарыть в землю топор гражданской войны, совершить великое примирение «белых» и «красных», то что это означало – примириться «капиталистам» и «коммунистам» или – по советскому мифу – монархистам и большевикам? Летом 1918 г. на Екатеринбург наступает армия Учредительного собрания, армия февралистов, арестовавших Царя, а большевики убивают Государя (с женой и детьми) якобы потому, чтобы приверженцы Февраля, масоны из Учредительного собрания не использовали Николая Второго, ими свергнутого, как знамя, против большевиков. А что же тогда, осенью 1917-го, эти масоны так легко передали Царственных узников из рук в руки троцкистам-ленинцам? И ведь десятилетиями пропаганда пудрила мозги советским людям.

Начинать, вероятно, надо с самоидентификации – кто мы? Кто я? Я лично – кто? Либеральный (и криминальный) режим Ельцина – Черномырдина лишил нас графы «национальность» в паспорте. Этого пожелало полпроцента населения. Как тот же полупроцент не позволил ввести «Основы православной культуры» в школе. Пусть лучше дети пьют, курят, избивают стаей прохожих, матерятся, лишь бы не стали верующими. Для наших либералов – это главная опасность. Хотя иногда сюсюкают: «распустили скинхедов». В угоду полупроценту от всех остальных, русских, украинцев, белорусов, татар, башкир, якутов, чувашей, удмуртов, отняли национальность. Сливайтесь, мол, в одно целое, в один котел, и хватит важничать. Как завещал Маяковский, надо «без России, без Латвий жить единым человечим общежитьем». Это вспомнил кандидат в члены Политбюро Ельцин, член ЦК Черномырдин и их присные. Все твердые интернационалисты. В этом пункте марксисты с мировой закулисой сошлись. Как они в сущности сходились всегда. Как сошлись и в вопросе об отмирании государства. Только теперь это произойдет не при «коммунизме», а при информационно-сотовом обществе, ради которого, в частности, готовят законы о персональных данных. Национальность отняли. Силятся отнять и порядочность, вообще нравственность. Все логично: нравственное всегда национально. Отнимаем нацию – превращаем в скотов. Ну с какой целью, спрашивается, крутить по телевидению от зари до зари сплошную похабщину? С какой целью посылать в Париж на бюджетные деньги в качестве светочей русской литературы сплошь одних извращенцев? Таланта нет, но есть нахальство, есть «эпатаж». Мол, дураки тысячу лет печатно не матерились, а мы, умные, революционеры, нигилисты и хунвэйбины («Культурная революция») – не церемонимся. Русский народ всегда осуждал разврат и извращения. Но теперь теневой власти, оседлавшей Россию, понадобилось морально изувечить народ, оскотинить, «опустить», превратить в биомассу. Новая эпоха оказалась разновидностью старой. Только в ее наихудшем варианте – как в 20-е годы.

В этих заметках я бы хотел сказать о многом. О том, какое мировоззрение, на мой взгляд, является истинным. Какая политическая система спасительна. Почему после Бога на первом месте у каждого русского (по крови или духу) должно быть служение своему народу и своей Родине. Почему только Третий Рим – единственный противовес антихристовой глобализации.

Но предварительно немного скажу о себе.

Жизнь многих смертных представляет собой черновик, всего лишь попытку жить правильно, в то время как наши святые, подвижники христианской веры, жили набело, у них почти с самого начала выходил белой, наилучший образец бытия. Но даже и у нас, грешных, черновики не похожи друг на друга. Есть довольно размеренное, ритмичное движение, с небольшим числом помарок, и есть по-толстовски исчищенные листы, в которых, как говорится, нечистый сломает ногу. Как это меня угораздило на ней жениться? Зачем я выбрал такую специальность? Ну почему я доверился тому проходимцу? Между тем молодые люди чаще всего живут безоглядно, нередко как бабочки, но, увы, ничто не исчезает бесследно.

Каждый поступок, каждое действие или бездействие может отозваться через десятилетия внезапным ударом. Сплошь и рядом мы сами – виновники своих несчастий.

Когда я пытаюсь осмыслить свое существование в этой скорбной юдоли, осознать собственное отношение к себе, всплывают как бы три точки зрения на свою жизнь. Из них два желания соперничали уже в молодости: честолюбие и самопожертвование. С одной стороны, хотелось жить только ради идеи и во имя идеи. С другой стороны, мечталось оставить след в истории. Но и то, и другое объединяло сверхжелание: прожить свою жизнь красиво, достойно, или – по Константину Леонтьеву, – эстетично. Жажда красоты бытия сопровождает меня и по сей день. Помимо честолюбия и самопожертвования, переплетенных эстетическим отношением к своей «окружающей среде», с годами появилась третья, и теперь, пожалуй, доминирующая оценка бытия: попытка смотреть на все Его оком, оком Отца Небесного. Главное желание отныне: быть угодным Ему, и перед этой установкой меркнет все, и в первую очередь меркнет желание следа в истории. Чем больше у меня седых волос, тем меньше юношеского честолюбия. Я готов уступить место каждому, у кого что-то получается лучше, чем у меня.

Я люблю Бога, родное Православие, единую и неделимую Россию (желательно с Аляской и Проливами), свой неприкаянный, но великий народ, самый обездоленный в мире, и хочу вернуть православного Самодержца на российский престол.

У меня обычные, «банальные» взгляды, «шаблонно» русское мировоззрение, и я не хочу выделяться ничем, ни малейшим отклонением от своих предков. Единственное, о чем я молю Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятую Богородицу: чтобы мне была дана возможность весь остаток жизни отдать Отечеству. И послужить ему не без пользы.

Эвакуация

Всякое жизнеописание начинается с родителей, с тех, кто кормил и воспитывал, кто дал жизнь, кто не убил вас во чреве («по социальным показаниям», согласно постановлению Черномырдина), как это делают миллионы сегодняшних мам. Я родился 9 августа 1938 г. в городе Сланцы, Ленинградской области, в семье школьных учителей. Родился в самое безбожное время. В предыдущем, 1937 году было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидировано 70 епархий, расстреляно 150 тысяч священнослужителей, включая 60 архиереев. По всей огромной стране оставалось не то 100, не то 300 действующих православных храмов. Отец – Осипов Николай Федорович – «скобарь», из крестьян Псковской губернии, в 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Воевал в артиллерийских частях. Мать, в девичестве Скворцова Прасковья Петровна, окончила Гдовское педучилище. Всю жизнь преподавала в начальных классах. Ее отец – Петр Федорович Скворцов славился в своей деревне умением крыть крыши и тем, что никогда не ругался матом. Зато дружил с местным помещиком и почитывал социал-демократическую литературу. В гражданской войне оказался в армии эсеровского генерала С.Н. Булак-Балаховича и там умер от тифа. Вдова его – Прасковья Егоровна сначала получала пенсию, а потом, когда органы, видимо, пронюхали, с какой стороны окопов воевал супруг, получать пособие перестала. Когда началась война с Гитлером, мне было 3 года. Мама, ее сестра Анна, работавшая кассиром на сланцевской шахте, и их мать, а моя бабушка Прасковья Егоровна отправились в эвакуацию. Дочери выросли советскими патриотами, а глубоко верующая бабушка, несмотря на всякие внутренние сомнения насчет Советской власти, тоже при немцах оставаться не захотела. Кроме дочерей Прасковьи (1917 г. р) и Анны (1907 г.р.), у нее был еще сын Петр (1910 г.р.), сначала активный комсомолец, создатель колхоза «Общий труд» в нашей деревне Рыжиково, позже – репрессированный по «кировскому потоку» («Я знаю, кто убил Кирова!») – ляпнул он за стаканом вина бывшему кулаку, им же «раскулаченному»). Отсидел пять лет, работал на лесоповалах Котласа.

Эшелон, в котором мы выбирались из Сланцев, был последним. В Гатчине немецкие самолеты нас обстреляли. Мама догадалась схватить меня и убежать из вагона. Кто надеялся отсидеться в поезде, погиб. Прибыли мы в Саратовскую область. В промышленном поселке при станции Рукополь устроилась тетя Нюра, а мы с мамой, бабушкой и тетеньяриным сыном Юрием поселились в селе Беленка, Краснопартизанского района. Я лично спал под «райскими дверями»: хозяева унесли часть иконостаса к себе домой, когда богоборцы рушили местный храм. В 1943 году был такой голод, что помню, как мы все лежали вдоль стен, ни на что не надеясь. Я словно разучился ходить. Вдруг приходит женщина из правления, приносит большую кастрюлю с борщом и кормит нас. Кажется, и по сей день вкуснее того борща я не едал. Помню уборку урожая, лозунги «Все для фронта, все для победы!». Дядя Петя присылал с фронта длинные письма, которые читались вслух. Запомнил часто употреблявшееся им слово: «наши». Я понимал так: «наши» воюют против немцев и Гитлера.

В 1944-м мама серьезно заболела тифом. Ее отвезли в больницу соседнего города Пугачева. Бабушка сказала: «Бог наказывает за грехи!» Конкретно за то, что вовремя не крестили меня. Хорошо помню, как она по собственной инициативе привела меня в храм (в Пугачеве). Там крестили многих. Младенцы орали. Когда окунали меня, я подумал: «Чего они орут? Что тут такого?» Крещен я был, таким образом, по полному чину – ПОГРУЖЕНИЕМ, а не т. н. обливанием. Между тем к 1942 году ВКП(б) намеревалась ликвидировать имя Бога на всей территории СССР. Планировалось закрыть последние действующие православные храмы. Не вышло. Ибо недаром А.С.Хомяков предрек: Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь никогда не исчезнет с лица земли до скончания века.

При одном из посещений мамы в больнице я от нее услышал: «Заберите меня. Я здесь не выживу». Ни питания, ни лекарств, ни ухода. Если бы можно было «дать» что-нибудь «на лапу» медперсоналу, можно было бы на что-то надеяться. Бедность, конечно, не порок, но так легко протянуть ноги. Маму мы забрали. Едва-едва доковыляли до поезда. Очень боялись, что она не успеет сойти на остановке в Беленке: поезд стоял всего ничего. В конце концов мама выжила.

«Нас вырастил Сталин...»

В мае 1945 г. в Беленке ударили в рельсу. Сначала думали – пожар. Оказалось – победа. Которую так долго ждали. Где-то в конце июня мы, как эвакуированные, выехали домой, на малую родину. Товарный состав шел месяц, в Сланцы прибыли 26 июля. В то время я бойко читал стихи, особенно поэму о Зое Космодемьянской и часто на станциях с подножки тамбура орал во все горло: «Пала ты под пыткой, Татьяна, Онемела, замерла без слез...» Однажды один майор, растрогавшись, подарил мне красный тридцатник. Что меня поразило при возвращении, так это полное, тотальное разрушение нашего шахтерского городка. С высокого берега Плюссы я увидел одни руины. Закончилась война за выживание народов. Наши интернационалисты долго еще муссировали классовый подход. Мне рассказывала одна диссидентка, как она, пятилетняя, сидела на кровати дома, и вдруг в комнату вбегает немец с факелом и поджигает квартиру. Правда, ребенка фриц «пожалел»: пихнул факел не в ее одеяла, а в соседнюю кровать (Родители, правда, успели вынести девочку). Дело было в Белгороде при отступлении вермахта. Отечественная война с Германией была борьбой за само физическое существование русской нации. Адольф Гитлер не лицемерил, провозглашал свои цели публично и ясно: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь ТОЛЬКО РОССИЮ и те окраинные государства, которые ей подчинены»¹. Т. е. он не скрывал, что главной целью советско-германской войны, начавшейся в июне 1941 г., было не «освобождение» России от жидобольшевизма, а – завоевание исконно русских земель, включение их в состав «Великой Германии» и ЗАСЕЛЕНИЕ их немцами. Русских же фанатик расовой теории намеревался выселить в тайгу и тундру, возможно, за Урал, при этом всячески сокращая нашу численность посредством непредоставления медицинской помощи, аборт, алкоголя, табака и пропаганды растления. Сегодня программу Гитлера довольно результативно осуществляют демократы еврейской ориентации.

Я рос в атмосфере советской идеологии, читал, естественно, книги, прошедшие цензуру. Но до 13 лет был стихийно верующим благодаря бабушке Прасковье Егоровне, часами, как мне казалось, молившейся на коленях перед иконами. В 13 лет произошел тихий духовный бунт. Как-то листал мамину методичку. Наткнулся на раздел «Атеистическая пропаганда» и задумался: как же так, все передовые, прогрессивные люди вокруг не верят в Бога, а я – верю? Что же, я такой темный, отсталый, хуже других? У меня неплохая память. И, как ни странно, я помню эти роковые минуты. Это восстание. Которое длилось 10 лет. До 23-х, когда меня арестовали и я внезапно оказался один на один перед тайной бытия.

Кажется, в 1950 г. нечаянно подслушал такой разговор. Сажу дома, делаю уроки. Мы в это время жили уже в другом месте, в селе Ново-Петровское, Московской области, в 83 км от столицы. Заходит к маме соседка Голованова. Ее муж был начальником районного отдела МГБ. Соседка страшно расстроена, шепчет маме: «Муж только что вернулся из Москвы, с важного совещания. Начальник областного Управления МГБ сказал так: «Смотрите, не проморгайте ни одного врага народа в своем районе! Пропустите – с вас снимем голову!» (точно не помню: «посадим» или «расстреляем», но в этом духе). «А где найдешь этих врагов народа в нашем-то районе?» – с горечью за судьбу мужа промолвила Голованова. При такой установке, естественно, каждый, кто выделялся умом, талантом, совестью, чувством справедливости, легко попадал под гребень диктатуры пролетариата. Это все предвидел Достоевский, у которого «державный бес» Верховенский говорит Ставрогину: «У Шигалева хорошо в тетради, – у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и

¹ Гитлер А. Моя борьба, глава 14. Изд. «Т-Ож», 1992. С. 556.

обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны... не надо высших способностей!... мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство»². При этом я не хочу опускаться до примитивного обвинения во всем одного Сталина. Просто продолжалась революция, подготовленная бесами с помощью либералов,

начата я при Ленине и Троцком, воспетая робертами рождественскими и евтушенками. К тому же, как доказал В. В. Кожин, куратором послевоенных репрессий был «либерал» Хрущев, который надзирал за госбезопасностью от имени ЦК с декабря 1949 г. до марта 1953 г.³ В частности, этот бывший троцкист нес личную вину за гибель А.А. Кузнецова и других прорусски настроенных ленинградских руководителей.

В начале марта 1953 г. страна узнала, что заболел Сталин. Утром 6-го услышали по радио о смерти вождя. Я был потрясен: «Мама, как же мы теперь будем жить без него?» (Учился я в 8-м классе.) Очень удивился, когда по дороге в школу зашел за своим одноклассником и понял, что его отец, второй секретарь райкома партии, совершенно не горюет, живой, бодрый, почти веселый. В школе некоторые учителя плакали. Наш восьмой «Б» во главе с классным руководителем настроился ехать на похороны в Москву, точнее – побывать у гроба в Колонном зале. Отправились утром 7 марта. И вдруг уже в Белокаменной, народа – тьма, я отошел к киоску купить газету и мгновенно потерялся. Отстал. Увидел другого одноклассника – Викторова, который тоже заблудился. Вдвоем сначала долго искали свой класс, а потом решили сами, самостоятельно пробираться в Колонный. Помню, на Советской площади конная милиция осаживала бесконечные толпы. Какими-то дворами, крышами местные мальчишки проторили путь к центру. Мы с Викторовым выпрыгнули во двор дома на Пушкинской (Большой Дмитровке). Железные ворота под аркой были на замке, но мы видели с той стороны уже организованную очередь, ползущую по тротуару. Милиция долго не знала, что делать с массой, приткнувшейся к арке изнутри, но где-то в 12-м часу ночи нас выпустили через эти ворота, и мы аккуратно воткнулись в колонну. Кажется, ровно в полночь с 7 на 8 марта мы с Викторовым прошли мимо гроба Сталина. Меня поразило, какой он чересчур старый, морщинистый. Ведь кругом были довольно гладкие портреты. Обрато до Рижского вокзала шли пешком по трамвайным путям. Вернулись на поезде домой, радости домашних не было предела. Думали, что мы уже погибли в давке. Звонили в Москву, сестра отчима ходила по моргам в поисках мальчика в подшитых валенках.

Еще несколько лет я продолжал оставаться советским патриотом. Однажды, во время летнего пребывания в Сланцах, я услышал анекдот про евреев. Я подумал: «Это же неправильно. Мы должны быть интернационалистами, крепить дружбу народов». Что было, то было. Я впитывал официальную идеологию со всем простосердечием юности. Павел Корчагин был моим героем.

Как ни странно, не XX съезд партии, не развенчание «культы личности» перевернуло мое самосознание (хотя и задело отчасти). Отсчет веду с автобиографической книги Джека Лондона «Мартин Иден», которую я прочел в 18 лет, в сентябре 1956 г., на втором курсе истфака МГУ, и которая почему-то потрясла меня. Что-то поломала изнутри. Книга эта – апофеоз индивидуализма, сильной личности, сверхчеловека, ведущего войну с обществом. В романе неоднократно упоминался германский философ Фридрих Ницше, и я, конечно, начал разыскивать его работы. В Ленинской библиотеке сказали: «Вы что, не знаете, кто воспользовался его идеями? Нет, Ницше мы не выдаем». Хотя он не лежал в спецхране и картотека на него была в общем зале. Разными путями мне удалось достать многие его вещи. Даже писал в читательском требовании: «автор – Ф.Нитуше» (так иногда переводили его

² *Достоевский Ф.М.* Собр. соч., т. 7. «Бесы». Госиздат, М., 1957. С. 436—437

³ *Кожин В.* Россия. Век XX. 1939–1964. М., 1999. С. 206 и далее.

фамилию до революции) и книгу выдавали. Ницше – великолепный стилист. Пишет ярко, живо, страстно. Как Лермонтов – кумир молодых в поэзии, так Ницше – идол юных интеллектуалов в философии. Самоутверждение «Я» так соответствует юношеским порывам, тем более при атеистическом воспитании.

И все же ницшеанство не стало главенствующим в моем мировоззрении. Одновременно и параллельно с этим был жгучий интерес к немарксистским разновидностям социализма. Собственно говоря, в казенном марксизме претила в первую очередь не проповедь насилия и диктатуры пролетариата, а – лицемерие, когда говорят одно, а делают другое. Социальная справедливость представлялась аксиомой, но ее марксистская упаковка отвращала. Так же, как отвращал и капитализм, тут колебаний не было. В этой связи привлек внимание так называемый анархо-синдикализм и его теоретик Жорж Сорель. Его книга «Размышления о насилии» была, конечно, тщательно проштудирована. Впрочем, насилие подразумевалось «умеренное» – только лишь всеобщая экономическая и политическая стачка. Как-то не додумывались до того, что стачка перейдет в массовые беспорядки, именуемые революцией, и в энное количество крови.

9 февраля 1959 года

Этот день не стал важной исторической датой. Но для меня был вехой, расколовшей жизнь надвое: до и после.

Я поступил в Московский университет в 1955 г. на исторический факультет. Конкурс был 7 человек на место. Абитуриентом жил и готовился к экзаменам на Стромынке, в студенческом общежитии, в конце июля – первой половине августа. «Готовился» – это не то слово, я въедался в учебники, грыз их до остервенения. Ни танцев, ни кино, ни девушек в упор не видел, немного сна и непрерывная зубрежка. Сдал все на «5», а иначе бы и не поступил. 15 августа 1955 г. был счастливейшим днем в моей жизни: сдал на «отлично» последний экзамен и понял, что в эту цитадель науки попал. Бегал после экзамена по Москве, как угорелый. Первые год-два мечтал о стезе ученого. Карамзин, С.М.Соловьев, Ключевский были для таких, как я, кумирами. Занимался усердно. Потом наступило разочарование в коммунистической идеологии. Стали отталкивать фальшь и лицемерие режима. Плюс – упоение «сверхчеловека».

В конце лета 1957 г., когда наш курс убирал хлеб на целине в Кустанайской области, в Москве арестовали группу студентов и аспирантов исторического факультета. Возглавлял ее сам секретарь комсомольской организации истфака Лев Краснопевцев. «Гордостью МГУ» называл его комиссар факультета – преподаватель истории КПСС Савинченко. В группу входили Меньшиков, Обушенков (к тому времени кандидат исторических наук), Рендель, Пешков (впоследствии крупный специалист по Вьетнаму), Козовой (в будущем поэт и переводчик), Покровский, еще несколько лиц. Они тайно собирались в общежитии и обсуждали свои рефераты с критикой советской системы. Мировоззренчески пытались совместить большевизм с меньшевизмом. При этом считали себя государственниками, организацию свою назвали «Союз патриотов России». Мосгорсуд осудил «антисоветчиков» на десять, восемь и шесть лет. Сам Краснопевцев, естественно, получил «червонец». Про них говорили, что они даже наладили связь с польскими ревизионистами, с редакцией крамольной газеты «Попросту». Мы, третьекурсники, как раз в октябре 1957 года вернулись с целины, из Казахстана, и вдруг как снег на голову: «вражеская группа Краснопевцева»!

Той же осенью я познакомился с однокурсниками, о которых поговаривали, что у них «несоветские» взгляды, с Владиславом Красновым и Анатолием Ивановым. Критическое обсуждение политики партии и правительства переходило в желание сделать что-то полезное. Желание действовать вылилось у меня в учебный реферат «Комитеты бедноты в 1918 году», который я прочел на семинаре в своей группе 25 декабря 1957 г. Этот день я считаю началом своей политической биографии. На основании официально опубликованных источников я доказывал, что комбеды были «проводниками антикрестьянской политики большевистской партии». Без привычных титулов («основатель», «вождь») упоминал Ленина. Заранее ознакомил с рефератом, как положено, руководительницу семинара Чмыгу. Та разрешила зачитывать, но строго предупредила студентов: «Будьте внимательны! Доклад содержит опасные утверждения». Едва я закончил, как меня подвергли настоящей головомойке. В семинаре было человек пятнадцать. Обличали «ревизионистскую вылазку». Уже через день-два встал вопрос о моем пребывании в комсомоле (вступил я туда по убеждению в 14 лет, кстати, 7 октября 1952 г., в день, когда родился второй президент России Путин). 28 декабря состоялось шумное комсомольское собрание. Три имени было на устах. Наш однокурсник Аристов еще в сентябре приколол пару листовок, отнюдь не против режима, но против личности Хрущева. КГБ передало дело на откуп факультетскому начальству, а партбоссы запланировали исключить Аристова из МГУ руками общественности, т. е. комсомола. Подоспела моя сковородка. А заодно решили пропесочить Краснова, чтоб неповадно было вслух гово-

речь о своем нищезанятии и вообще об идеализме. Собрание проголосовало за исключение Аристового из университета (комсомольцем он, кажется, не был). Краснонову поставили на вид. По поводу меня разгорелись страсти. Был я компанейским парнем, ездил на целину, никогда не пропускал субботники. Юра Поляков, Володя Малов отстаивали меня от нападков студентов-коммунистов Ногайцева, Богомолова, от секретаря комсомольской организации (после ареста Краснопевцева) Левыкина. А накануне полуприятель Владимир Ронкин, рвавшийся в партию, настойчиво «советовал» мне добровольно уйти из МГУ в армию. Между прочим этот Ронкин, чистокровный еврей из Можайска (отец у него был председателем колхоза), годом раньше, в октябре 1956 г., подвыпив, ходил по комнатам общежития и звал всех идти воевать с Израилем (тогда как раз был конфликт на Ближнем Востоке). Лично я уже был готов добровольцем отправиться на войну защищать арабов, хотя меня Ронкин и упрекал: «Ты ведь едешь не по убеждениям, а из романтизма, как Байрон».

Курсовое собрание в конце концов решило вклеить мне строгий выговор за «ревизионистский» доклад, но в комсомоле оставить (а значит, и в МГУ). Говорят, в мягкости по отношению ко мне сыграл роль и такой эпизод. Адвокаты Краснопевцева и его подельников напирала на гнетущую «молотовскую» атмосферу истфака: «Недавно какой-то студент что-то не так написал в научном докладе, так его сейчас выгоняют из университета». Обвиняемые потому, понятно, и собирались конспиративно, что не было возможности обмениваться мыслями открыто.

Увы, я не оправдал доверия своих защитников. Прошел год. Я перешел на 4-й курс. Осенью 1958 г. сложилась новая (после дела Краснопевцева) «тайная» группа: поэт и переводчик Александр Орлов, философ и грузчик Анатолий Иванов («Рахметов»), Анатолий Иванов (позднее – «Скуратов»), я и еще пара человек стали еженедельно собираться у «Рахметова», жившего вблизи платформы «Рабочий поселок», и тоже перемывали косточки марксизму-ленинизму – вечно живому учению. Собрались было издавать подпольный журнал. Но в разгар наших нелегальных встреч 20 декабря 1958 года грянул обыск у А.М. Иванова («Скуратова»). Моя невеста А. Топешкина сразу откликнулась стихами: «Радость лежала распиленной Поленьями зла и добра...»

Оказывается, произошло следующее. Наш с Ивановым общий знакомый Игорь Авдеев, окончив МЭИ, работал в Новокузнецке (тогда еще Сталинске) и переписывался со своим приятелем. Тот как-то был в отъезде, письмо Игоря прочитала мать и пришла в ужас: товарищ сына ругал родную КПСС. Письмо немедленно было передано в КГБ. И – завертелось дело. 9 декабря 1958 г. инженер-энергетик и поэт И. В. Авдеев был арестован у себя в Сибири, при обыске изъяли адресованные ему письма А.М. Иванова, тоже «антисоветские», – и в Москве, на квартире Анатолия Михайловича переворачивают все, что с буквами. Находят рукопись «Рабочая оппозиция и диктатура пролетариата» с критикой РКП(б) и лично Ленина. Спустя месяц, изучив тексты, чекисты 31 января 1959 года берут в Исторической библиотеке А.М. Иванова.

Предпоследний день студенческих каникул – 7 февраля – я провожу в «Ленинке», с упоением глотаю Платона. Вечером, устав от чтения, решил заехать к Анатолию на Малую Грузинскую. Но его нет, меня встречают заплаканная мать, убитый горем отец: «Толю посадили!» Возвращаюсь к себе в общежитие на Ленгорах сам не свой. Впервые в жизни снаряд падает так близко. Что предпринять? Как помочь товарищу? Как вытащить его из тюрьмы? Об этом думаю ночь и следующий долгий воскресный день. Помнится, даже ходил в тот выходной что-то разгружать для заработка, но мыслями весь с узником. С кем посоветоваться? На истфаке учился по путевке Итальянской компартии наш ровесник Эцио Феррера. Советуюсь с ним. Мне известно, что хотя он и коммунист (ИКП), но тихо оппозиционен. «Не надо спешить, – говорит Эцио, – сначала надо выяснить, за что посадили. Может, он курицу украл». Шутка не веселит. К концу дня прихожу к выводу, что я ДОЛЖЕН (импе-

ратив Канта!) завтра, девятого, в первый день второго семестра заявить протест. Иванова знали на факультете мало. Многих удивляло его поведение: не был членом ВЛКСМ и отказывался даже вступать в профсоюз. На призывы шагать в ногу со временем отвечал: «Я – христианин». Был известен, пожалуй, только исполнением песен Ива Монтана на французском языке. Был талантлив, знал несколько иностранных языков. Более других с Анатолием общались я и Владислав Краснов, которого наши партляйтеры прозвали «эсером». Ну и, конечно, та группа, что съезжалась в «Рабочем поселке». Кстати, в прежнем составе мы больше не собирались. Случись донос и арест, в историю вошла бы еще одна «антисоветская» группа. История... Вот у меня сейчас, в начале XXI века лежит на полке комплект журнала «Былое» за 1906 год. Там подробнее описаны деяния и соответственно мытарства русских революционеров, включая отъявленных террористов-бомбистов, за 60-е, 70-е, 80-е годы XIX века. Тогда, в 1906 году, все это, видимо, многих волновало и вдохновляло. Журнал-то, наверное, расходился и был популярен. Понес я хронику государственных преступников в букинистический магазин: «Не пропадать же добру, все-таки какая ни на есть – история». Не взяли у меня букинисты макулатуру, никому не нужна. Вот так. А люди жертвовали собой за социализм и свободу, иные и на плаху шли. А потомков ни плаха их, ни жертвы абсолютно не интересуют, покупать книги об этих героях не хотят.

И вот наступает утро 9 февраля. Мы – во вторую смену. Еду на занятия. В 18 часов – лекция по педагогике в аудитории по улице Герцена. Обычно я сижу высоко, сзади. Но на этот раз пересаживаюсь на первый ряд, вниз. Боюсь, что заминка при спуске затормозит мою решимость. После первого академического часа, в 18–45, звонок: перерыв. Я вскакиваю, подбегаю к кафедре и громко – быстро кричу на весь зал-амфитеатр: «Хрущев объявил, что у нас теперь нет политзаключенных. Однако в органах КГБ нашлись люди, которые бросили в застенки нашего однокурсника Анатолия Иванова. Я призываю общественность встать на защиту нашего товарища!»

Три фразы, три предложения мгновенно сломали мой статус лояльного советского человека. На десятилетия я был сброшен вниз, к подошве социальной пирамиды. В зале было человек двести, наш четвертый курс Исторического факультета Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Государственного университета имени М. В. Ломоносова (так я радостно титуловался студентом этого «мирового центра науки» в письме домой маме после сдачи последнего вступительного экзамена 15 августа 1955 г.). О Хрущеве напомнил потому, что как раз в конце января – начале февраля 1959 г. состоялся так называемый внеочередной XXI съезд КПСС, принявший теперь уже «семилетний план». (А. Топешкина: «Вехи на дорогах семилетки в будущее, к счастью – не мое»). И на этом съезде либеральный вождь, отец оттепели, действительно с пафосом объявил об отсутствии политзаключенных в СССР. Дескать, при Сталине они были, а ныне – испарились. В это время в политлагерь Мордовии уже был этапирован «Союз патриотов России», сидел математик Револьт Пименов, везли под конвоем группы В. Трофимова, В. Поленова... Сидел под следствием Авдеев. В августе 1958 года получил 25 лет за «контрреволюционную пропаганду» (новый кодекс с лимитом в 15 лет ввели в конце года) «истинно православный» христианин из Казани Калинин. Он «призывал» не ходить на выборы и не вступать в колхоз – я лично читал его обвинительное заключение.

Сказал и сел. Словно взорвалась бомба. Ко мне немедленно подскочили члены партии, комсомольские активисты: «Это провокация!», «Это поступок обывателя!», «Кто тебя научил?» и далее в том же духе. Я отбивался, как мог, экспромтом. Внутренне был доволен, что в последний момент не струсил: сделал то, что решил. В следующий перерыв ко мне подошли и холодным официальным голосом сказали: «В девять, после занятий, тебя вызывают на комсомольское бюро!»

На курсовом бюро – шквал речей: «Провокатор!», «Обыватель!», «Ревизионист!», «Ты замахнулся на славных чекистов!»... Решением бюро я был исключен из рядов ВЛКСМ за поношение «вооруженного авангарда коммунистической партии – органов госбезопасности». Где-то в середине февраля снова прошло показательное комсомольское собрание. Теперь клеймили одного меня. Теперь и Юра Поляков, защищавший меня в декабре 1957-го, отступился: «Он обманул наше доверие!» Собрание подавляющим большинством голосов проголосовало за исключение отщепенца из комсомола и за то, чтобы «просить деканат об отчислении Осипова из университета». «Против», т. е. в мою защиту, поднялось три-четыре руки: Володя Малов, Люся Птицына, кто-то еще.

Позже известили, что я исключен из МГУ за «непосещение лекций». Это была неправда, но неправда взаимовыгодная: начальство снимало лишнее политическое бельмо, а я получал все-таки не волчий билет, а приемлемую бумагу. Действительно, в дальнейшем мне удалось получить диплом заочно в другом вузе. В дальнейшем, а пока ко мне в общежитие – отдельную студенческую комнату на Воробьевых (тогда – Ленинских) горах является милиционер и требует в двадцать четыре часа выписаться и покинуть общежитие и Москву.

Впереди маячили два срока по 70-й статье («Антисоветская агитация и пропаганда») и тридцать лет бездомной жизни. Что ж, слово не воробей... Или: «Слово – серебро, а молчание – золото»? Один день. Один день из жизни советского режима.

«Мы не эти и не те»

«Юность – это возмездие», – сказал забытый поколением пепси (а точнее – пива) Генрик Ибсен. 45 лет назад молодые люди, выросшие под колпаком фарисейства и лжи, осуществили, как могли и как умели, – прорыв к правде, к свету и совести, как они их понимали. Претворился акт возмездия. Дети и внуки тех, кого стреножили (и кто сам стреножил) пути бесчеловечной красной схоластики, – восстали. Взбунтовались против классово-идеологической и против диалектики, лишенной сердца.

Отрицание лицемерия было главным. Поэзия оказалась на первом плане. Поэты «площади Маяковского» в Москве – еженедельных по выходным с 8 вечера до часа ночи (пока ходило метро) собраний под открытым небом с июля 1958 до конца 1961 года – пытались, каждый по-своему, разбудить человеческую массу, встряхнуть попавших под красное колесо или монотонно-серый жернов номенклатуры.

Осенью 1958 года я вернулся с целины, из Северо-Казахстанской области, где в совхозе «Барашево» наш факультет убирал пшеницу, и узнал от Толи Иванова о необычном явлении в общественной жизни столицы. При торжественном открытии монумента Маяковскому, едва ли не самому страстному певцу коммунизма, 29 июля 1958 г. романтик Н.С.Тихонов («Гвозди б делать из этих людей. Крепче б не было в мире гвоздей...») перерезал ленту, а министр культуры Михайлов произнес речь, в заключение митинга советские официальные поэты читали стихи на площади, а когда закончили, их сменили люди из толпы, простые граждане, которые читали либо Маяковского, либо еще кого, либо свои собственные вирши. Это всем так понравилось, что решили собираться и впредь по субботам и воскресеньям. Газета «Московский комсомолец» 13 августа даже дала объявление о намеченных встречах. Читали Маяковского, Симонова, Есенина, Евтушенко, забытого Гумилева, Ахматову, Цветаеву, тогда еще не преданного анафеме Пастернака и многих других. Читали и свои собственные вирши. Когда же в этих чтениях стали мелькать крамольные или просто неконформистские мотивы, собрания рассеяли. Но ненадолго. Где-то с середины 1960 г. «площадь Маяковского» как бы возродилась. Появилось второе дыхание. Еженедельно по выходным публика приходила «на огонек». И хотя рифмы первенствовали, молодежь потянулась и к более последовательному, а не только эстетическому, осмыслению происходящего. Стихи порождали дискуссии. Никто не хотел быть коммунистическим лицедеем, но и буржуем тоже никто не желал быть. Тем более, что все поэты, будь то Юрий Галансков, Владимир Ковшин (Вишняков) или Аида Топешкина, были бессребрениками в самом прямом, буквальном смысле этого слова. Все были стихийными антикапиталистами. Нам одинаково претили и Ленин, и Ротшильд. «Мы не эти и не те», – вдохновенно писал Аполлон Шухт. Сколько неподдельного негодования выражали, например, стихи Галанскова против пошлости бытия людей, прикованных «горстью монет» к вещам, поглотившим душу.

Особенно памятным был вечер 14 апреля 1961 г., в 31-ю годовщину гибели Маяковского, которого, кстати, мы считали тогда оппозиционером. Позже, в лагере, знаток его творчества Андрей Синявский рассказывал, что действительно в последние годы у этого трибуна революции появилась некоторая оппозиционность к режиму. Даже, например, читая стихи «Жезлом правит (милиционер), чтоб ВПРАВО шел, пойду направо – очень хорошо...», поэт делал при этом крайне скорбную физиономию: «вправо» идти не хотел. Но 31-я годовщина его смерти совпала с празднованием успешного полета Гагарина, и наше «сборище» вызывало у властей еще большее отторжение. Они восприняли наш митинг как вызов. В тот вечер при свете прожекторов толпа в 400–500 человек (возможно, и больше) зачарованно слушала наших бунтарей, особенно Толю Щукина: «Сыт ли будешь кукурузой...» Почему-то именно эти строчки взвинтили комсомольскую спецгруппу Агаджанова («органы» были

в тени, а на плаву была, так сказать, общественность, типа современной путинской структуры «Наши»). Они с яростью бросились к Щукину. Мы плотным двойным кольцом, сцепившись за локти, отбивали натиск ретивых комсомольцев. Возня, крики. Огромный человеческий ком покатился к кинотеатру «Москва». Щукина прижали к стене. Внештатные чекисты схватили, наконец, бунтовщика и передали милиции. Одновременно был схвачен и я. «Держите того, в шляпе, он у них главный!» – вопили агаджановцы. Меня босого метнули в легковую милицейскую машину, в спину бросили выпавшие ботинки. На следующий день состоялся суд (по статье о «хулиганстве»). Щукину дали 15 суток. Столько же хотели дать и мне, но я дико запротестовал против дежурной лжи: «нецензурно выражался». Всегда брезговал мата, даже в молодости. Мое возмущение изумило судью, и мне «скостили» срок лишения свободы до 10 суток.

В 1997 году вышел сборник материалов Людмилы Поликовской «Мы предчувствие... предтеча...» о «площади Маяковского». Людмила Владимировна назвала «политиками» тех, кто не был поэтом, но целенаправленно приходил на эти вечера у памятника. Так вот «политиков» или идеологов пленяли рабочие советы по образцу Югославии (страну эту времен Тито, естественно, идеализировали). Чаяли анархо-синдикалистского варианта социализма. Наши с А.М. Ивановым наработки (Сорель, Бакунин, Шляпников) тут имели успех. Именно с позиций «югославского ревизионизма» была написана программа предполагаемой организации, зачитанная мною в Измайловском парке 28 июня 1961 г. С этого дня те, кто там собрались (Эдуард Кузнецов, Евгений Штеренфельд как представитель Галанскова, Анатолий Иванов, я и будущий автор посадочных показаний Вячеслав Сенчагов), чувствовали себя уже как бы членами подпольного сообщества, возникшего на основе поэтического «маяка». Единение мыслилось во имя политического просвещения, в первую очередь рабочих – по рецептам революционеров начала века. Так сказать, небольшевицкий социализм, но и не социал-демократия, которая тоже отталкивала сытым самодовольством (ни один тогдашний эсдек Европы у нас не вызывал восторга).

Итак, было два направления: политическое и «поэтическое». При этом поэт Юрий Галансков и «политик» Осипов были причастны к обоим. В общественном плане нас живо заинтересовали стихийные народные мятежи в Муроме (30 июня 1961 г.) и Александрове (23–24 июля 1961 г.). Не успев осмыслить программу и цели пока еще не созданной «синдикалистской» организации, мы отвлеклись на эти события. Сенчагов предложил съездить в Муром. Он убедил Кузнецова, и они съездили на место происшествия. Увидели сожженное здание милиции. В этом городе старший мастер завода им. Орджоникидзе Ю. Костиков выпил, неудачно сорвался с грузовика на асфальт, разбил голову и без медицинского освидетельствования помещен в камеру для пьяниц.⁴ В этой камере пострадавший провел всю ночь. Наутро его нашли при смерти. Вызвали «скорую помощь», но было уже поздно. Не приходя в сознание, Костиков умер в больнице от кровоизлияния в мозг.

То есть современный исследователь не упоминает об избиении мастера в милиции. Но тогда в городе многие сочли, что именно милиция забила его до смерти. А по данным историка получается, что вина милиции скорее косвенная: без осмотра врача поместили в камеру. Когда через несколько дней Костикова хоронили, траурная процессия прошла мимо городского отдела МВД. Некто Панибратцев выскочил из колонны и с криком «Бей гадов!» швырнул пару камней в окна милиции. Засим посыпался уже град булыжников. У горотдела милиции возник стихийный митинг. Все проклинали «ментов». «Хулиганствующими элементами» было подожжено дежурное помещение, потом автомашина, а внутри здания начался погром, избиение милиционеров, дружинников и других должностных лиц, включая прокурора города.

⁴ Излагаю по монографии В.А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев» (Новосибирск, 1999).

По данным Козлова, большинство погромщиков были пьяны и в основном мстили милиции за прошлые обиды. Из КПЗ было освобождено 26 уголовников и 22 «хулигана». Здание милиции было выжжено изнутри. Возвращаясь из Муром, Кузнецов и Сенчагов узнали по дороге и о похожих событиях в Александрове, в той же Владимирской области. В Александров для сбора информации отправились Кузнецов, Хаустов и Осипов. Поводом для конфликта, случившегося 23 июля 1961 г., послужило задержание двух солдат из Загорска (теперь – Сергиев Посад) местной милицией. Некоторые женщины, видевшие арест, подняли шум. Смеркалось. Толпа в 50–60 взвинченных лиц требовала освобождения задержанных. Приехал подполковник из той части, где служили солдаты. Толпа росла до 100 и потом до 500 человек. С криками «Устроим, как в Муроме!» стали раскачивать автомашину офицера, который пытался бежать. Героем «погони» за подполковником был грузчик Зайцев, герой войны. Этот Зайцев потом ворвался в милицию с «революционными» целями и там был зверски избит такими же громилами, которые приняли его за «мента».

Все перемешалось. Горотдел был подожжен. Власти вызвали пожарных и войска. Пожарным не давали тушить. Штурмовали тюрьму, но безрезультатно. Как пишет Козлов, «во время штурма тюрьмы 4 человека были убиты и 11 ранены...» и «только к 2 часам ночи 24 июля прибывшие в Александров воинские подразделения подавили бунт, а пожарные машины смогли приступить к тушению пожара».

Мы с Кузнецовым и Хаустовым были в Александрове через неделю, по свежим следам, 30 июля. Видели сгоревший остов здания милиции, военные патрули на тихих улочках присмившего районного центра. Рассказывать о случившемся никто не хотел. Узнали мало, однако предполагали все же в основе событий социальную струю. С тем и подумывали о листовках, в которых надеялись подчеркнуть момент политического протеста. Но колебались, уж больно расходилось с нашими иллюзиями о народной революции криминальное начало и в муромских, и в александровских беспорядках.

Поэтому до листовок дело так и не дошло, что не помешало следователям КГБ все собрать «до кучи». Любое намерение засчитывали за криминал. Например, статья 70-я, по которой нас судили, говорит об «антисоветской агитации и пропаганде». У меня лично было зафиксировано хоть два крамольных выступления на частных квартирах, куда мы уводили своих сторонников с площади. У Кузнецова не было НИ ОДНОГО публичного выступления, и все равно – «пропаганда»! Теперь, на склоне лет, я осознал, что стихийные массовые беспорядки чаще всего имеют криминальную основу, мотором толпы становится шпана. Историк Козлов так и пишет о «восстании» в Александрове: «Активное ядро погромщиков отличалось прежде всего повышенной концентрацией криминальных или полукриминальных элементов».⁵

Думается, что массовые беспорядки 1905 года в России отличались тем же. Как и роковой Февраль в Петрограде, когда горьковские челкаши избивали (и убивали) городских и еще почему-то трамвайных вагоновожатых. Некоторые сегодня взывают к «народной революции». Хотелось бы им напомнить об этой грустной истине. Хотите разгула бандитов, смиритесь, что и вас будут калечить и убивать, как в Александрове изувечили «своего» же Павла Зайцева, «перепутав».

Конечно, есть во всем этом и «гносеологическая» сторона. При неправовом режиме уголовники тоже – жертвы режима и многим действительно есть за что мстить. Это клубок, запутанный поганой февральской революцией 1917 года. Кстати, исследователь Козлов упоминает на странице 287 о наших поездках в Муром и Александров летом 1961 г. на основании материалов Государственного архива.

⁵ Указ, соч., с. 270

И параллельно с «политическим» направлением мы активно участвовали и в «культурологическом». Зимой – весной 1960 г. машинописный сборник неподцензурной поэзии «Синтаксис» издал Александр Гинзбург, впоследствии известный правозащитник. В июле издатель «Синтаксиса» был посажен, а в ноябре 1960 г. я издал сборник «Бумеранг». Здесь уже были не только стихи (Щукин, Шухт, Ковшин), но и критические статьи, проза Виктора Калугина (ныне – известный писатель-почвенник), а также размышления художника В.Я. Ситникова.

Последний был значительно старше нас (родился в 1915 году), был большим оригиналом. Не признавал правил русского языка, писал так, как слышится. На картинах любил изображать не лицо, а другое место. Но иностранцам его творчество нравилось, и эти необычные «портреты наоборот» ими охотно раскупались. «Официально он считался душевнобольным и получал пенсию по инвалидности», – пишет знаток «подвальной» богемы Михаил Агурский. Кстати, он же отмечает, что многие художники этого круга «были учениками незаурядного человека Евгения Кропивницкого, учителя рисования в районном Доме пионеров», а его (Кропивницкого) учителем и другом был поэт и бродяга Филарет Чернов, известный своими антирелигиозными стихами в 1922–1923 гг., т. е. в самое сатанинское время. «Это, – считает Агурский, – отразилось и на его учениках».⁶ До него я успел познакомиться с картинами Рабина, того же Кропивницкого, Вейсберга. Это все были подпольные, т. е. неофициальные, художники. Позже сестра Юрия Галанскова Лена, хорошо знавшая многих непризнанных гениев, рассказывала: «Придешь в их компанию, об искусстве – ни слова, только о «бабках», кто сколько заработал». Как правило, многие из них не ведали никакой школы, систематически рисунку и прочим премудростям не учились.

В своем очерке 1970 года «Площадь Маяковского, статья 70-я» я писал: «Вместе с Анатолием Ивановым («Рахметовым») и кругом наших однодумцев я организовывал выставки этих художников на частных квартирах. Спустя много лет я внутренне отрешился от всякой живописи, которая покидает природу и человеческую душу, мне стал неприятен своим аморализмом абстракционизм и смежные с ним направления, я понял, что полотна Пикассо вопят об относительности всего святого. Но я не хочу зачеркивать свою молодость и свои усилия, отданные в 1960–1961 гг. пропаганде левой живописи. Я ни в чем не раскаиваюсь. Пропаганда формалистических направлений сделала свое доброе дело – пробила брешь в стене конформизма». Сегодня, спустя 35 лет после написания этих строк, я еще более неприемлемо отношусь к авангардизму и смежным с ним течениям. Считаю это сатанинским искусством, сознательным бунтом против Божьего мира. Век живи – век учишься. Сегодня я РАСКАИВАЮСЬ в том, что согрешил в молодости по части пропаганды псевдоискусства. 35 лет назад, в 1970 году, уже став православным монархистом и консерватором, я еще не понимал, что и хорошая цель (сокрушение большевистского конформизма) НЕ оправдывает средства. Эту часть молодости я перечеркиваю. Вот они – черновики жизни.

Добавлю к этому мнение великого русского художника И.С.Глазунова: «На международном конгрессе в Швейцарии, для больных, теряющих сознание и связь с реальной действительностью, введен медицинский термин «синдром Кандинского»... В основе так называемого абстрактного искусства лежит культ психики больного человека... Черная волна безумия или душевного расстройства захлестнула, к сожалению, содержание творчества многих художников XX века. Доводя искусство до безумия – абсурда, эта тенденция, направляемая стоящими в тени «дирижерами», помноженная на шаманство и кликушество первобытных народов, чтобы не сказать людоедов – дикарей и сатанистов, сегодня стала господствующей на экранах телевидения, страницах журналов и книг».⁷ Действительно, среди

⁶ Агурский М. Пепел Клааса. Иерусалим, 1996. С. 244–245.

⁷ Глазунов И.С. Россия распятая. М., 1996. С. 75.

левых творцов было немало психически нездоровых людей. Но мы по молодости воспринимали это либо как печать гениальности, либо как умышленно ошибочный диагноз, продиктованный политическими целями. Подчеркиваю: речь идет о более раннем времени, ДО того, как ведомство Андропова в самом деле взяло такой метод борьбы с инакомыслием на вооружение.

В студенческие годы я успел пообщаться и с некоторыми легальными поэтами, конкретно с Иваном Харабаровым и Юрием Панкратовым, тогда студентами Литературного института, на которых я вышел через их знакомого Бориса Колесникова. Кстати, тот же Колесников из Литинститута меня познакомил и с Игорем Авдеевым. Он любил соединять людей в атомизированном советском обществе. Харабаров прославился стихотворением «Железные люди»:

Поезда тяжеловесные
Сотрясают грудь земли.
Люди ржавые, железные
Мне мерещатся вдали.
И слышны неумолимо
Их шаги и там, и тут,
Тяжело, неумолимо
За моей душой идут.
Чтоб руками неживыми
Задушить меня навек,
Чтоб забыл я вместе с ними
То, что был я человек.
Что тут крики бесполезные?
Не видать кругом ни зги.
Люди страшные, железные,
Неподвижные мозги.
Выхожу один навстречу
Их бесчисленным рядам.
Свою душу человеческую
Я железу не отдам.

Панкратов стал известен поэмой «Страна Керосиния», написанной в том же духе, что и «Железные люди». Оба были бунтарями. Часами мы обсуждали в их общежитии втроем-вчетвером-впятером проблемы спасения России от красного ига. В период кампании против Б.Л.Пастернака в литинститутской стенгазете появилась карикатура: «Опасная насадка». Большая хохлатая курица с головой мэтра, автора «Доктора Живаго», своими крыльями прикрывала яйца с едва вылупившимися головами Харабарова и Панкратова. Между прочим, рядом была карикатура на Беллу Ахмадулину, тащившую на веревочке игрушечную автомашину: намек на то, что ее тогдашний супруг Евгений Евтушенко подвозил на учебу свою жену-студентку. К Пастернаку ее подвязать, видимо, не удалось, так зацепили хоть таким образом. Позднее, когда я уже сидел, Харабаров, как говорят, стал сильно пить. Талант ушел в песок. Кажется, и умер он в поддатом состоянии. Упокой, Господи, душу раба Божьего Ивана.

Андрей Зорин считает, что генерация «пятидесятники» в смысле поколения, а не членов протестантского религиозного объединения существовала. Предшествовала шестидесятиникам. Они-то и вышли к площади Маяковского. «Потом они стали диссидентами, учеными, инженерами, обывателями. В поэты, кажется, почти никто не выбился. А тогда они

просто были очень молоды... Кто может судить, чья молодость лучше, чья хуже? На сегодняшний вкус, та, старая, на бывшей и нынешней Триумфальной даже как-то веселей». ¹ Не мне судить о своем поколении, но добавлю, что если в этом смысле пятидесятники существовали, то именно «Маяк» был самым ярким проявлением той неповторимой исторической минуты в маске оттепели. Додиссидентского периода.

Кто хотел убить Хрущева?

Возможно, нам с Кузнецовым не дали бы по 7 лет, не будь особо зловещего «эпизода» в нашей деятельности. В приговоре Мосгорсуда от 9 февраля 1962 г., в частности, говорилось, что я «в августе – сентябре 1961 года, совместно со своими соучастниками, обсуждал возможность совершения террористического акта в отношении Главы Советского правительства».

В 1997 году я шел по улице и вдруг увидел у продавца газет свежий еженедельник «Мир новостей»⁸ с броским заголовком на первой странице «Кто хотел убить Хрущева» (без вопросительного знака). Я удивился и подумал, усмехаясь: «Кто же *еще* хотел этого?» Купил газету. Оказывается, мы в 1961 году.

Журналист Феликс Покровский в статье «К убийству Хрущева было все готово» совершенно серьезно пишет о нашем «замысле». Говорили ли мы на эту тему? Да, говорили. В августе 1961 г. Хрущев воздвиг стену в Берлине и заявил, что в дальнейшем весь Берлин должен войти в состав ГДР. Он пригрозил западным державам, что если они до 1 января 1962 года не прекратят полеты своих лайнеров из ФРГ в Западный Берлин, то советские войска будут сбивать эти самолеты.

Мы расценили это как провоцирование новой мировой войны. В ноябре 1956 года Хрущев уже угрожал военными действиями Западу в связи с агрессией Великобритании, Франции и Израиля против Египта, и Запад тогда отступил. Теперь, в августе 1961 г., Западу был предъявлен новый ультиматум. Как показывает А.М. Иванов: «Мы считали: Хрущев ведет авантюристическую политику, направленную на эскалацию войны, и я высказал мысль, что возможен вариант «Гаврило Принцип наоборот», то есть одним выстрелом предотвратить войну. Но Ременцову я не верил. Выдвигалась кандидатура Эдика Кузнецова».⁹ Да, где-то около трех недель эта идея, именно как идея, обсуждалась. Виталий Ременцов познакомился с Ивановым в психушке, где он сидел вместе с Ивановым (где Анатолий Михайлович оказался в результате того самого ареста 31 января 1959 г., по поводу которого я возмутился 9 февраля 1959 г.). Он (Ременцов) сам брал на себя миссию снайпера и только просил помощи. Кто-то посвятил в эту идею Галанскова, а Галансков почему-то – Сенчагова. Если верить показаниям неизвестного мне Юрия Стефанова, последний рассказывал о В. К. Буковском: «... то явится с бутылкой пива, изображая гусара, кинет ее с пятого этажа и скажет: «Я взорву XXII съезд партии».¹⁰ То есть даже Буковский муссировал террористическую идею, пусть даже шутя. На «Маяке» можно было, совершенно независимо от наших с Ивановым и Кузнецовым разговоров, услышать нечто подобное. Сам Буковский показывает: «Единственный человек, который относился к этой идее всерьез, был Виталий Ременцов... Я встретил его в 63-м году в Ленинградской психушке... Он был какой-то знакомый друга Осипова, Анатолия Иванова-Новогоднего..., верил ему абсолютно и был вполне готов осуществить убийство советского лидера. За что и поплатился жестоко – просидел в психушке чуть не 5 лет (он был вполне нормален, просто не любил советскую власть)»¹¹. И далее о Сенчагове: «Он принял всю эту затею очень серьезно»¹². В середине сентября 1961 г. в советско-американских отношениях произошел поворот в лучшую сторону, напряженность спала и мы все, включая

⁸ № 35 от 1 сентября 1997 г.

⁹ Сб. Людм. Поликовской, с. 237.

¹⁰ Сб. Людм. Поликовской, с. 131.

¹¹ Там же, с. 18.

¹² Там же, с. 21.

прежде всего инициатора идеи А.М. Иванова, сняли «террористическую» идею (повторяю, всего лишь как идею) с обсуждения и к ней больше не возвращались. Все!

Дураки мы были или не дураки, но после 18 сентября 1961 г. – я это очень четко помню – идея не муссировалась, не обсуждалась, о ней забыли. Мировой войны не будет, и слава богу! Так что Вячеслав Константинович Сенчагов отправился в КГБ докладывать о том, чего не было. Сообщать о перечеркнутых разговорах. За два дня до ареста, 3 октября, мы с Кузнецовым были у Юрия Галанскова на его квартире на Ленинском проспекте и Юра нам сказал: «Я держу человека, который рвется в КГБ». Фамилию «рвущегося» он не назвал. Мы с Эдиком как могли разубеждали его. Его, может, и убедили, но роковым оказался следующий момент. В эти же дни я встретил Толю Щукина, с которым посидели немного в кафе «Огни Москвы» на крыше ныне снесенной гостиницы «Москва» и расстались. Себе на беду я сказал: «Вот жизнь. Вечер, покой, а завтра суeta и очередная акция». Т. е. я имел в виду вечер в Доме культуры или поход в Манеж на выставку живописи, где мы пропагандировали свои антиконформистские взгляды. Сентябрь 1961 года – это были сплошные «культурологические» мероприятия. И это несмотря на то, что я преподавал историю в 727-й школе гор. Москвы более чем по полной нагрузке. Занят я был и работой своей, и «просветительством» по горло.

А поэту Щукину почудился в моих словах намек на теракт. Он побежал к своему другу Сенчагову, к Галанскову, Шухту, Ковшину. Все белены объелись. Сенчагов принял решение спасти демократическое движение от погрома, который, дескать, случится в результате теракта экстремистов Иванова, Кузнецова, Осипова. Сначала посоветовался со старшим другом и наставником, большим либералом Кивой Майдаником, написавшим книжку о революции 30-х годов в Испании. Тот и сам позвонил в КГБ по «либеральным» каналам и Вячеслава Константиновича благословил. Я читал показания Сенчагова от 5 октября 1961 года. Дескать, на «площади Маяковского» было два направления, две группы лиц. Одни – это хорошие советские люди, только слегка ошибающиеся насчет политики партии в области литературы и искусства. И другие – радикалы, стремящиеся к насилию. Конкретно назвал Иванова, Кузнецова, Осипова. Они, мол, затевают страшное злодеяние: «взрыв XXII съезда КПСС». Буквально так. Мало того, что он, ничего толком не зная о наших уже преданных забвению разговорах «Гаврила Принцип наоборот» ДО 18 сентября 1961 г., еще и изображает эти перечеркнутые, похороненные разговоры как действительные на момент явки в КГБ, он еще и просто СОЧИНЯЕТ то, чего и в мыслях ни у кого не было: «взрыв партийного съезда». Словом, дал органам КГБ достаточный повод для нашего ареста. Сенчагов не раскался и по сей день. Он и сегодня считает, что спас государство от террористов. Т. е. полагает, что мы так хитро надули органы, что они ничего реального не нашли. Между тем, если бы действительно хоть что-нибудь было, нам дали бы срок за подготовку террористического акта, а не за антисоветскую пропаганду. Но срок нам Сенчагов, конечно, увеличил. Не будь «террористических» бредней, нам за все остальное дали бы от силы 2–3 года. А может, и сажать не стали бы, ведь арест был инспирирован и ускорен доносом о теракте.

Мне горько сознавать, что «источником» фантазий Сенчагова – Щукина явилась моя фраза: «Вечер, покой, а завтра суeta и очередная акция». Опасно общаться с экзальтированными поэтами. Опасно для собственной безопасности. Того и гляди, упекут в лагерь. Между прочим, примерно за полгода до нашего ареста Сенчагов обратился ко мне и Иванову: «А не связаться ли нам с американской разведкой?» Мол, они бы помогли в борьбе с режимом. Я лично пришел в ужас от такого предложения. Иванов среагировал спокойнее, но тоже изумился. Спрашивается, сам ли Сенчагов придумал это или его надумили? Сенчагов, на мой взгляд, летом и осенью 1961 г. вел себя, мягко говоря, не логично. 28 июня он в составе узкой «проверенной» группы в Измайловском парке полностью поддержал идею подпольной организации и стал проявлять большую активность по части «революционных»

помыслов. Именно он убедил Кузнецова съездить в Муром для изучения случившихся там событий, как предполагалось, «народного восстания». И они съездили и обследовали. Инициировал он и нашу другую поездку (30 июля) – в Александров. А потом внезапно у него резко изменилось настроение, он вдруг решил «выйти из игры», опомнился, так сказать, и 9 августа (я запомнил эту дату, потому что это мой день рождения) он мне заявил, что «отходит от политической деятельности» (едва начавшейся) и намерен впредь работать только в сфере науки, экономической науки. Однако, несмотря на УХОД и открытый разрыв с нами, продолжал крутиться и вокруг Галанскова, и вокруг других наших соратников. Бедная наука снова оказалась заброшенной. Почему? В дальнейшем, «разоблачив» экстремистов, он писал учебник по экономике и даже стал министром – председателем Государственного комитета по ценам в правительстве Павлова.

В то время КГБ возглавлял весьма честолюбивый Александр Николаевич Шелепин. Он был в оппозиции к Первому секретарю, так сказать, «справа», сам метил в лидеры, позднее участвовал в заговоре Политбюро против Хрущева. Дело Осипова – Кузнецова (Иванов был отправлен в психушку, так что я оказался коноводом) понадобилось Шелепину, чтобы доказать, как опасен «либеральный» курс Никиты Сергеевича. Стоит чуть-чуть отпустить вожжи, и на тебе: тут же и террористы. Донос Сенчагова – Майданика оказался более чем кстати для «железного Шурика». Думается, состряпанное «дело» тоже сыграло свою роль в последующем ужесточении режима. Так что Сенчагов и Майданик добились прямо противоположного, чем хотели (если «хотели»...).

Спустя год, 28 мая 1962 г., вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о дальнейшем зажиме положения политзаключенных, конкретно о двух и только двух видах режима для инакомыслящих («антисоветчиков»): строгом и особом. Ранее, в 1956–1961 гг. видов режима было четыре: общий, усиленный, строгий и особый. Первые три вида – обычная зона с правом хождения внутри заборов (разница была в количестве «льгот»: посылки, свиданий и т. п.). Особый режим – фактически крытая тюрьма в лагере. А нам с Кузнецовым Московский городской суд 9 февраля 1962 г. (судья Коржииков) дал усиленный режим, более мягкий, чем строгий, на котором мы провели год с хвостиком. После майского Указа 1962 г. суды пересматривали всем виды режимов и обычно вместо усиленного давали строгий.

Однако нам с Эдуардом (и добавленным «до кучи» Бокштейном) дали не строгий, а ОСОБЫЙ режим: полосатая одежда, камера под замком, никаких посылок, никакого допитания и прочее. Особый в основном давали исключительно рецидивистам или тем, кому расстрел заменили сроком. Прокурор Молочков заявил, что «антисоветская деятельность Осипова, Кузнецова, Бокштейна носила особо злостный характер», была широкомасштабной и долговременной, вследствие чего отпетым негодьям в порядке исключения следует объявить не строгий, а – особый, спецрежим. И 8 июля 1963 г. нас отправили на зону ЖХ 385/10 (пос. Ударный) с особым режимом. Мы попали к рецидивистам, среди которых не менее половины были законченные уголовники. Последняя-то статья у них была «политическая»: опасаясь расправы за карточный долг или стукачество, бытовик царापал каракулями «антисоветскую» листовку, что-нибудь в духе «Хрущев» и далее матерная брань, вывешивал ее в зоне на видном месте, тут же крутился, его «арестовывали» в зоне, еще раз судили, теперь уже за «антисоветскую пропаганду», давали весомый срок и отправляли на спец к настоящим политическим. Чекисты убивали сразу нескольких зайцев: усугубляли шпаной моральное состояние политзеков, причем шпаной, которою и воры-законники брезговали, всяким комиссиям из Москвы показывали, какие политические в СССР, использовали эту категорию для слежки и провокаций. Кузнецов свидетельствует: «Такого тяжелого бытия я не видел за все свои 16 лет лагерей»¹³.

¹³ Сб. Л. Поликовской, с. 225.

С сакральной точки зрения любопытно, что как раз в это время (лето 1963 г.) руководство МВД и КГБ СССР представило Н.С.Хрущеву проект физической ликвидации рецидивистов, т. е. лиц, сидящих на особом режиме. Зэки свидетельствовали, что на Урале уже готовили большую зону, куда начинали свозить эту «масть». Хрущев, говорят, порвал проект постановления. «Вы, что, с ума сошли?» – якобы кричал он своим оруженосцам. Наши адвокаты в конце концов доказали, что мы не столь «злостны» и «широкомасштабны», и Мосгорсуд в январе 1964 г. пересмотрел собственное решение (от июня 1963 г.) и подарил нам СТРОГИЙ режим. Но 7 месяцев мы провели на спецу, среди урок, на камерном режиме. Там я стал убежденным националистом и монархистом. Там окончательно утвердился в Православии. Осуществившись задумка чекистов насчет окончательного решения вопроса об «особо опасных», мне, быть может, не пришлось бы писать эти строки. Разве пламенные поэты предполагали такое? Нет, конечно. Мы редко осознаем последствия своих поступков.

По доносу Сенчагова нас арестовали на следующий день, 6 октября 1961 года. Инкриминировали организацию «антисоветских сборищ» на площади Маяковского и на частных квартирах, обсуждение программы предполагаемой организации в Измайловском парке, намерение изготовить листовки, ну и, конечно, «обсуждение террористического акта». Лично мне вменили в вину два «антисоветских выступления», а Кузнецову – молчаливое «одобрение» тезисов о расколе комсомола, зачитанных Буковским. Приговор – 7 лет усиленного режима мне и Кузнецову, замененного сначала особым, а потом – после семи месяцев пребывания на спецу – строгим режимом. 5 лет получил Илья Вениаминович Бокштейн. С нами он почти не соприкасался, на площади Маяковского витийствовал не с «анархо-синдикалистских» позиций, а с откровенно антикоммунистических, «буржуазных». Свидетелями против него были в основном дружинники из отряда Агаджанова. Чекисты решили включить его в нашу группу, хотя он арестован был на два месяца раньше, 6 августа, прямо на площади, взят «с поличным».

О ходе следствия Кузнецов говорит: «Все вели себя достаточно благородно»¹⁴. Впрочем, я и по сей день упрекаю себя в том, что давал показания на себя. И на себя не надо было показывать. Стерильное поведение у меня было в 1974–1975 гг., во время второго следствия (по делу о журнале «Вече»): полный, абсолютный отказ от показаний: «Не скажу!» Зачем хитрить, увилывать, искажать события, когда так просто не говорить ничего. Брежнев не пытал, иголки под ногти не всовывал. Если что-то и было положительное при государственном социализме, так это в брежневский период. Хрущев был либералом для репрессированных коммунистов, но как он преследовал верующих, издевался над Церковью!

Сразу после приговора Мосгорсуда 9 февраля 1962 г., когда конвой вел нас по коридору, известная инакомыслящая Елена Строева вручила нам по букету роскошных цветов. Конвоиры мгновенно их вырвали. Я писал об этом эпизоде в своем очерке «Площадь Маяковского, статья 70-я», но, к сожалению, машинистка, видимо, не любившая Лену, выбросила эти строки из текста, а я не проверил. Мелочь, конечно, но как часто из таких мелочей рождаются обиды, недоразумения, неприязнь. Как часто наше бытие омрачает зависть и гордыня.

¹⁴ Сб. Л.П., с.224.

Русский националист

13 апреля 1962 г. я прибыл на зону, в исправительно-трудовое учреждение ЖХ 385/17 в поселке Озерный Мордовской АССР. По дороге Москва – Самара на мордовском перегоне есть станция Потьма. От этой станции почти перпендикулярно к основной магистрали проходит местная железная дорога Потьма – Барашево. От нее-то по обе стороны колеи, словно грозди виноградной ветви, расходятся лагеря. Все это называлось Дубравлагом или Дубравным Лагуправлением ГУЛАГа. В советские времена здесь находились и политические зоны: одиннадцатая (пос. Явас), седьмая (п. Сосновка), девятнадцатая (п. Лесной), десятая или особая зона (п. Ударный) и вот была семнадцатая в Озерном (10–12 км от Яваса, «столицы» Дубравлага). На 17-м, в сравнительно небольшом лагере (300–400 чел.) сидели одни «антисоветчики», т. е. осужденные по статье 70-й УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда»). Поступали сюда в то время по 2–3 чел. еженедельно со всего Советского Союза (только номер статьи Уголовного кодекса других союзных республик мог немного отличаться). Здесь встретил я ранее осужденного Мосгорсудом (5 мая 1959 г. к 6 годам лишения свободы) инженера и поэта Игоря Васильевича Авдеева (1934–1991), того самого, из-за связи с которым был арестован мой однокурсник А.М. Иванов. Авдеев был певцом террора. Он считал, что тоталитарный строй может быть низвергнут только путем целенаправленного систематического устранения руководителей государства. Воспевал народовольцев, Желябова, Перовскую: «Мы славим высшую смелость, КОМУ НЕЛЬЗЯ ПОМОЧЬ!» Того изуверства, когда стреляют, в кого попало и даже в невинных детей, как теперешние «гинекологи» типа Басаева, в романтической голове Игоря не было. Как-то мне пришел запрос с воли от моих соратников, просивших моего политического благословения на акцию «Космос» (или «Космонавт»), т. е. на реализацию похороненной в сентябре 1961 г. идеи теракта. Я на эту акцию добро не дал. Игорь Васильевич, узнав об этом, был крайне возмущен моим отказом: «Ребята рвутся в бой, а ты их удерживаешь. Оппортунист!» У него был друг Альгис Игнотавичюс, с которым они сошлись на этой идее. Помнится, 20 августа 1962 г. уже на другой зоне мы с Игорем вдвоем пили чай, отмечали заочное освобождение Альгиса (нас к тому времени разбросали и тот освобождался, кажется, с семерки). Игорь Васильевич был как-то по-особому собран, напряжен и намекал мне, что скоро узнаем из газет о важном событии. Прошли годы, но в газетах об акции Игнотавичюса ничего не появилось. Гончаров назвал бы это «обыкновенной историей». Вышло так, что ни сам Игорь (освободился 9 декабря 1964 г.), ни Альгис, когда оказались на свободе, к террористической идее не возвращались: она согревала их только в зоне. Помню, как один зэк, освобождавшийся с другой зоны, специально приехал в Барашево к лагерю 3–5 и, дождавшись, когда мы шли угрюмой колонной из производственной зоны в жилую, громко прокричал всем: «Встретимся на баррикадах!»

Вообще психология зэков имеет свои особенности. В некотором смысле это мотив отложенного времени. Вот мы тут сидим, как в консервной банке, но дай только срок: освободимся – покажем! И, конечно, присутствует большое мнение о себе – наперекор государству, которое наказало, клеймило, унизило и швырнуло тебя на самое дно общества. Это попытка своеобразного возмещения за то, что ты одет в бушлат с биркой (фамилия и номер отряда), острижен наголо, приговорен к принудительному труду, к казарме, к двухъярусной койке, к нормированному времени и т. д. Гордыня – нехристианское чувство, но, увы, тоже согревает. Когда я писал об этом в своей книжке «Дубравлаг», строгая православная цензура забраковала мою рукопись, как недостойную быть опубликованной в православном издательстве, где следует печатать исключительно высокодуховную и нравоучительную литературу. («Дубравлаг» был издан потом журналом «Наш современник» при поддержке И.С. Глазунова.) Достоевский точно отразил эту особую гордыню у каторжников. И еще: «Кто бы

ни был каторжник и на какой бы срок он ни был сослан, он решительно, инстинктивно не может принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное, за часть действительной жизни. Всякий каторжник чувствует, что он НЕ У СЕБЯ ДОМА, а как будто в гостях. На 20 лет он смотрит, как будто на 2 года, и совершенно уверен, что и в 55 лет по выходе из острога он будет такой же молодец, как и теперь, в 35. «Поживем еще!» – думает он...»¹⁵

Вот именно: «Поживем еще!» – это у Федора Михайловича рассчитывает обычный зэк, уголовник. А политический заключенный тем более видит момент освобождения как начало новой исключительно активной деятельности. Между прочим, Достоевский пишет, что каторга сама по себе не так уж и тяжела, что и работа каторжная вполне выносима. Но тяжесть ее в ПРИНУДИТЕЛЬНОСТИ и БЕСПРЕРЫВНОСТИ. Вот что давит больше всего. Классик прав также и в том, что заключенный ощущает себя в возрасте, в каком посажен, и почти таковым чувствует себя до конца срока. Я сам лично сел в 23 года и через 7 лет, освободившись в 30, чувствовал себя душевно почти двадцатитрехлетним. Мы много рассуждали на эту тему с Андреем Донатовичем Синявским. Тот, как мне показалось, мотив отложенной жизни не воспринимал, а полагал, что ВСЮДУ ЖИЗНЬ и что бытие за колочей проволокой – ТОЖЕ ЖИЗНЬ, просто в чем-то своеобразная.

Итак, в Озерном на 17-м тянули срока (в этот период сравнительно небольшие: по первому разу – до 7 лет) «антисоветчики». Было много украинцев. О них Игорь Авдеев сказал так: «Согласятся на любую Украину – коммунистическую, демократическую, фашистскую, лишь бы отдельно от России. Главное – обособиться от нас и доказать, что они – не мы, что они – другие». Столь же русофобски были настроены прибалты, с «колонизаторами» не общались, Альгису Игнотавичюсу за общение с нами литовцы объявили бойкот. «Наши» большей частью были марксисты-ревизионисты. Здесь оказались Лев Краснопевцев, Николай Обушенков и их подельники. Были демократы, социал-демократы (Виктор Трофимов, Сергей Пирогов) и едва-едва прорезывались русские патриоты. Таковыми считали себя еще на воле Вячеслав Солонев и его соратники (Виктор Поленов, Юрий Пирогов и другие). Последние и осуждены были за интерес к фольклору, к русским корням, конечно, как бы в «антисоветской» упаковке. Осужденный за «анархо-коммунизм» (как близко к нашему «анархо-синдикализму»!) Юрий Тимофеевич Машков стал в лагере приверженцем русской идеи. Как и бывший социал-демократ из группы Трофимова Варсонофий Хайбулин, а также матрос Георгий Петухов.

В «Дубравлаге» я описывал «хипеш» или большой скандал с кавказцами после ссоры архангельского марксиста-ревизиониста Сергея Пирогова с одним чеченцем из «активистов». Сергей Пирогов в ответ на оскорбление со стороны чеченца сгоряча треснул его бутылкой по голове. Все кавказцы в зоне пришли в ярость, требуя извинения у нашего соратника, а тот извиняться перед «сукой» не стал. В зоне назревала большая потасовка между кавказцами, которым было наплевать, что их земляк – «активист», и русскими политзеками. Наш низкорослый больной подельник Илья Бокштейн действительно явился к оппонентам с кирпичом в руке. Однако автор книги «Четвертое измерение» А.Шифрин (Франкфурт-на-Майне, 1973)¹⁶ почему-то все путает. Ни с какими «студентами-фашистами» из Ленинграда спора не было, как не было и таковых «фашистов». Ленинградская группа Виктора Трофимова и Бориса Пустынцева никогда в фашизме не подозревалась, это были типичные марксисты-ревизионисты, считавшие себя социал-демократами. Конфликт был с кавказцами, которые тоже «фашистами» не именовались, да и ссора не носила идеологического характера. Кавказцам предъявил Бокштейн свой ультиматум, а не «русским фашистам». Зачем наводить тень на плетень? К чему эти подтасовки? Как раз «шовинисты», которых очень хочется

¹⁵ Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1956. С. 490.

¹⁶ См. сборник Л. Поликовской, с.352–353.

зацепить Шифрину, сочувствовали славянским демократам и готовы были в момент драки оказать помощь. Потом, кстати, Илью Вениаминовича потянуло на тесное общение с «черносотенцами» (тогда едва зарождавшимися). Он часами беседовал с Юрием Машковым, с Кирьяновым, принял в зоне Православие. Недаром, перебравшись позднее в Израиль, опасался афишировать свое крещение. Как он сам рассказывал, его соплеменники плевались, проходя мимо, в его сторону. Были на Озерном и сионисты, которым в основном инкриминировали тогда тягу в буржуазный Израиль и намерение туда сигануть.

Хотя в те два с половиной месяца, что я пробыл на 17-м, я немного общался и с «шовинистами», но, будучи «анархо-синдикалистом» (хотя и ницшеанцем при этом) в тот период, попал в общеславянский круг «просто антисоветчиков». Тем более, что в этом кругу вращался тогда и наш старый знакомый И. В. Авдеев.

29 июня 1962 г. нас всех с Озерного раскидали по другим зонам. Я с Владиславом Ильяковым из Курска, Авдеевым, Садовниковым и др. попал на 11-ю зону, в пос. Явас, в большой лагерь на 2 тысячи эзков. Все вроде политические или, по советской терминологии, государственные преступники. При Хрущеве уже было раздельное содержание, с уголовниками вместе мы не сидели. Но собственно «антисоветчиков» на этой зоне было немного. Доминировали участники, чаще рядовые, вооруженного сопротивления советской власти: бандеровцы, «лесные братья» прибалтийских республик и коллаборационисты, служившие при немцах полицейскими, старостами, бургомистрами. Очень мало оставалось власовцев. Сидел здесь колоритный Ронжин со сроком 25 лет, советский офицер, сбежавший в ФРГ из Восточного Берлина, работавший на радио «Освобождение» («Свобода») и хитроумно вывезенный чекистами в ГДР, а также военный переводчик Иван Васильевич Овчинников со сходной судьбой. Были еще какие-то шпионы, которыми мы мало интересовались. Тянули срок два московских «чувака», которых обличала «Комсомольская правда», Рыбкин и Репников. Провинились за общение с янки. Было немного солдат, покинувших по разным причинам воинскую часть в ГДР и обвиненных в «измене Родине». Например, Виктор Семенов из Пятигорска был большой советский патриот. Из романтических фантазий решил уйти в ФРГ и там в рядах Коммунистической партии Германии, действовавшей, по его мнению вяло и робко, задать нужный тон в борьбе за социализм. Было ему 19 лет. Схвачен еще на социалистической территории (в ГДР) и обвинен не в самовольном оставлении воинской части, а в той самой «измене Родине». Следовательно не поверил в революционные намерения 19-летнего утописта, сварганил ему червонец. От звонка до звонка сидел этот Павка Корчагин за свое советское мировоззрение. Впрочем, в лагере это мировоззрение, естественно, поменялось на 180 градусов.

Через год, как я уже писал, вследствие пересмотра Мосгорсудом дела Осипова, как чересчур серьезного, с широким охватом граждан в свою сферу, 8 июля 1963 г. меня, Кузнецова и Бокштейна этапировали на спец, в лагерь особого режима. Там нам выдали полосатую робу, заперли по камерам, лишили прежних свиданий и посылок. Из камер выводили в рабочую зону, где мы не спеша сооружали кирпичное производственное здание.

Однажды я разговорился с одним эстонцем, «лесным братом» из Таллина, с 25-летним сроком. Он поведал мне в ярких красках рассказ об одном сражении на советско-финском фронте во время «незнаменитой», как сказал Твардовский, войны с Финляндией 1939–1940 гг. В лоб, на хорошо укрепленные доты и дзоты наступали советские солдаты. Финские пулеметчики косили их цепь за цепью. Вот полегла одна шеренга, другая, третья, четвертая... А солдаты прут и прут волна за волной. У пулеметчиков от раскаленного металла слезает кожа на ладонях, а красные командиры все гонят и гонят на убой крестьянскую молодежь из русской глубинки. Советы не применяют артиллерию, авиацию, танки, не пытаются обойти укрепленную полосу противника, а следуют одному-единственному правилу – бросать людей в лоб, во фронт, завалить трупами «белофиннов». Этот рассказ произвел на меня

непередаваемое впечатление. Я оцепенел, онемел, сжался в комок. Невыразимая боль за русских ребят, за русский народ, за мое родное племя, за мою единственную и неповторимую нацию пронзила меня насквозь. Горечь за мой народ, который никому не нужен и за который никто не болеет. В первую очередь не болеет власть, начальство. Я едва доковылял до жилой зоны, до своей камеры, плюхнулся на нары, но почти не спал эту главную ночь в моей жизни, ночь с 21 на 22 сентября 1963 года. Утром я проснулся русским националистом, каким остаюсь и по сей день. И хотя Александр Орлов пишет обо мне периода «маяковки»: «националистом он был всегда»¹⁷, я же был тогда наполнен всякого рода «синдикализмом», нищезанятием, суперменством и прочими примесями. Теперь все эти примеси – по борту. Есть только русский народ и русское дело. Я понял, что отныне в жизни у меня ясная и точная цель – бороться за свой народ, защищать свою нацию. Те, кто не любит русских, – мои враги. Никакого так называемого шовинизма у меня нет и сегодня. Я люблю дружественные нам нации (например, сербов, абхазов, осетин) и не трачу время на тех, кто не любит нас. Мне некогда о них думать, ибо забота о недругах отнимает время от русской заботы. Я понял также, что именно русофобы клеймят изо всей мочи «русский национализм». Всех устраивает национализм эстонский, литовский, польский, грузинский, британский, еврейский и какой угодно. Не устраивает только русский. Н.Я.Данилевский приводит высказывание одного европейца: «Взгляните на карту, разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своею массою, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?»¹⁸ Но когда эта «туча» реально угрожала Европе? «Все войны до Петра велись Россией за собственное существование, – за то, что в несчастные времена ее истории было отторгнуто ее соседями». А войны, например, начала XIX века велись не за русские, а за европейские интересы, Россия «с достойным всякого удивления геройством приносила жертвы на алтарь Европы»¹⁹. Прозорливец Достоевский отметил, что их, людей Запада, «смущает теперь и страшит, в образе России, скорее нечто правдивое, нечто слишком уж бескорыстное, честное, гнушающееся и захватом и взяткой». И «этот взгляд на неподкупность внешней политики России и на вечное служение ее общечеловеческим интересам даже в ущерб себе оправдывается историей... В этом наша особенность сравнительно со всей Европой»²⁰. Только в XX веке, единственный раз за всю историю вывернутая наизнанку и даже переименованная Россия в лице СССР навязала марксизм Восточной Европе. Впрочем, почти с согласия своих военных союзников США и Великобритании. Но ведь экспортировали не свою исконную идеологию, а европейскую. В ГДР страшно гордились, что Маркс и Энгельс вернулись на немецкую землю. А самой России от этого что-нибудь обломилось? Ничего абсолютно. Еще Ленин и Троцкий готовы были сжечь Россию на костре мировой революции. А вот во все предыдущие века, когда наши цари следовали национальным интересам, Россия НИКОМУ не угрожала.

Либеральный министр Швыдкой докатился до того, что даже «немецкий фашизм», которому антифашисты вменяют в вину ликвидацию аж 6 миллионов его же, Швыдкого, соплеменников, оказывается «лучше», чем «русский фашизм», виртуальный и голословный. Фашизм, которого нет. В данном случае коричневый ярлык камуфлирует, маскирует ненависть к русскому народу и к русской культуре. Недаром его хунвэйбиновские, большевистские шоу именуются «культурной революцией». Попробовал бы он в Израиле произвести революцию в иудаизме, в иудейской культуре! А здесь можно. Здесь «аборигены» помалкивают. Т. е. мы пишем, конечно, протесты, публикуемые в «Завтра» или в «Русском Вестнике», но от этих протестов властям ни жарко, ни холодно. Так же, как мэр Лужков в упор

¹⁷ Сб. Л. Поликовской, с. Л 60.

¹⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 18.

¹⁹ Там же, с. 32.

²⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 1989. С. 402.

не видит наших многолетних стояний и шествий за переименование станции метро «Войковская», названной в честь мародера, изувера и цареубийцы. Потому что и власть против русских. С троцкистским идейным наследием в либеральной упаковке. Сегодня Ельцин и Кох, Черномырдин и Чубайс не любят русских с не меньшей страстью, чем Маркс, Энгельс, Ленин и Троцкий.

Став националистом, я довольно быстро осознал себя и монархистом. Понял, что только православная монархия может быть твердой опорой и защитой русского народа. Монархи могут иметь минусы, но даже при минусах монархия несопоставимо лучше республики, где правит мафия. Республика в своей неумолимой реальности – это власть мафии, господство теневого мира. Масоны и евреи клеветали на друга Августейшей Семьи Григория Ефимовича Распутина именно в том плане, что прозрачная власть Николая Второго, как и любого другого русского Царя, становилась якобы непрозрачной. Распутин давал иногда полезные советы, но он никогда не влиял на Государя – это теперь доказано документально. Власть Самодержца Николая Второго была столь же ясна и прозрачна, как и власть Александра Третьего, Николая Первого, Павла Первого, Екатерины Второй. А вот республика всегда непрозрачна. Исключение могут составить крошечные республики, как древнегреческие полисы или нынешняя Исландия, население которой могло бы уместиться на двух больших стадионах. Но там, где граждан не соберешь на площади, как в Афинах, в республике чаще всего правят темные лошади. Республика – лучшая форма правления для тайных масонских лож. Вот почему я стал и монархистом. Позднее монархические убеждения еще более окрепли, когда я осознал в полной мере богоустановленность монархической власти, единственно законной, единственно легитимной на планете. Как я уже сказал, в 23 года, под следствием, на Лубянке (я был одним из последних сидельцев на Лубянке, позже всех политических содержали в Лефортово) я вернулся к той вере, какой с детства научила меня моя бабушка, крестьянка из деревни Рыжиково, Скворцова Прасковья Егоровна. Рука ницшеанца отяжелела, как гиря, когда я решился перекреститься в первый раз. Я едва ее поднял вверх. Конечно, стать воцерковленным верующим в зоне трудно хотя бы потому, что здесь нет храма. Но как мог и как меня научили православные священники или дьяконы в лагере, молился. Взгляды, оформившиеся в 1963–1964 гг., я разделяю и по сей день: Православие – Самодержавие – Народность. Я исповедую христианский национализм в духе учения выдающегося русского мыслителя И.А. Ильина. Так, как оно изложено в его классической работе «Путь духовного обновления»: «Проблема истинного национализма разрешима только в связи с духовным пониманием родины: ибо национализм есть любовь к духу своего народа и притом именно к его духовному своеобразию»²¹. Надо принять, считает философ, русский язык, русскую историю, русское государство, русскую песню, русское правосознание, русское историческое миросозерцание и т. д. – как свои собственные. И далее: «Что бы ни случилось с моим народом, я знаю верою и ведением, любовью и волею, живым опытом и победами прошлого, что МОЙ НАРОД НЕ ПОКИНУТ БОГОМ, что дни падения переходящи, а духовные достижения вечны...»²² Но любить свой народ не значит льстить ему или утаивать от него его слабые стороны, но честно и мужественно высказывать их и неутомимо бороться с ними. Сегодня, например, два больших греха лежат на русском народе: грех алкоголизма и грех убийства младенцев во чреве матери (до 5 миллионов человек в год). Об этом надо говорить во весь голос, отнюдь не переставая любить свой народ, не забывая, что во многих иных отношениях он имеет несопоставимые с другими достоинства, а названные грехи искоренять любым способом. Ильин считает, что глубокий, духовно верный и творче-

²¹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 196.

²² Там же, с. 197.

ский русский национализм надо прививать людям с раннего детства. В семье должен царить культ родного

ЯЗЫКА. Учить чужим языкам не следует до тех пор, пока русский ребенок не заговорит связно и бегло на своем национальном языке. Важно чаще читать в семье вслух Св. Писания, по возможности на церковно-славянском языке, и русских классиков. Русскую ПЕСНЮ ребенок должен слушать в колыбели. «Русская песня глубока, как человеческое страдание, искренна, как молитва, сладостна, как любовь и утешение. В наши черные дни, как под игмом татар, она даст детской душе исход из грозящего озлобления и каменения»²³. Иван Александрович придает огромное значение созданию по всей стране детских хоров, церковных и светских. «Хоровое пение национализирует и организует жизнь – оно приучает человека свободно и самостоятельно участвовать в общественном единении»²⁴. Ребенка следует учить МОЛИТВЕ, которая даст ему духовную гармонию и источник духовной силы – русской силы, а также приобщать к русским СКАЗКАМ, дающим первое чувство героического. «Национальное воспитание неполно без национальной сказки»²⁵. Очень важны для воспитания ребенка ЖИТИЯ СВЯТЫХ И ГЕРОЕВ, образы национальной святости и национальной доблести. «Образы святости пробудят его совесть, а русскость святого вызовет в нем чувство соучастия в святых делах, чувство приобщенности, отождествления, она даст его сердцу радостную и гордую уверенность, что «наш народ оправдался перед лицом Божиим», что алтари его святы и что он имеет право на почетное место в мировой истории («народная гордость»)»²⁶. СТИХИ таят в себе благодатно-магическую силу, и русский человек, с детства влюбившийся в русский стих, полагает Ильин, никогда не денационализируется. Наконец, крайне важно знание русской ИСТОРИИ, величавой и трагической, которая учит духовному преемству и сыновней верности. «АРМИЯ есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины, воплощенная храбрость моего народа, организация чести, самоотверженности и служения – вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем»²⁷. Для меня лично нет сомнения, что так называемая дедовщина в армии сознательно поощряется врагами народа. Вместо того, чтобы воспитывать в молодых людях любовь к родине и готовность отдать за нее жизнь, начальство, благословляя разгул неуставных отношений, поощряет самые низменные рефлекссы, выколачивая из души солдата возвышенное и героическое. Наличие этой мерзости в армии – самое наглядное доказательство отсутствия национального самосознания у наших руководителей, отсутствия любви к своему народу. Ильин считает также, что ребенок «должен почувствовать, что русская национальная ТЕРРИТОРИЯ добыта кровью и трудом, волею и духом, что она не только завоевана и заселена, но что она уже освоена и еще недостаточно освоена русским народом. Национальная территория... есть... духовное пастбище народа, его творческое задание, его живое обетование, жилище его грядущих поколений»²⁸ (с. 207). Русский националист, на мой взгляд, должен быть непримирим к любой попытке отсечь русское жизненное пространство в пользу чужеземцев. Будучи монархистом и весьма почитая Императора Александра Второго за его блестящие территориальные присоединения в Средней Азии, я тем не менее не могу не выразить чувства горечи в связи с продажей (практически за бесценок) Аляски масонскому режиму США. Ни одна пядь земли под омофором Православной Веры не должна быть уступлена никому. Впредь мы должны считать это

²³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 203.

²⁴ Там же, с. 203–204.

²⁵ Там же, с. 204.

²⁶ Там же, с. 205.

²⁷ Там же, с. 207.

²⁸ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 207.

законом, которому должен следовать любой монарх, любой правитель. Что касается бело-вежского злодеяния, совершенного в декабре 1991 г. тремя партократами, то это преступление не имеет срока давности и при первой возможности должно получить правовую оценку. Февральские беспорядки в Петрограде в феврале 1917 г. и потакание им со стороны либералов, включая изменников в армии, абсолютно нелегитимны. Российская империя поэтому де-юре продолжала существовать до 1991 года и продолжает существовать по сей день. Но даже если придерживаться советского права, то и оно было поправлено дважды: нарушением народного волеизъявления на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. и закона 1990 г. «О процедуре выхода союзной республики из СССР».

Последний, десятый пункт программы Ильина «О национальном воспитании» посвящен пробуждению склонности в русском ребенке к труду, пробуждению живого интереса к русскому национальному богатству как источнику духовной независимости и духовного расцвета русского народа.

А это означает «заложить в нем основы духовной почвенности и хозяйственного патриотизма»²⁹. В любой сфере, в т. ч. сугубо экономической, человек должен быть прежде всего патриотом своей Родины и националистом.

Столь же блестящую оценку христианского национализма И.А. Ильин дает в другой своей работе «Основы христианской культуры»: «Национальное чувство не только не противоречит христианству, но получает от него свой высший смысл и основание, ибо оно создает единение людей в ДУХЕ и ЛЮБВИ и прикрепляет сердца к высшему на земле – к дарам СВЯТОГО ДУХА, даруемым каждому народу и по-своему претворяемым каждым из них в истории и в культурном творчестве... и национализм подлежит не осуждению, а радостному и творческому приятию».³⁰

Христианство подарило миру идею личной, бессмертной души, т. е. идею метафизического своеобразия человека. «Согласно этому – идея метафизического своеобразия народа есть лишь верное и последовательное развитие христианского понимания»³¹. «Христианский национализм есть восторг от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати, в путях Его Царствия»³². Когда недруги начинают вопить о ксенофобии националистов, то им следует напомнить, пишет Ильин, что извратить можно все, любовь, искусство, суд, политику, даже молитву, злоупотреблять можно гимнастикой, ядом, свободой, властью, знанием. Что же, все перечисленное надо запретить из-за того, что кто-то этим злоупотребляет? «При верном понимании национализма – религиозное чувство и национальное чувство не отрываются одно от другого и не противостоят друг другу, но сливаются и образуют некое жизненное творческое единство, из которого и в лоне которого вырастает национальная культура»³³. Именно религиозное измерение «научает христианского националиста безусловной преданности и безусловной верности, и оно же научает его сверхнациональному созерцанию человеческой вселенной и вселенскому братству людей»³⁴. Нас берут на испуг, когда пугают словом «национализм». А ведь национализм всего-навсего – это любовь к ближнему. Любви к ближнему учит нас Иисус Христос. Ближние – это семья, родители, дети, другие родственники, это друзья, знакомые, соратники, коллеги, и так круг расширяется, обнимая весь русский народ. Но русофобы ненавидят русских и они хотят и требуют, чтобы русские не любили русских. Вот загадка всех обвинений нас в «национализме».

²⁹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 208.

³⁰ Там же, с. 323–324.

³¹ Там же, с. 325.

³² Там же, с. 326.

³³ Там же, с. 327–328.

³⁴ Там же, с. 328.

Они не хотят, чтобы мы любили друг друга. Чтоб мы все были разрознены, атомизированы, дистанцированы друг от друга. Чтобы мы все жили по принципу: «Моя хата с краю» или по столь популярному в рыночные времена правилу: «Это ваши проблемы». Они чают разъединения, недоверия, дробления, раскола, вражды. Вот когда человек не националист, т. е. не любит никого вокруг, а только себя, это супостатов устраивает. Телевизионные передачи только и смакуют кровь и ненависть, порок и предательство. Вместо нации и народа – только жующая и плюющая биомасса. Таков «идеал» сынов погибели. Считаю, что мы не должны стыдиться любви к своему народу. Не след стыдиться национализма. Ибо – повторяю: национализм – это только любовь к своим ближним, к своей нации. И ничего более. Тем более, что русский национализм – самый «интернациональный». Еще Достоевский обозначил всемирную отзывчивость русского человека как нашу национальную особенность. Мы одинаково хорошо способны понять и англичанина, и немца, и француза, вообще любую нацию. Наш национализм – самый любвеобильный, самый отзывчивый на чужие горести. Иудеи, большевики и либералы называли Россию «тюрьмой народов». Возражая им, В. В. Кожин назвал в порядке полемики Европу «кладбищем народов». Вот уж поистине, сколько иных этносов погребено в могилах, стерто с лица земли воинственными романо-германскими племенами. Мы же никого не уничтожили, а, наоборот, жили со всеми в мире и согласии. 120 с лишним народов, живущих на русском поле, – тому свидетельство. Да если бы мы были иными, разве допустили бы иммиграцию (большой частью незаконную и в немалой степени – криминальную) двух миллионов одних только азербайджанцев в Москве и Подмосковье, сотен тысяч других чужеземных и чужеродных этносов?

К сожалению, полтора века господства космополитической масонской идеологии в русском образованном сословии, 70 лет иудео-большевистского «интернационализма» и 15 лет демократического космополитизма заметно выветрили в русском народе патриотические чувства. Во время войн, иностранных нашествий эти чувства просыпаются. Однако затем тонут в душевных глубинах. М. О.Меньшиков с горечью писал: «Отсутствие патриотизма равносильно отсутствию самого народа. Сказать страшно, но ведь в самом деле народ как будто отсутствует в России, и, может быть, в этом основной корень наших бед. Непатриотический народ не есть нация, не есть политическая единица». Михаил Осипович обозначил национализм как «доведенную до инстинкта верность своему народу».

Дубравлаг

В конце января 1964 г. наши адвокаты в Москве добились-таки пересмотра дела и смягчения лагерного режима. Особый был заменен, наконец, строгим режимом. Мы вернулись в обычную зону, где не запирают на замок в камере, а разрешают свободно ходить по зоне до 10 часов вечера, до отбоя. Вроде пустяки, но и они тоже много значат. На 11-й зоне, куда меня вернули, я работал в аварийной бригаде: разгружал днем и ночью, когда приходил товарный состав, вагоны со щебнем, бревнами, углем, цементом, пиломатериалом, лаком и т. д. При возвращении сюда я обнаружил, что в это же самое время, когда я был на спецу, и у моих друзей Владислава Ильякова и Игоря Авдеева тоже произошел идейный поворот к русскому национализму. Я расценил это как Божий промысел. Они зачитывались в эти месяцы воспоминаниями В. В.Шульгина, когда-то изданными советским издательством. Тогда мы еще не осознали всей глубины измены и самого Шульгина, и большинства депутатов Государственной Думы, и у считавшегося националистом Василия Витальевича воспринимали только его патриотические суждения.

Ира Мотобрицева

Политэки – большие мечтатели. В нашем кругу с моей подачи был настоящий культ одной молодой москвички Иры Мотобрицевой. Я рассказал друзьям, как стерильно благородно она вела себя на следствии. Не сказала ничего. Я читал протокол допроса и восторгался ее поведением. «Ну, как же, – припирает ее следователь Поляков, – Осипов клеймил Великую Октябрьскую революцию как фашистский путч. Вы стояли рядом и ничего не слышали?» (К тому же мы и митинговали в ту ночь на ее квартире). – «Значит, я в этот момент выходила на кухню. Я ничего не слышала!» Мы чокались кружками с чаем (или кофе) и провозглашали тост «За Иру Мотобрицеву!» Тем более, что по тому же эпизоду несколько парней позорно докладывали чекистам о каждом «криминальном» слове. Люди иной раз похожи на несчастных кроликов перед удавом. Как раз в это время Игорь Васильевич Авдеев изучил дело декабристов. На фоне сплошных оговоров и посадочных показаний Рылеева и прочих «героев» попытки государственного переворота 14 декабря 1825 года против законной монархической власти выделялись 3 человека: Пущин, Якушкин и никому неизвестный поручик Цебриков. Последний не дал вообще никаких показаний ни о ком. Ему, единственному, Государь не уменьшил наказание, как всем, а увеличил. Разумеется, все декабристы – преступники и агенты международного масонства. Но в данном случае мы как бы выносили за скобки их политические взгляды и ценили сугубо нравственную позицию. И рядом с Цебриковым чтили Иру. Прошли годы. Я освободился после первого срока. Нашел ее через справочное бюро. Приехал, чтобы поблагодарить ее за стойкость на следствии. Ира Мотобрицева вышла на звонок, услышала мою фамилию и замотала головой: «Нет, нет, я не хочу ни о чем говорить» и закрыла дверь. Большие мечтатели политэки.

Через полгода лагерное начальство снова отделило «антисоветчиков» от «полицаяев» и этапировало нас в Барашево, на 3-ю зону. Дело в том, что на 7-й зоне (п. Сосновка) тамошнему замполиту удалось «перевоспитать» некоторое количество лиц, сидящих по 70-й статье. Им разрешали переписку с «заочницами» (женщина с воли, с которой зек знакомится заочно) и даже личное трехсуточное свидание с ними в обмен на публичное раскаяние в антисоветской деятельности по внутрелагерному радио и в лагерной многотиражке «За отличный труд». Этот метод чекистам понравился, и они надеялись, соединив «покаянщиков» («сук») седьмой зоны с упрямыми «бузотерами» (чекистский жаргон) 11-й зоны, повлиять «исправившимися» на «фанатиков». На деле вышло все наоборот. Особенно показателен был массовый отказ от работы в запретной зоне, т. е. в полосе между деревянным забором и оградой из колючей проволоки. Эту полосу периодически рыхлят, чтобы оставался след зека в случае побега. Любая работа в запретной зоне (рыхление бровки, натягивание проволоки, покраска забора и т. д.) категорически осуждалась неписанным моральным кодексом заключенных. В запретке не работали воры «в законе» и политические, во всяком случае те из политических, кто хотел сохранить свое достоинство. 20 августа 1964 г. целую бригаду (человек 15–18) бросили на этот участок. И все отказались. Явился начальник лагеря, угваривал, просил, потом перешел на угрозы, стал спрашивать каждого в упор: «Вы будете работать здесь?» Кто-то ссылаясь на стадный инстинкт: «Если все будут, то и я буду». Нет, хозяин требовал немедленного четкого ответа здесь и сейчас. И тогда: «Нет, не буду». Никто не хотел публично унижить себя перед остальными, в т. ч. и покаянщики с семерки. Заводил, включая меня, бросили в штрафной изолятор, остальных лишили ларьков (права отовариться в ларьке продуктами на 5 рублей в месяц) и свиданий. Тем более свиданий с «заочницами».

Пока нас пытались перековать в Барашеве, Политбюро организовало заговор против своего вождя, и 14 октября неистовый враг религии был свергнут. «Лицом к лицу лица не

увидать». Тогда, в зоне, мы не почувствовали перемен. Наоборот, в каких-то частностях даже стало хуже. Например, при водворении зека в штрафной изолятор при Хрущеве на ночь разрешали брать в камеру бушлат – все-таки с ним теплее. А при Брежневем бушлат отобрали. Сиди и мерзни от ночного холода в камере без бушлата. Где, разумеется, никакой постели нет. Откидная железная койка, и на тебе простая хлопчатобумажная куртка и штаны плюс трусы и майка. Теплые кальсоны и теплую нижнюю рубашку носить летом в штрафном изоляторе было «не положено».

Однако в большой политике произошли некоторые изменения. Так грубо и остервенело, как при Хрущеве, верующих уже не репрессировали. «Антирелигиозные законы» не были отменены, и кого-то по инерции арестовывали, но, повторяю, реже и не так остервенело. Храмы сносить в общем перестали. Как отмечает в своем исследовании «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве» (Москва, 2000 г.) М. В.Шкаровский, в 1961–1964 гг. было осуждено по политическим мотивам 1234 человека. Многих отправили в лагерь, ссылки, на поселения (с. 382). Но «падению Н.Хрущева сопутствовало почти немедленное смягчение антицерковных нападок» (с. 389). А в январе 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Много осужденных мирян и священнослужителей было освобождено и реабилитировано» (с. 390). А из книги Александра Байгушева «Русская партия внутри КПСС» (Москва, 2005) я узнал о целенаправленной брежневской политике балансирования между евреями и русофилами в советской номенклатуре. Я-то думал, что такая особенность получилась как бы случайно. Оказывается, нет, Брежнев сознательно проводил такой курс, курс «двуглавого орла», основанный на «соперничестве-противостоянии двух теневых партий внутри Большого дома и по всей стране», «прогрессивной», «демократической», на деле прозападной иудейской, с одной стороны, и «консервативной», «имперской», державно-почвенной, равнодушной к «интернационализму», «черносотенной» русской партии внутри КПСС, с другой стороны. «Немного не по Ленину, но гибко... Свою модель правления ТАЙНО (! – В. О.), только среди самых-самых своих, Второй Ильич так и назвал «политикой двуглавого орла»³⁵. При Хрущеве, например, И.С.Глазунов подтолкнул своего друга баснописца Сергея Михалкова передать в руки вождя письмо от русской интеллигенции с просьбой открыть общество охраны памятников. Старый троцкист взбесился: «Людям жрать нечего, а вы с памятниками суетесь!», порвал письмо и наорал на поэта. Последний посетовал Илье Сергеевичу: «Ты меня до инфаркта доведешь». А вот Брежнев без крика и шума подобную просьбу русской интеллигенции (в т. ч. неутомимого Глазунова) уважил: общество охраны памятников разрешил. И что особенно существенно: Брежнев ПОПУСТИТЕЛЬСТВОВАЛ легальному русофильству в журнале «Молодая гвардия». Кожинов, Лобанов, Семанов, Чалмаев, Палиевский, О.Михайлов, Д.Жуков именно здесь печатали свои далеко не конформистские работы. Брежнев считал: если у еврейских либералов есть свой орган – «Новый мир», то пусть и у русофилов будет – «Молодая гвардия». Кстати, Галина Брежнева доверительно призналась Байгушеву, что байку о Виктории Петровне, что та якобы из выкрестов, они сами распустили, чтобы завоевать симпатии еврейской элиты. Никаких корней подобного рода у жены Брежнева не было, но недостоверный слух смягчал иудейский накат. Силен революционный этнос: даже вожди тоталитарного государства его побаивались. С той же целью Брежнев демонстративно полюбил Кобзона, на непопулярную должность председателя КГБ поставил Файнштейна-Андропова. Помню, как крещеный московский сионист М.Агурский называл КГБ «оазисом в этом азиатском мраке».

³⁵ Байгушев А. Указ. соч. С. 214.

1965 год я провел на семерке, в такой же большой зоне (на 2000 чел.), что и 11-я. Там подружился с бывшим солдатом В.Семеновым и поэтом Л.Ситко (видел недавно его сборник в киоске «Экспресс-хроники»). Там познакомился с замечательным русским поэтом Валентином Зека (В.П.Соколовым).

Слово о Валентине ЗК

О Валентине ЗК осужденный «антисоветчик» узнавал сразу по прибытии в зону. Ни один пишущий не питал к нему ни малейшей зависти – все дружно признавали Валька «королем поэтов» ГУЛАГа. А поскольку авторитетом для нас служил мир по ЭТУ сторону проволоки, то Валентин Петрович Соколов, он же – Валентин ЗК, был для нас первым поэтом России. Лично я познакомился с ним в декабре 1964 года, по прибытии на «семерку», т. е. в ИТУ ЖХ 385/7 (поселок Сосновка, Мордовская АССР). Здесь, в компании лагерных интеллектуалов Леонида Ситко, Бориса Сосновского, Анатолия Радыгина, за кружкой чая, мы слушали немного хриловатый голос Петровича: «Стреляйте красных. Их кровь целебна. Пройдусь пожаром по красным семьям. Стреляйте красных. Это – волки». Стихотворение «Стреляйте красных» было единственным в этом роде, именно им щеголяли чекисты, оправдывая пожизненное заключение Соколова. Но это был крик души, вопль отчаяния, протест годами терзаемого мученика. И это был как бы упрек «красным» и «сытым»: вы же настоящие волки, когда же вы станете людьми? Ведь вот теперь никто из тогдашних слушателей отнюдь не помышляет о мести, о расправе над прежними палачами. И, наоборот, певец коммунизма Роберт Рождественский совместно с гонителями Солженицына Ананьевым и Рекемчуком действительно взалкали крови, и уже не иносказательно, не в стихах, а в прямом обращении к исполнительной власти потребовали – добить «тупых негодяев», «краснокоричевых», закрыть печать ненавистных аборигенов. Валентин Соколов по своим взглядам был демократ. Демократами стали и вышепоименованные попугаи КПСС. Однако при всей словесной близости их разделяет пропасть. «Сытые» уживутся при любом режиме, всегда вовремя сменяют кожу, чтобы остаться на плаву.

О, столетье!
Был я битым.
Был я отдан, о столетье,
В лапы сытым.

И доживи Соколов до наших дней, он, при всей своей платонической любви к западной демократии, был бы душой с теми, кого в октябре 1993 года выносили из парламента и кого определяли по стоптанным подошвам дешевых ботинок. Меняется идеологическая окраска, но неизменно вечное противостояние сытых «с душою обмороженной» и кандидатов в карцер.

«Не хотите пресмыкаться —
Значит, карцер,
Всем, кто любит бесноваться,
Тесный карцер,
Знает каждый, сердцем честный,
Карцер тесный».

Помню столкновение поэта, только что прибывшего в очередное исправительно-трудовое учреждение (ЖХ 385-11), с начальником ИТУ, спесивым самодуром Барониным. «А ты действительно барон!» – громко сказал Соколов, когда «хозяин» осматривал новоприбывших при общем «шмоне» (обыске). Красный барон мгновенно отправил Валентина в ШИЗО (штрафной изолятор). И вот, листая вышедший в иную эпоху сборник Соколова ЗК «Глоток озона», я сразу вспомнил Явас, одиннадцатую зону и крутого бериевца:

Тебе, барон, дадут батон
И на батон – повидло,
А нам, баранам, срок и стон,
И крик: «Работай, быдло!»

Наиболее тесные отношения у меня с Соколовым сложились на «религиозной» зоне ЖХ 385-7-1, тоже поселок Сосновка, только через дорогу от большой «семерки». Здесь сидели баптисты, иеговисты, пятидесятники, истинно православные, просто православные – и сюда, чтобы оторвать от основной массы политических, администрация Дубравлага как-то решила определить и наиболее «трудновоспитуемых», «оказывающих вредное влияние». Это были весна и лето 1966 года. На протяжении нескольких месяцев пили чай вчетвером после работы и ужина (ложки пшенной каши с ломтиком рыбы): Соколов, Синявский, я и один немного приклатненный «мужик» (т. е. не «вор в законе», но сидевший в прошлом по уголовной статье). За кружкой крепкого чая обсуждали все мировые и отечественные проблемы, а потом на оставшиеся до отбоя 2–3 часа разбегались по баракам: Синявский – писать свой опус о Пушкине, я – конспектировать Ключевского, а Соколов – писать стихи. Творил он постоянно, изо дня в день. Чекисты периодически изымали написанное, он вновь переписывал изъятое в тетрадь, помня почти все наизусть.

Нам разбить не дано немоту,
Словно клетку – птахе.
Друг Синявский, подсини красноту
До багрового страха.

Но через год на 11-й зоне Валентин и Андрей Донатович больше не общались... До Соколова дошли какие-то публикации Синявского в официальной советской периодике, и Валентин Петрович стал его сторониться: мол, советский по сути. Бескомпромиссен был поэт неволи. При всех «западнических» политических устремлениях Соколов пронес чувство к Родине через все запреты и тюрьмы:

Здравствуй, матушка Россия,
Я люблю тебя до слез.

И еще:

Твоим сыном честным, чистым
Дай мне встретить этот выстрел.

Два качества в Соколове я бы выделил в первую очередь: честность и нежность души. Понятие о чистоте, благородстве, тонкости, о нежности в самом возвышенном смысле этого слова у нас, увы, утрачено и забыто после десятилетий «пролетарской», а ныне – криминально-мафиозной диктатуры. Нередко встречаешь поэтов, выросших среди комфорта и уюта, питавшихся всегда сардельками, как говорил Валек, и при этом сочиняющих грубые, циничные строки, почти на матерном уровне. Но вот Валентин ЗК, знавший всю горечь бытия, выдавший последнее человеческое отребье – и сохранивший всю чистоту и НЕЖНОСТЬ сердца. Его стихи, посвященные любимой женщине, по духовной напряженности сопоставимы, на мой взгляд, лишь с Фетом:

Неправда, что только одна
Луна у чарующей ночи,
Что может иначе литься
Волос твоих чудных волна,
Что можно мне не молиться,
Твои обнимая плечи,
Что можно касаться не плача
Души твоей нежного дна.

Сегодня, когда скотское отношение к женщине легализовано компрадорским режимом, пощечиной этому режиму и его сексуальной революции выглядят такие строки узника мордовских политлагерей:

Если женщину берут на час,
Если сердце ее жгут в ночах,
То ложится этот грех
На всех...

Собственно «антисоветских» стихов у Соколова было не так уж и много. Но именно за них получал свой срок обладатель ранимой и трепетной души, певец чести и жалости, христианин, оставшийся верным своему Учителю до конца. Первые 8 лет (1948–1956 гг.) Соколов провел на Севере, в одной зоне с уголовниками – товарищ Сталин держал всех вместе. Два года затем он пробыл на «воле», в Новошахтинске, работая на шахте. Затем 10 лет (1958–1968 гг.) – в политлагерях

Мордовии. Когда ему дали третий срок – 5 лет за «хулиганство» (он поспорил с заведующим клубом по поводу коммунистических лозунгов), я написал Подгорному, протестуя, прося и угрожая «мировой общественностью». Помогло ли мое вмешательство, не уверен, но во всяком случае Ростовский областной суд «сkostenil» ему срок с 5 лет до одного года. Вот этот один год уголовной зоны в 70-е годы стоил для Валентина Петровича прежних восемнадцати – это его буквальные слова из письма мне после освобождения. Я знаю по многочисленным свидетельствам, что уголовные лагеря 70–90-х годов XX века – это торжество беспредела, где нет даже «воровских законов», где правит Хам в последней ипостаси. Потом мне пришлось самому «загудеть» вторично, и я потерял Соколова из вида. Он умер в спецпсихбольнице 7 ноября 1982 года, когда я досиживал последний месяц второго срока.

К Соколову тянулись все узники, независимо от политических и духовных воззрений. Он как бы олицетворял всех нас. Это был голос отверженных, голос ГУЛАГа. И еще это был большой русский поэт. Поэт именем Божьим.

В июне 1995 года вместе с Леонидом Бородиным мы ездили в Новошахтинск на открытие памятника В.П.Соколову на местном кладбище, где покоятся его останки.

* * *

На седьмую зону приезжали чекисты из Москвы. Пытались взять у меня показания против философа Померанца. В 1959 году Григорий Соломонович читал мне и А. И. Иванову (Рахметову) лекции о советском режиме, на довольно высоком уровне. На следствии 1961 г. я отказался подтвердить показания второго слушателя об этих беседах. Теперь чекисты, видимо, надеялись, что если уж я стал «черносотенцем», то дам против еврея посадочные показания. Плохо думал КГБ о морали русских националистов. С чем приехали – с тем и уехали. «Я тогда не вспомнил! Вы хотите, чтобы через четыре года, здесь, за колю-

чей проволокой, я вспомнил?» Еще на семерку приезжал Евгений Иванович Дивнич, в прошлом один из руководителей НТС, вставший в лагере на «путь исправления», раскаявшийся и помогавший чекистам в их «воспитательной» работе. Мне рассказывали, что он написал книгу против НТС, гебисты ее издали и давали читать бывшим «антисоветчикам» в здании госбезопасности, без выноса этой лояльной книги вовне. Обличения, как говорят, касались личной морали энтээсовцев. Дивнич выступал по внутрелагерному радио. Ходишь по стадиону и хочешь – не хочешь слушаешь воспитателя: «Я призываю всех разоружиться. Советская власть крепка как никогда!» Между тем один ставропольский партляйтер (конкретно – заведующий отделом партийных органов крайкома КПСС), с большим пятном, похожим на Курильские острова, думал иначе, чем Дивнич, и все перевернул, вопреки Евгению Ивановичу. Позднее, в эпоху «Вече», некоторые мои недоброжелатели (Репников, Сычев и др.) ставили почему-то мне в пример именно Дивнича, уважительно упомянув его персону в своем «заявлении».

С 7-го лагпункта под новый 1966 год меня в составе большого этапа вернули на 11-ую зону, где я пробыл однако неполные 2 месяца. 23 февраля 1966 г. меня одного-единственного этапировали обратно на Сосновку, только не в лагерь № 7, а в соседний небольшой лагпункт № 7–1. Это была «религиозная» зона. Как я уже сказал, здесь в основном отбывали срок верующие, отловленные в период второго остервенелого похода на религию при Хрущеве. Православные, истинно православные, баптисты-инициативники, иеговисты, расколовшиеся на два толка, пятидесятники и прочие из более мелких сект. К тому времени чекисты, видимо, определились со мной, решив, что я стал законченным и «неисправимым» «мракобесом». Кроме того, именно в начале 1966 года я отправил с 11-й зоны заявление в Верховный Суд РСФСР о непризнании себя виновным по сфабрикованному делу и отказу от всех показаний (т. е. против себя лично, показаний о других я не давал). Это тоже могло обозлить красных воспитателей. Позже сюда добавили прибывшего с воли писателя А.Д.Синявского и поэта В.П.Соколова. Получилось так, что мы вместе пили чай после ужина с марта – апреля до декабря 1966 г. Синявский прибыл, кажется, 6 марта. Я сразу спросил знаменитого отщепенца по поводу его русофобских высказываний, о которых писали газеты. Донатыч отрекся: «Газеты клеветают. Ничего русофобского я не писал». В нем сочеталась упорная неприязнь ко всему советскому, в т. ч. и к большинству советских литературоведов, с глубоким пониманием некоторых явлений. Так, мы сошлись с ним в одинаково отрицательной оценке пресловутого Возрождения, как антихристианского, бесовского натиска на культуру и религию. Горько, конечно, слышать о кощунственном отношении Синявского к Пушкину, Гоголю, другим великанам русской литературы, о его нападках на Солженицына за почвенное мировоззрение. Но хочу быть объективным: было в нем и другое начало. Осенью 1993 года он занял твердую принципиальную позицию, осудив Ельцина за государственный переворот и расстрел парламента. Он сделал это наперекор своим же еврейским единомышленникам. Вместе с Владимиром Максимовым пошел против течения и заслужил поношение и улюлюканье со стороны либералов, поддержавших банду приватизаторов, включая 43-х позорных подписантов: «Крови, крови, товарищ Ельцин!».

На «религиозной» зоне я познакомился с истинно православными, которые не брали молоткастый, серпастый советский паспорт, не ходили на выборы, не работали «на коммунистов», т. е. нигде официально не работали и, следовательно, были по советским понятиям «тунеядцами». Жить на воле им было тяжело не то слово. В каком-то смысле они буквально следовали первым христианским мученикам: не кланялись идолу и готовы были терпеть за это любые муки. Они, собственно, и жили практически всю жизнь в лагере. Побудут на свободе несколько месяцев, от силы год-два и – снова в зону. Они полагали, что советский паспорт с масонской пентаграммой – от сатаны, и брать его в руки не считали возможным. Это были катакомбники, легальную Церковь не признавали, говорили, что у всех «красных

попов» «красные книжечки». Не знаю, как они причащались на воле и от кого и как у них было с преемственностью епископов. Но были они кремнями. До сих пор в памяти стоят особенно двое (в т. ч. Павел Скворцов из Донбасса) из зоны 7–1, два великих подвижника. Сидели, впрочем, и члены легальной Православной Церкви. Один даже книгу написал – «Крест и звезда», за нее и получил срок.

У иеговистов была хорошо налажена организация. Когда проводили свои собрания, прямо в секции, в бараке, то часовые цепочкой стояли-похаживали от штаба, где дежурят надзиратели, до жилой секции. Едва контролеры начинали обход, часовые сразу делают нужные знаки и собрание мгновенно рассеивается. Входят надзиратели в барак – тишина, покой, кто сидит возле тумбочки, доедает селедку, кто уже за порогом. Не застукаешь. Получали они журнал «Башня стражи» из США и хвалились, как быстро доходят до них в лагерь свежие номера. Подкупали кого из охраны или им как-то подкидывали, не знаю. Пришлось немного пообщаться с двумя баптистами-инициативниками. Эти инициативники откололись от «хороших», легальных баптистов и призывали, в частности, не служить в армии, не брать в руки оружие. Один из них, по фамилии Мельников, уже служил в Военно-морском флоте, но автомат в руки не брал, когда его вешали ему на шею, сбрасывал каким-то ловким движением тела, не касаясь руками, и поглядывая, чтобы автомат случайно не оказался за бортом (иначе предъявят еще одну статью Уголовного кодекса). По рассказам знаю, что позже он отбывал ссылку в Красноярском крае, вернулся в родной Мариуполь и потом умер сравнительно молодым, вероятно, тело не выдержало невзгод. Всех этих баптистов и пятидесятников можно, пожалуй, и пожалеть, но близости духовной по отношению к ним нет никакой. Хотя в обычном понимании это хорошие люди, честные, порядочные, непьющие, некурящие, нематерящиеся. Но – ЧУЖИЕ. Все сектанты (и плюс католики) не имеют ни малейшего чувства к России и русскому народу. Все, кроме православных, имеют центробежное, космополитическое направление. И только одни православные несут в себе патриотическое, центростремительное начало. Говорю это по реальному опыту. Правда, со времен перестройки я обнаружил и в среде православных интернациональную склонность. Но последняя, в основном, свойственна только евреям, обратившимся в Православие. Не думаю, чтобы все этнические евреи и полукровки были агентурой мировой закулисы, но действует, видимо, сильный голос крови. Я всегда удивлялся полукровкам: ну почему же русская половина не влечет вас к Российской империи, почему доминирует и тянет в либеральный омут иудейская половина? Правда, встречаются и те, у кого славянское начало оказалось сильнее, но это – единицы из единиц. В массе своей полукровки всегда экуменисты, либералы, противники монархии и консерватизма. Впрочем, попадаются и среди чистокровных евреев замечательные черносотенцы. Российская действительность начала XX века – тому пример. Разумеется, я придерживаюсь евангельского взгляда: «Во Христе нет ни эллина, ни иудея». Но, во-первых, тех иудеев, которые полностью порвали со своим иудейством, в жизни почти не видно. А, во-вторых, для ориентировки в реальной жизни помогает правило «Кровь определяет мировоззрение». У любого правила всегда есть исключения, но и исключение, как говорится, только подтверждает правило.

В начале 1967 г. я вернулся в Явас, на 11-ю зону, и здесь провел остаток своего 7-летнего срока – до дня освобождения. Подвозил уголь, загружал и толкал с напарником, чаще с баптистом Синяговским, вагонетку, обеспечивал работу заводской кочегарки. Работа не легкая, но не было нормы, и это меня устраивало. Летом угля требовалось меньше и можно было немного передохнуть. В зоне сложилась наша национально-православная группа: Осипов, Владислав Ильяков, посаженный за интерес к югославскому социализму, Иван Погорелов из Белгородской области, Валерий Зайцев, безуспешно пытавшийся сбежать с советского корабля на американский остров Кодьяк в Беринговом море, к нам примыкал еще Александр Удодов, большой знаток военной истории и мировой истории вообще. Мы не пропускали ни

одной книги, ни одной статьи, ни одного текста, касавшегося русской идеи и православной монархии. Отмечали, как могли, Пасху и Рождество. Постоянно обсуждали пути спасения России.

Весной 1968 г. в зону прибыли Евгений Вагин и Борис Аверичкин из организации ВСХСОН. Тогда мы впервые узнали об этой самой большой в послесталинский период нелегальной организации. Нас, естественно, привлекло то, что эти люди опирались на христианство и консервативные начала, что они критиковали не только коммунизм, но и капитализм западного образца и пытались отыскать третий путь для своей Родины. А спустя несколько месяцев, 31 июля 1968 г., на 11-ю зону прибыли уже и остальные осужденные члены Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народов. Кроме вождя Игоря Вячеславовича Огурцова и его первого заместителя Михаила Юхановича Садо, которых приговорили еще и к тюремному сроку. В тот день на 11-й поступили ныне известный писатель Леонид Бородин, его друг Владимир Ивойлов, эфиоповед Вячеслав Платонов, Георгий Бочеваров, сын репрессированного при Сталине болгарского коммуниста, Устинович, Миклашевич, Веретенев и другие, всего, помнится, человек двенадцать. Пообщаться с ними мне удалось два месяца: 5 октября 1968 г. я вышел, наконец, на свободу. Чувствовал, что могу вернуться обратно, не буду же я сидеть за печкой. Тем более что я освобождался с твердым намерением начать издание пусть не политического, но славянофильского неподцензурного журнала. Я еще был молод. Мне было 30 лет.

Мордовский дневник

Хочу дополнить свое повествование уцелевшим отрывком моего дневника за 1964 год, который я вел, разумеется, конспиративно, используя переписку с домашними. Прошу учесть, что мне было тогда двадцать пять...

1 января 1964 г. Новогоднюю ночь не спал, сидел у печи и слушал радио. В камере (это на спецу, на особом, в ИТУ ЖХ 385/10, пос. Ударный) два литовца-партизана, западник со Львовщины, тихий сектант, два уголовника и Солнышкин, в прошлом – бытовик, теперь – «антисоветчик».

15 января. Нет работы. Сидим в камере. Штудирую «Историю XIX века». Кузнецов попал в изолятор (мы с ним, естественно, в разных камерах). Занимается там по системе йогов.

20 января. Читаю Достоевского.

29 января. Пришла телеграмма от мамы из Москвы: «Особый режим заменен строгим». Ура! Мы возвращаемся в более мягкий – всего лишь СТРОГИЙ – концлагерь.

6 февраля. В обмен на полосатую одежду вновь получили черную. Правда, шакалы-уголовники успели выменять у нас целые штаны и куртки (перед сдачей) на свое рваньё. Бокштейну, например, всучили штаны без одной брючины и с огромной дырой на оставшейся.

7 февраля. Вернулся вторично на 11-ю зону (пос. Явас) вместе с Бокштейном, т. е. туда, откуда нас выдернули 8 июля прошлого года. Кузнецов поехал к себе на семерку (пос. Сосновка). Во время короткого этапа с какой-то странной жалостью смотрел на вольных, показавшихся мне пришибленными нуждой и страхом. Или это у меня от Достоевского? Игорь Авдеев, Владик Ильяков, Юра Акинин, Володя Стариков, Владимир Федорович Горлопанов устроили мне шикарную встречу.

8 февраля. У меня такое ощущение, словно я вышел на волю. Столь резок контраст между спецом и лагерем строгого режима. Хожу беспрепятственно налево, направо, никто не орет, что я пошел не туда, сплю на койке и никто не ворочается ни с той стороны, ни с другой, хожу в уборную, когда мне вздумается – ну чем я не свободный советский человек? Во рту больше нет черного сгустка цементной пыли (от цементного пола). Вдоволь хлеба. Пусть он испечен как попало. Все же это лучше, чем ничего. Дышу чистым воздухом, а не смрадом кала от уборных прогулочного двора. Отдыхают нервы от постоянного балансирования на грани схватки с татуированным скотом. (Примечание 2006 г.: конечно, это звучит не по-христиански, но прошу учесть, что на спецу содержались отбросы даже уголовного мира, т. е. ко всем уголовникам эти слова не относились.) Меня направили в аварийную бригаду. Бригада эта работает по вызову в любое время суток. Разгрузка и погрузка вагонов. Наша производственная зона – мебельная фабрика.

15 февраля. Мужики то и дело поглядывают: не стараюсь ли я филонить, ведь молодой. Но нет. У меня после каждого выхода к вагонам все белье мокрое от пота.

19 февраля. Продвигаюсь в националистическом направлении. Изучаем «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского. Спорим и думаем. Удивительное дело: пока я был на спецу, Владислав Ильяков независимо от меня тоже стал патриотом-державником. А ведь сидит за югославский ревизионизм. Разбрасывал листовки в курском кинотеатре «Комсомолец». Когда он надел крест, лагерный гегельянец Рафалович выпалил: «Мы с Вами больше не здороваемся!»

26 февраля. В субботу в 6 утра нас, 17-ю (аварийную) бригаду, разбудили грузить дрова. Едва мы загрузили пол-вагона, как нам сообщили, что пришел вагон со стружечными плитами. Разгрузив плиты (часть бригады одновременно догружала дрова), отправились

домой. Т. е. в барак, ведь наш дом – тюрьма. Однако нас вернули с полпути, т. к. подошла еще платформа под горбыль. Только в 2 часа дня, наконец, вернулись в зону. Затем ровно сутки грузов не было. В воскресенье – вагон торфа. В понедельник с 6 утра до 2-х дня – шесть вагонов угля. Каждому досталось по три люка. Сегодня среда. Пока не трогали.

6 марта. Свидание с мамой и братом. Свидание всегда расслабляет.

9 марта. Прибыл полувагон угля. Уголь оказался насквозь мерзлый, и, когда мы открыли люки, он совершенно не сыпался. Пришлось лезть наверх и долбить ломами. Дул резкий ветер, залепляя лицо угольной пылью. Вернулся в барак черный, как занзибарец.

16 марта. Разгружаю уголь, смолу, лес. Новая встреча с Лермонтовым. Семь-восемь лет назад он был чрезвычайно близок мне своим неверием в жизнь. В концлагере от моей былой тоски и разочарования не осталось и следа. Другие строки пленяют душу.

Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу...

27 марта. Заработал за февраль 16 рублей с копейками. Это – после вычетов (за питание, за обмундирование, а самое главное – сразу высчитывают 50 % зарплаты в фонд МВД, на содержание охраны). Это мой самый большой заработок за 2 года лагеря.

3 апреля. Ночью разгружали стекло. Скверная это штука. Ящики тяжелые, да еще боишься разбить. Вернулся в барак в 6 утра и вдруг услышал по радио о переходе частей в Рио-Гран-деду-Сул на сторону правых и бегстве Гуларта. Я так и застыл над тумбочкой с пайкой хлеба в одной руке, с ложкой и растительным маслом – в другой. Гуларт пал! Потом, с 9 утра до 2-х дня слушал постановление и доклад Сулова об отношениях с Китаем. В 2 часа все же не выдержал – уснул, как убитый.

4 апреля. У всех политзеков на лицах радость. Рады за Бразилию. (Примечание 2006 г.: теперь, пожалуй, я бы не радовался так по поводу свержения бразильского президента, пытавшегося противостоять диктату США. Но тогда мы все события оценивали исключительно с позиций непримиримого антикоммунизма.)

5 апреля. С 12 ночи до 6 утра разгружали щебень. Проклятье, а не щебень. К тому же мне (да еще одному эстонцу) досталось два люка – на одну сторону (а у всех остальных – люки были раскрыты в обе стороны вагона), потому что наша часть вагона зашла за эстакаду и разгружать там было некуда. Моя лопата треснула и прыгала как лягушка. Швыряешь, швыряешь этот камень, и кажется, конца ему нет. Неужели все это всерьез? «Люди глубоко ошибаются, принимая всерьез всю эту комедию», – говорит нечистый Карамазову. И вот этой постылой ночью, под морозящим дождем, проклиная гору битого камня, я подумал: а что, если царствует во вселенной абсурд? Абсурд, о котором вещал Камю, сам идиотски погибший при автомобильной катастрофе под новый 1960 год. Самое дикое, самое страшное, если действительно ничего нет, кроме абсурда. (Примечание 2006 г.: может быть, эти строки следовало бы подвергнуть самоцензуре, но оставляю их, как метку о сомнениях 25-летнего прозелита.)

7 апреля. Вчера сидел в читалке, усваивал двойственность в итальянской политике Наполеона. В 9 вечера, за час до отбоя, читалка закрывается, мы (т. е. я и мои друзья) пошли было есть селедку, купленную сегодня в ларьке, но обложились свежими газетами на койке и не заметили, как пролетел час. А в 10 – ударили в рельсу. Так Бразилия помешала нам полакомиться селедкой.

10 апреля. Вчера меня перевели из аварийной бригады в обычную. Сегодня вышел на работу в раскройный цех. Дело в том, что из 17-й бригады списали всех, у кого 70-я статья Уголовного кодекса, т. е. всю молодежь, и перевели «антисоветчиков» в бригады, сек-

ции которой расположены в одном, теперь «молодежном» бараке. В аварийной же бригаде остались мужики с 64-й статьей («Измена Родине»): партизаны-националисты и легионеры Адольфа Гитлера.

15 апреля. Попробовал работать на станке. Пила, приводимая в движение мотором. Распиливаю толстые доски на тонкие досочки для тарных ящиков.

21 апреля. На 11-й прибыла ленинградская группа: Устин Гаврилович Зайцев (50 лет) и два наших ровесника, в т. ч. слесарь Николай Иванович Баранов. Зайцев поинтересовался у зеков, кто здесь «киты». Ему указали, в частности, на Авдеева и меня. Зайцев отыскал нас и сказал, что готов изложить свою политическую программу. Мы отправились на баскетбольную площадку. С нами увязался Илья Бокштейн. Когда Устин Гаврилович дошел до «еврейского вопроса», он спросил Бокштейна: «Вы, кажется, приняли православие?» Илья ответил: «Да, да, конечно, я сам готов выселить евреев в Израиль!» Чекисты умышленно пристегнули Илью к нашему делу («Антисоветские сборища на площади Маяковского»), чтобы не судить еврея-инвалида, с искривленным позвоночником, в одиночку. Фактически он витийствовал на площади сам по себе, в отличие от нас, тогда – анархо-синдикалистов, был 100 %-ным сторонником капитализма. На 7-й зоне принял православие. Так что Зайцев, поверив в илюшино христианство, стал свободно излагать свою программу решения еврейского вопроса: сионистов – выселить, евреям-космополитам разрешить проживание в трех портовых городах – Санкт-Петербурге, Одессе и Владивостоке, остальным предложить ассимилироваться с русской нацией. Бокштейн поддакивал, мы с Игорем молчали.

Потом, после отбоя, Илья разыскал Анатолия Рубина (довольно темпераментный сионист из Минска, преподаватель физкультуры) и рассказал ему об «антисемитизме» Зайцева. На следующий день Рубин и Зайцев оказались в одной бригаде, на автономном (т. е. вне зоны) строительном объекте. (Возможно, их умышленно послал в одну бригаду заместитель начальника лагеря по оперработе Иоффе.) Рубин спросил Зайцева, правда ли, что тот против Израиля. «Да, конечно. Израиль – фашистское государство. Там преследуют палестинцев». В ответ Рубин избил старика. Устин Гаврилович вернулся в зону с жутким синяком под глазом. Мы собрались было вступить за него, но тот – на свое несчастье – сразу отправился жаловаться к лагерному начальству, к оперуполномоченному. По жесткой лагерной морали нельзя заступаться за того, кто ищет защиту у «опера».

9 мая. Мы, русские националисты, отпраздновали День Победы над Германией. Пили кофе, поднимали тосты за единую и неделимую Россию. Случайно в секцию заглянул знакомый власовец и вытаращил глаза: «Отмечают советский праздник!» Для них 9 мая – самый черный день. (Примечание 2006 г.: мне трудно понять тех молодых русских, кто сегодня воодушевлен личностью знаменитого австрийца, тем более германским правым радикализмом. Наши дворяне восхищались богоотступником Вольтером, наши интеллигенты – сатанистом Марксом. Иных пленял Дарвин, Фейербах, французский социализм, американские монетаристы... Не пора ли остановиться в низкопоклонстве перед Западом? За нами – более чем 1000-летняя Византия, Московское царство, Николай Первый и Александр Третий, Союз русского народа, фундаментализм Православия. Зачем нам немецкое варево? И еще. Да, Гитлер был безусловно предан своей Германии, беззаветно служил своей идее, но для нас, русских, это был лютый враг, враг более страшный, чем Карл XII, Наполеон и Вильгельм II, вместе взятые. Никто из перечисленных не имел цели ЛИШЕНИЯ нас ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА, а он эту цель имел. Заселив немцами все земли по Волге и Днепру, он имел цель ликвидировать Россию как великую державу, навечно определив нас в разряд польй и румыний. Поэтому русский национализм изначально враждебен всякому пангерманизму, равно как пантюркизму и т. д., и т. п. Мы одни на белом свете. У нас, кроме православных сербов, никого нет. Нам следует полагаться только на себя. На Бога и на себя.)

12 мая. Пришел мастер и позвал выслушать правила техники безопасности. Солнце и ветер. Шум станков, электропил и шелест бревен, движущихся по транспортеру в бассейн, откуда их баграми подталкивают на пилораму. Кое-где зеленеют крошечные клочки травы. Остальное – щебень, древесина, мусор, шлак и земля. В курилке – разговоры о поселении. (Примечание: эти разговоры часто будирует опер: чтобы зеки думали не о побеге, а о скором этапе на облегченное положение). Неизменное лагерное состояние – ожидание перемен. Лично мне уже снился во сне Таймыр.

13 мая. Я благодарен спецу за то, что он вытравил из меня следы декаданса как лейтмотива жизни. Я благодарен лагерю вообще. Тюрьма воспитывает вкус к жизни, любовь к людям и мужество.

15 мая. Приснился кошмарный сон: меня предали. Надо признать, что кошмары в лагере снятся значительно чаще, чем на воле. (Примечание: позади было предательство Сенчагова, впереди маячили новые предательства...).

28 мая. В барак вошел начальник лагеря Пивкин: «Ширяев, почему спишь? У тебя есть совесть?» Ширяев не успел вскочить ровно в 6, теперь на него смотрит вся секция, и он не хочет выглядеть малодушным: «Совесть, где совесть?» И начал шарить по подушке и матрасу. «15 суток!» – объявил Пивкин и вышел. Это еще мягко: прежний «хозяин» Баронин наказал бы хуже, например, водворил бы в ПКТ (помещение камерного типа) на 2–3 или 6 месяцев. А Пивкин у нас недавно. Любит подчеркивать, что к «органам» никогда прежде отношения не имел, работал по партийной линии. Поэтому и пытается больше «воспитывать», брать на мораль. А была совесть у Советской власти, когда у Ширяева отняли кусок жизни за пару «антисоветских» фраз?

10 июня. Только и говорят, что молодых переведут в другой лагерь. Начальство уже махнуло на нас рукой, и мы почувствовали себя чуть-чуть вольготнее.

18 июня. Мама жалуется в письме, что ее бандероль с майкой вернули назад. Никакая штатская одежда здесь не положена. Запрещены даже тапочки.

2 июля 1964 г. Прибыли на третий лагпункт, в поселок Барашево: ехать с Потьмы дальше, минуя Явас. Третьих здесь два: просто третий и третий-больница. Мы на просто третьем. Свезли в основном молодежь, хотя есть и старики-инвалиды. Нас отделили от «военных преступников» и решили окончательно перевоспитать. Строгости начались со шмона (обыска): у меня, например, отобрали зимнюю шапку, тельняшку и валенки.

12 июля. Свиристствует зам. начальника по оперработе Кецаев, то ли ингуш, то ли осетин. БУР (барак усиленного режима, собственно – карцер) никогда не пустует. Начальник лагеря мордвин Митюшенков тоже не Пьер Безухов.

15 июля. На этих днях было 4-часовое свидание с мамой. Ей не разрешили пронести не только куска сахара, но даже пачки сигарет. (Увы, я курил до 1 июля 1965 г., бросил через год.) На следующий день она подошла к нам, грузившим машины за пределами зоны, и попыталась положить на камень немного еды. Конвоир дико заорал на нее и велел все убрать.

17 июля. 46 лет со дня злодейского убийства Николая Второго и Его Семьи. Ну, допустим, царь был «виноват» в том, что казнил террористов, бомбометателей. Но мальчик-то (Алексей) в чем виноват? В чем виноваты дочери? Одни и те же люди возмущаются убийством президента Кеннеди и смакуют преступление в Екатеринбурге. В предзоннике, ожидая выхода на работу, социал-демократ Михаил Молоствов поучает молодых, недавно прибывших в лагерь, что-де убийство Государя ему вполне «понятно». Шла, дескать, гражданская война: «Лес рубят – щепки летят». По сути это солидарность с палачами. Как же ненавидят эти люди нашего Царя!

22 июля. В то время как мы худо-бедно сопротивлялись начальству на 11-м, замполит 7-го лагпункта Свешников развернул бурную кампанию по части «перевоспитания» молодежи. Он почти обещал, что всех раскаявшихся непременно освободят досрочно. И неко-

торые поверили, в большинстве «изменники Родины», т. е. пытавшиеся бежать на Запад. «Изменники» вступали в СВП (секция внутреннего порядка), что-то вроде символической лагерной милиции, надевали красные повязки, записывались в художественную самодеятельность (что также является нарушением лагерного кодекса чести), становились завхозами (работать в зоне поваром, завхозом, библиотекарем, банщиком, парикмахером и т. д. тоже считается «западло»). Словом, «ссучивались». На собраниях «суки» поносили свое грязное прошлое и клялись впредь быть верными Советской власти, шагать в первых рядах строителей коммунизма. Конечно, никто их не освободил. Теперь этих раскаявшихся с седьмого соединили с нами. Начальство рассчитывало использовать их как орудие против нас, нераскаявшихся «бузотеров». Однако ничего не получается. Вот, скажем, Никитин. На 7-м под влиянием Свешникова он громко каялся со сцены клуба-столовой в обмен на 3-суточное свидание с заочницей. Теперь Никитин понял, что, как бы он ни старался, он не будет освобожден досрочно. Ему стыдно, что он променял честь на женские трусы, и ходит здесь тише воды, ниже травы. А мы, неисправимые, смотрим орлами, почти с вызовом.

9 августа. Владик Ильяков решил пригласить на кайф красноярских речников Георгия Большакова и Виктора Попова. Они получили 3 года за то, что на стене дома написали: «Коммунизм – без Хрущева!» Ребята слушали Пекин. Мы хотим переориентировать их на русский патриотизм. Виктор рассказал, как на 11-м его хотел завербовать кагебист. Витя сказал ему: «Я воспитан советской литературой, такими книгами, как «Молодая гвардия», и считаю провокаторов последними подонками». «Неправильно понимаете», – сказал чекист, но беседу прекратил.

14 августа. Утром, когда я, умывшись, шел в секцию, кивнул, как обычно, одному парню из марксистской компании. Тот ответил: «Я с Вами больше не здороваюсь». Я рассказал об этом своей капелле. Мои расценили слова марксиста как вызов нам всем и настояли, чтобы я отправился за объяснением. Двое наших хотели сопровождать меня, чтобы тот не посмел дать сдачи. Я отказался от их помощи: «Надо будет, справлюсь сам». Инцидент весьма неприятный, но я знаю по опыту, что в лагере надо отстаивать престиж компании, иначе и тебя, и твою группу будут презирать. Поэтому я был вынужден пойти к марксисту и несвойственным мне гнусным голосом спросить: «Милостивый государь, я требую объяснений!» Тот заволновался: «Вы плохо обо мне говорите другим, а сами здороваетесь». «Кто это сказал?» – «Баранов». Мы отправились к Баранову за объяснением. Коля Баранов – парень неплохой, но любит посплетничать. Я в самом деле говорил ему, что этот марксист когда-то носил красную повязку. Николай, конечно, не предполагал, что дело дойдет почти до драки. Он дал какие-то объяснения, я «уточнил», марксист извинился. Я был от души рад, что мне не пришлось бить его по лицу. Увы, обычаи лагеря суровы, и не нам их менять. Вообще в зоне существует строгая иерархия. Есть верхний круг – аристократия. Это те, кто не дает ни малейшего повода к сотрудничеству с администрацией, категорически отказывается «вставать на путь исправления». Следующие круги – как бы нейтральные. Отказываются от явных форм «перевоспитания», но соблюдают дипломатию с начальством, идут на мелкие уступки. Внизу – «вставшие на путь исправления», но не доносчики. Отребье, с которым никто не должен общаться, – стукачи и гомосексуалисты (как правило, из бывших уголовников, по разным причинам залетевшие в политзону). Однажды я разговорился с одним бывшим советским майором, сначала сбежавшим на радиостанцию «Свобода», а потом похищенным чекистами для 25-летнего срока. Едва майор отошел, ко мне обратился один старый зек: «Владимир Николаевич, почему Вы разговариваете с этим типом? Он же 2 года назад повязку носил!» Мне пришлось извиниться за свою неосведомленность.

20 августа. Сегодня утром нашу бригаду вывели на запретку. Работать в запретной зоне считается позором. Никто не посмел взять инструмент. Явился сам Митюшенков и начал допрашивать поименно: «Будете работать?» – «Нет!» Все, кроме одного душевнобольного

старика, отказались. Митюшенков отобрал 6 человек, в т. ч. меня, и отправил в изолятор. Особенно его возмутил Ильяков: «Крест надел? Посадить прямо в карцер!»

28 августа. Сидим в БУРе (барак усиленного режима, или внутрिलाгерная тюрьма). Добавили еще группу: никто не хочет работать на запретке. Рылеев хорошо знает английский. Он переговаривается по-английски с Телегиным из противоположной камеры (через коридор), чтобы тот послал «коня» с табаком. (Курить в БУРе строжайше запрещено.) И вот из «глазка» в «глазок» (камеры напротив, а мент зеваает на крыльце) направляется прут с горстью махорки на конце. Надзиратель спохватывается: «Не разговаривать по-иностранному!» Ежедневно кто-то из охраны спрашивает: «Кто выйдет на работу?» Т. е. в запретную зону, рыхлить бровку, натягивать проволоку или красить забор. «Никто!» Сидим на пониженном пайке.

30 августа. Мне сначала выписали 10 суток, а сегодня, когда я собрался освобождаться и отдал даже свою пайку Рылееву, добавили еще 5 суток за «плохое поведение в изоляторе».

4 сентября. Освободился. Пошатывался на ветру от голода. Вечером ребята устроили отказчикам, вышедшим из ШИЗО (то же, что БУР: штрафной изолятор), кайф с кофе и салом.

7 сентября. Перевели на более легкую работу – отбрасывать и вывозить опилки от пилорамы. Со мной трудятся Ильяков и Садовников. Бригадир Евдокимов разговаривает с нами вежливо и лишней работой не нагружает: «Лучше не связываться. Им все нипочем». На ссученых же покрикивает: «Пошевеливайтесь, нечего филонить!» Ведь не огрызаются, они хотят досрочного освобождения.

19 сентября. Дождь, холод, грязь. Вечерами, во вторую смену, собираемся в сушилке промзоны и развлекаем друг друга. Неистошим на анекдоты Володя Анохин. Это прямо-таки актер-комик. Он так изображает наших начальников, что мы помираем от смеха. У Володи срок 3 года, он из Барнаула. В прошлом придерживался эсеровских взглядов, теперь сходится с нами, русскими националистами. Украинofil Маменко любит его поддевать. Анохин в долгу не остается. (Примечание: Впереди Володю ждала жуткая трагедия. Отбив срок, он вернулся в Барнаул, работал мастером телефонного узла. Открыто исповедовал Православие, не пряча, носил крест. В сентябре 1971 года был злодейски убит неизвестными по дороге из Барнаула в Новокузнецк. Убит топором по голове, один, видимо, наносил удары, а двое держали за руки. Я жил тогда, между сроками, во Владимирской области, издавал неподцензурный патриотический журнал «Вече». В резкой форме потребовал от властей тщательного расследования и поимки убийц. Органы КГБ «в ответ» почему-то провели обыск на квартире Анохиных. Его сестра жаловалась, что какие-то анонимы неоднократно звонили по телефону: «Прекратите возню с вашим Володькой, а не то...» Изуверов не нашли и по сей день. Сакральная деталь: в последний свой приезд в Москву в августе 1971 г. Володя попросил-настоял, чтобы мы обменялись крестами. Я не хотел этого, но он меня уговорил. Взял, таким образом, мой крест на себя.)

23 сентября. Среди наших воспитателей от МВД особенно толстокож Любаев. «Начальник, посылку разрешите?» – спрашивает его зек. – «Работыть нады. Равняйтесь на маяки», – отвечает Любаев и жестом отстраняет заключенного. Летом, еще до БУРа, он вызвал меня к себе в кабинет на беседу. Был обеденный перерыв, бригады должны были вновь идти за зону (шагать из жилой зоны в производственную, на фабрику). Я наблюдал в окно кабинета, как моя бригада собиралась в предзоннике, как нарядчик уже выкликал по карточкам, и я начал тянуть резину: «Начальник, я сижу ни за что. Я хвалил Тито, а теперь Тито – наш друг». Словом, я навязал Любаеву дискуссию о разногласиях с СКЮ (Союз Коммунистов Югославии – правящая в СФРЮ партия – эту аббревиатуру сегодняшняя молодежь, вероятно, не помнит, а в то время она была на слуху). Любаев клюнул и пытался меня просветить. Я напряженно следил за своей бригадой. Наконец, конвой принял контингент, ворота захлопнулись, нарядчик убрал карточки. Я понял, что выиграл пол-дня: «Гражда-

нин начальник, разрешите в уборную. У меня живот болит». Поскольку мой вид был смиренно-вежлив, Любаев не имел повода придрататься и отпустил. На сакраментальный вопрос шестерки-нарядчика, почему я после обеда не вышел на работу, развел руками: «Начальник отряда задержал в кабинете».

1 октября. Вот уже несколько месяцев по лагерям ходит мистическое пророчество о радикальных переменах в стране этой осенью. Якобы из Горького выступит генерал Воробьев и к 14–17 октября овладеет Москвой и возьмет власть в свои руки. Слухи этого рода исходят из среды иеговистов.

10 октября. С 1-го числа начались политзанятия. Я и мои друзья, конечно, не посещаем их в принципе. Кое-кто, глядя на нас, тоже не пошел на «политику». Этих новеньких отказчиков начальство незамедлительно наказало лишением посылок и передач.

Их прорабатывали по лагерной радиосети. Нас же, ветеранов, никто и пальцем не тронул. Махнули рукой и словно не замечают.

14 октября. Сблизились с Юрой Машковым. В православии он продвинулся больше нас. По выходе на свободу хочет стать священником. А ведь сидит за ревизию марксизма, хотел создать анархо-коммунистическую организацию. После работы всей капеллой читаем вслух Владимира Соловьева. Все полны предчувствием, что в ближайшие дни что-то резко изменится.

16 октября. Сегодня утром, возвращаясь из столовой с завтрака, вздрогнул у столба с репродуктором. Снят Хрущев! Трудно описать всеобщую радость заключенных и растерянность начальства. Однако кое-кто задумался: «Как знать, а вдруг это поворот к еще более худшему?» Володя Садовников, например, всеобщий восторг не разделял. Во всяком случае в мистических предсказаниях оказалась крупица правды. Уже днем меня и Ильякова вызвали к начальству по поводу наших жалоб на произвол. Сделали вид, что разберутся. Не будь перемены властей, о наших бумагах никто бы не вспомнил.

19 октября. Пропадают мои письма к маме. Она волнуется: а что я поделаю?

29 октября. С отстранением Хрущева ничего не меняется. Все по-старому.

2 ноября. Заступились за Илью Бокштейна. Его начали третировать старики в инвалидном бараке, вышвырнули на проход его койку. Илья 7 лет пролежал в параличе, у него искривился позвоночник, он мал и тщедушен. Мы явились с грозным видом в его секцию, с шумом поставили койку Ильи на место и пообещали расправиться с каждым, кто его тронет. Одно дело обсуждать еврейско-масонский вопрос и совсем другое дело маскировать бытовым, коммунальным жидоедством свою личную корысть (кому-то приглянулось место в секции, где спал Бокштейн, а прикрылись «идеологией»). Глухари струсили: они думали, что Илья одинок.

7 ноября. Некоторые марксисты этот день отмечают, другие не признают и Октябрь. Для нас этот день, как и 27 февраля, – день национального траура. С Сергеем Пироговым отношения дипломатические: он – отличный человек, но, увы, твердолобый марксистский догматик. Его подельник Олег Тарасов (их обоих судили в Архангельске: 7 и 5) освобожден в декабре 1962 г. Пирогов выйдет в этом году. В деле С.Пирогова есть такой эпизод, впрочем, наиважнейший «эпизод», без которого не было бы и «дела». Чекисты убедили девушку, с которой дружил Сергей, выкрасть у него личные записи и сдать их в органы, уверяя, что ее возлюбленный – опасный американский шпион. Девушка выполнила задание родного государства, а позже узнала, что только на основании выкраденных ею записей, в т. ч. дневниковых, с иными, чем в «Правде», мыслями ее друг и схлопотал 7 лет неволи. Что она собственными руками отняла у него кусок жизни.

2 декабря. Работа все та же – опилки и обрезки. На прошлой неделе намело уйму снега, тачку с опилками невозможно было переть из подвала по обледенелой доске. Пришлось потребовать санки. Сегодня же снова оттепель.

6 декабря 1964 г. Этап. С третьего на седьмой или из поселка Барашево в поселок Сосновка. Правда, поселки-то эти мы видим лишь издали. И так, нас перевоспитать не смогли, решили разогнать по большим зонам. Встретился с Э.С. Кузнецовым: он все время после спеца находился здесь, на 7-м работал зольщиком в котельной. За это время он сблизился с иудеями, ведь он сам по отцу еврей (мать – русская). Впрочем, Эдик носит крест, считает себя православным.

9 декабря. Сегодня на 11-й зоне выходит на свободу мой старый приятель Игорь Васильевич Авдеев. По-видимому, он поедет в Николаев. Здесь, на 7-м, довольно скучно. Прежней компании нет. Мои остались на третьем, скоро их, наверное, вернут на 11-й. Сблизился с Виктором Семеновым из Пятигорска. Семенов сидит за намерение уйти из ГДР, где находилась его воинская часть, в ФРГ. Срок 10 лет, фактически он просто ушел в самоволку, никакой границы не переходил. Но 19-летний парень не смог доказать, что он не изменник.

30 декабря. Работаю в отделочном цехе. Полирую футляры для телевизора. Норма – 10 футляров в смену, а когда-то было 4. Норму нагнали сами зеки, особенно те, кому скоро освобождаться. Хотят к моменту выхода на свободу иметь клок денег и перевыполняют изо всей мочи. Начальство же аккуратно поднимает планку.

5 января 1965 г. Яркий солнечный день. Встретил литератора Леонида Ситко. Он тянет третий срок. Первый раз сидел в немецком лагере. Мы сказали друг другу почти одновременно: «Судьба ужасна, а жизнь прекрасна».

7 января. Отметим Рождество Христово. Часто пьем кофе втроем: Семенов, Ситко и я. Частенько к нам присоединяется Борис Николаевич Сосновский из Новосибирска, физик, марксист, прекрасной души человек и поэт Валентин Петрович Соколов. Он родился в 1927 году. Жил в Шаховской (Московская область), где его отец, кажется, агроном, покончил с собой жутким способом, потом – в Калинин (Твери) и на Донбассе. В 1948 г. он и его два приятеля-абитуриента были арестованы за ревизию марксизма, а Соколов еще и за стихи. Освободился в 1956 г., но в мае 1958 г. был арестован вновь (в городе Новошахтинске) и приговорен к 10 годам за антисоветские стихи. В лагере Валентин написал поэму «Гротески» о трагической судьбе жертв советского режима. Соколов, конечно, очень талантлив. Но он презирает всех, кто двурушничает, т. е. кто в душе не согласен с политической системой, а сам печатается в советских журналах. В этом смысле о таких приспособленцах, как, например, Евтушенко или Роберт Рождественский, он и слышать не хочет: находит для певцов коммунизма самые резкие выражения. Питерскому поэту Анатолию Радыгину (срок 10 лет за попытку перехода границы), успевшему выпустить на свободе сборник стихов, Соколов говорит с укоризной: «Эх, ты...» Есть у Соколова свои заскоки. Попадая в изолятор, он режет свое тело и кровью мажет белье. Еще он любит выпить при случае (лаку, конечно, водки здесь нет). При всем этом у него тонкая нежная душа. Валек пользуется всеобщей симпатией заключенных.

9 января. На Рождество я не вышел на работу. Начальник отряда вызвал на душевную беседу. «Вы меня лучше не трогайте», – сказал я с особенной интонацией. «Вы мне не грозите. Я ничего не боюсь», – покраснел и растерялся офицер. Он имел в виду, что не боится Бога, но вслух произнести это не решился. А сегодня меня поволокли в штаб: «К Вам мать приехала. Сбрейте бороду, или мы дадим только одни сутки» (вместо трех положенных). Я отказался и ушел в барак. Примчался шестерка из штаба: «Осипов, на свидание!» Я отправился в дом свиданий. Все же дали двое суток. Мама плакала, умоляла сбрить бороду. Я сбегал к парикмахеру и побрился.

10 января. Мама кормит меня, как на убой. Пью чай, курю столичные сигареты. Не жизнь, а сон. Впрочем, когда я с ночной смены вернулся в дом свиданий и чуть-чуть прикорнул, ворвавшийся в комнату опер заорал: «Кто спит?» Мама жалобно оправдывалась, что сын всю ночь работал в цехе.

12 января. Пессимисты – это чаще всего эгоисты. Жизненные неудачи, удары судьбы затмевают им свет жизни.

17 января. Здесь сидит Юрий Александрович Храмцов. Когда-то он был солдатом Советской Армии, по национальности удмурт. Служил в Восточной Германии. Из идейных соображений ушел в ФРГ. Поступил в американскую разведшколу, окончил ее. Считал, что в борьбе за демократию все средства хороши. Завершил учебу в школе ЦРУ, перешел с напарником норвежско-советскую границу. При переходе напарник предложил сдать советским властям. Храмцов категорически отказался и получил несколько пуль. Приятель, полагая, что убил Храмцова, пошел на заставу и сдался. Юрий чудом остался жив, правда, стал инвалидом. Получил 25 лет. Дело было в начале 1953 года. Так что сидит он 12 лет, а впереди – 13. Другок тоже получил срок, поменьше. В лагере Храмцов пришел к православной Вере. Шрам от ранения в голову остался у него на всю жизнь.

18 января. По-прежнему работаю в отделочном. В четверг, пятницу и субботу сдавал по 5 футляров. Это – полнормы. Полирую неплохо, но долго и потому очень медленно. Из 8 рабочих часов практически непрерывно работаю все 7. Час – на подготовку, поиски утащенных банок с ацетоном, перекуры.

29 января. Эту неделю работаю в третью смену, с 1 часу ночи до 8 утра. Самая муторная смена.

«Вече»

Мысль об издании машинописного неподцензурного журнала родилась в политлагерях Мордовии, где я отбывал свой первый срок – за «организацию антисоветских сборищ», по терминологии КГБ, в Москве, на площади Маяковского. Отсидев 7 лет от звонка до звонка, я освобожден 5 октября 1968 г. и, поскольку более не имел права жить в Москве (жилплощадь у меня отобрали), поселился на «101-м километре», в Калининне, (точнее вблизи Калининна, в деревне Никола Малица), где работал на Вагоностроительном заводе. Через год, преодолев упорное сопротивление местных силовиков (см. мой очерк «В поисках крыши» // Москва, 1994, № 9), стал жить сначала в Струнино, где трудился грузчиком на хлопчатобумажном комбинате «5-й Октябрь», а затем – в Александрове, поступив в тамошний отряд профессиональной пожарной охраны. Начальник пожарной охраны Мамыхин взял меня инструктором и послал стажироваться на радиозавод. Стажировка длилась 3 дня и 3 дня чиновники изучали мое досье. Пришли к выводу, что такой опасный человек, как я, не имею права работать на полусекретном предприятии, даже инструктором пожарного дела. Чекисты всегда считали, что любой инакомыслящий – потенциальный шпион. То-то перебрались на службу в США к империалистам генерал КГБ Олег Калугин и сын Хрущева – конструктор секретнейших ракет Сергей Никитич. Я вернулся к Мамыхину ни с чем. «Вы же не будете работать бойцом-пожарным?» – спросил он, имея в виду мое высшее образование и подразумевая, видимо, мои амбиции. «Почему же, буду», – охотно согласился я и определил свою производственную судьбу на 5 лет вперед, до следующего ареста. Ныне, в 2006 году, когда из-за утечки кальция я стал хромать и ходить с палкой, с восторгом вспоминаю свою вторую молодость, когда я лихо взлетал вверх по пожарной лестнице с увесистым брандспойтом и тушил пожары всех категорий. Получал премии, меня даже фотографировали для доски почета, да потом спохватились, что бывшего госпреступника – нельзя. Самые сложные пожары и сейчас в памяти. Особо тяжело тушить подвалы, когда все в дыму, очаг возгорания неизвестен и мы трое, один с фонарем, другой с топором и третий со шлангом, в противогазах, пробираемся вдоль деревянных кладовок и ищем очаг, где пламя. Противогазы неважные, жмешь кнопку дополнительного клапана и чувствуешь себя рыбой, выброшенной на берег. Но срывать резину нельзя. Сорвешь – и тут же задохнешься. Иногда с первого раза этот проклятый очаг и не разыщешь. Через пересменку – снова в дымище. Так не хочется лезть по второму или третьему разу, но – долг превыше всего... В соседнем Киржаче два пожарных задохнулись даже не в подвале, а в обыкновенной квартире, где горел телевизор. Один ветеран признался: «Мчишься по тревоге ночью со сна на пожар и думаешь: «Ну, хватит, это в последний раз, завтра же уволюсь». Потом, все потушив, едешь обратно, пьешь чай или стопку спирта (дают при очень серьезном огне) и продолжаешь работать». И так рассказчик тушил-дежурил здесь лет пятнадцать. Впрочем, серьезные пожары случаются в среднем на человека 1–2 раза в месяц, а в остальном – мелкие возгорания (старуха уронила керосинку, завРОНО забыл выключить утюг, а жил недалеко от пожарки, и т. п.). Зарплата крошечная – 65 рублей в месяц. Тут обычно работают «шабашники», разные мастера и строители. В СССР все должны работать на государство, иначе ты – тунеядец. Вот они и работают (тушат пожары) сутки через трое и три дня после пожарки вкалывают на себя. Для меня лично работа бойцом-пожарным оказалась промыслительной. Ну разве мог бы я издавать машинописный журнал, работая, как все, по 8 часов в день на «101-м километре»?

Однажды был такой случай. Наш караул (9 человек) был недоволен, что премию за предыдущий квартал получили не мы, а другая смена, хотя у нас, как мы считали, показатели были лучше. Утром в 8 часов при сдаче смены (один караул сдает дежурство другому) я громко заявил протест против несправедливости. Босс ответил: «Зайдите ко мне в каби-

нет после сдачи смены, я все объясню». Я поднялся к нему на второй этаж. В кабинете уже сидели, помимо начальника, парторг и профорг. Я сел у дверей. «Что ж, вы правы, Владимир Николаевич, мы действительно иногда поступаем не по справедливости. Вот вы в прошлом месяце опоздали на час, а мы вас не наказали». Я пытался оправдаться: «Но не ходили электрички.

Я опоздал из-за аварии по Ярославской дороге». – «А это нас не касается. Вы обязаны в 8.00 быть на дежурстве. У вас есть койка в общежитии, могли бы приехать накануне. А если бы случился пожар и караул выехал бы без вас?» Потом Мамыхин обратился к своим сподвижникам: «Ну, как будем наказывать Осипова за опоздание? Будем увольнять?» И тогда я капитулировал: «Винovat, больше не буду, никогда». Хозяин понимал, что речь идет не об опозданиях, а о критике начальства. Поистине, не рисковать же изданием первого в советской истории православно-национального журнала из-за трений в Александровской пожарке? Зато потом он охотно давал ведомственную машину для закупки картофеля в окрестностях.

Промыслительной оказалась и моя «база отдыха» в поселке Заветы Ильича возле Пушкино, как раз по моей Ярославской дороге. Наш боевой соратник Адель Петровна Найденович, с которой на пересылке в Потье познакомился еще Кузнецов, отсидев 2 года за «хранение» романа Пастернака «Доктор Живаго», жила с мамой, крупным специалистом на медицинском поприще, и активно включилась в только что зародившееся правозащитное движение. За эту активность она, будучи инженером, была уволена с работы и лишена возможности (по указанию КГБ) трудоустроиться на другом месте. Ей светила ссылка в Сибирь за «тунеядство». Поскольку я в это время был одинок (первая жена ушла к другому) и невеста у бездомного пожарника с зарплатой в 65 рублей не намечалась, я решил помочь бывшей политзечке и оформил с ней фиктивный брак. Но зато тогда я действительно выручил Адель. Она поведала потом, как в квартиру победоносно явился милиционер и объявил о скором суде за «тунеядство»: «Ваша песенка спета!» – «А я замужем!» – отпарировала обвиняемая. – «Как так, покажите свидетельство и паспорт». – «Пожалуйста!» Страж порядка изучил документы и ретировался. Правда, позже докучали ее вопросами, как она с мужем живет вдвоем на 65 рублей. – «Платите ему больше. А вы считаете, что государство платит заведомо нищенскую зарплату?» Так считать они не имели права и в общем отстали. Как раз в это время мать Ады купила дачу в Заветах Ильича, на которую они ездили только летом, а в остальное время года я отапливал дом углем (после дежурства в Александрове), чтобы не замерзли трубы, и работал над журналом. От поселка до Москвы добирался на электричке минут за 40. В Москве встречался с авторами и соратниками.

Шульгин

В августе 1970 года иеромонах Варсонофий Хайбулин зашел ко мне в пожарную охрану и предложил вместе с ним посетить город Владимир по одному делу. Мы вылетели туда из Александрова на маршрутном вертолете. Дело – делом. Но попутно, поскольку нашлось свободное время, мы посетили с ним бывшего «прогрессивного националиста», депутата Государственной Думы Василия Витальевича Шульгина. К тому времени Шульгин после освобождения из заключения жил в самом областном центре, на улице Осипенко. Был довольно популярен в глазах нашей интеллигенции, видевшей в нем живой осколок старого режима, своего рода представителя Российской Империи (против которой, увы, он яростно боролся). Помнится, еще в конце 50-х годов к нему ездил друг А.М. Иванова поэт Головатенко («Эх, романтика, синий дым, / В Будапеште советские танки...»). Мне и о. Варсонофию Шульгин рассказывал о жутком красном терроре «снизу» в первом десятилетии XX века. По его словам, Пуришкевич однажды протянул через весь огромный зал Государственной Думы бечевку с нанизанными на ней вплотную многочисленными портретами жертв революционного кровопускания. Это обилие фотографий убитых потрясло. Шульгин поведал также о странной смерти генерала П.Н. Врангеля (1878–1928), внезапно умершего в момент подъема антибольшевистских сил. Как раз в это время к денщику Врангеля приехал из СССР его брат и вскоре после этого вождь Белого движения скончался. Мы с о. Варсонофием не стали задавать неприятные для старика вопросы о его участии в заговоре против Императора Николая Второго. Тем более, что ранее такие вопросы уже были заданы одним из друзей Хайбулина. Меня поразило отсутствие какого бы то ни было раскаяния и за бунт в рядах антимонархического «прогрессивного блока», и за лживые провокационные речи в Думе, и за требование (совместно с Гучковым) отречения Государя от престола в пользу трепачей и преступников, разваливших Армию и Империю мгновенно после 2 марта 1917 г. Больше того, Шульгин еще продолжал мечтать на склоне лет о важной роли в... объединении Германии. Эту роль ему предрекла гадалка в эмиграции, и, как человек, подверженный внецерковному мистицизму, он даже в 1970 году, в 92 года, верил в эту сказку. У человека, предавшего Царя и толкавшего Россию к пропасти, болела голова о Германии... Гадалка просто перепутала его с Горбачевым, который действительно помог объединению Германии, подложив одновременно бомбу под СССР— Россию. Автор исследования «Император Николай II и генерал-адъютант М. В.Алексеев» Виктор Кобылин, досконально изучив поведение Шульгина в дофевральский и февральский период, писал: «Но такого брезгливого чувства, какое вызывает во мне этот «монархист», никто не вызывает». И ведь сам же Василий Витальевич признался: «В минуты сомнений мне иногда начинает казаться, что из пожарных, задавшихся целью тушить революцию, мы невольно становимся ее поджигателями». Сионист Агурский был сердечно благодарен Шульгину и за его позицию в еврейском вопросе: «В 1913 г. именно Шульгин СПАС БЕЙЛИСА. Будучи издателем газеты «Киевлянин», которая сильно влияла на присяжных, Шульгин неожиданно для всех резко осудил процесс Бейлиса, чем вызвал бурю негодования в правых кругах»³⁶. Я покинул 92-летнего свидетеля роковых дней России с чувством невыразимой горечи.

Я не видел другого важного дела в то время, помимо издания патриотического журнала. Чаял восстановить традиционное течение русской жизни, прерванное февральской катастрофой 1917 года. Но сие, так сказать, в тумане будущего, а пока – «сеять разумное, доброе, вечное», то есть просвещать современников в обратном нигилизму направлении. В эти годы я познакомился с массой новых людей, конечно, патриотического склада. Посе-

³⁶ Агурский М. Пепел Клааса. С. 327.

щал иногда «Русский клуб» – регулярные собрания русофильски настроенной интеллигенции. Тот поворот в сознании целого слоя русской элиты, который, на мой взгляд, произошел в середине 60-х годов (пока я «пахал» в Мордовии), претворился и в докладах названного клуба, и в деятельности по охране памятников культуры, и в оживлении умственной жизни вокруг тогдашнего журнала «Молодая гвардия». Как зов трубы, прозвучали «Письма из Русского музея» Владимира Солоухина. Как он сам признает, «Письма» были вдохновлены его тогдашним наставником И.С.Глазуновым. Почти одновременно на литературном свode явилось созвездие «деревенщиков», среди которых Белов, Распутин, Шукшин, Астафьев наиболее олицетворяли русское национальное чувство. Огромную, беспрецедентную роль сыграла живопись Ильи Сергеевича Глазунова. Он и сам в силу своей кипучей натуры становится магнитом, центром притяжения патриотических сил. Хочу подчеркнуть явление «Молодой гвардии» как важнейшее событие в идейной жизни второй половины 60-х годов. На выжженной, словно после атомного взрыва, русской почве неожиданно-негаданно взметнулась плеяда Белинских, причем Белинских в обратную сторону, Белинских лишь в смысле таланта и темперамента. Кожин, Лобанов, Семанов, Чалмаев, Палиевский, Олег Михайлов, Дмитрий Жуков, Лангциков – только по тоталитарной необходимости им приходилось еще считаться с марксистской галиматьей. Правда, Кожин за долгие годы ухитрился ни разу не процитировать Ленина. Но всем своим содержанием, всем духом своим статьи «молодогвардейцев» по существу отвергали антинациональное, а следовательно, и марксистское мышление, космополитические «ценности» революции. Байгушев считает важнейшим Русским Манифестом с четкой почвеннической программой статью С.Н.Семанова «О ценностях относительных и вечных» в № 8 «Молодой гвардии» за 1970 год. Но не дремал «агент американского влияния» А.Н.Яковлев и не дремала проеврейская госбезопасность. Со знанием дела Александр Иннокентьевич утверждает: «Чекисты работали против своей партии, против советской власти и еще гордились тем, что ими «все контролируется»³⁷. Науськиваемая могучими русофобами, партия (впрочем, не химерой ли она стала к этому времени?) уже к концу 1970 года проявила свою троцкистскую бдительность: 4 ноября Секретариат ЦК КПСС осудил «русофильство» «Молодой гвардии». Брежневу подсунили «антисоветские» стихи в печатном органе ЦК ВЛКСМ. Кириленко выпалил: «Пока кончатся с русофильством!» В итоге был снят с должности редактор А. В.Никонов. По данным Сергея Викулова, «Обвинительное заключение» зачитывал все тот же А.Н. Яковлев, а внимал ему сам Леонид Ильич!.. Приехал специально, хотя в отпуске находился...»³⁸.

Мои друзья приуныли. Особенно горячо мы обсуждали ситуацию с Михаилом Кудрявцевым, замечательным человеком и архитектором. В кругу его соратников я предложил взять на себя издание независимого машинописного журнала православно-патриотического направления. Название родилось в беседах с другим подвижником русского дела – священником Дмитрием Дудко.

19 января 1971 года вышел первый номер журнала «Вече». Позже я узнал, что именно в этот день трагически погиб поэт Николай Рубцов. «Гвоздем» первого номера стала работа М.П. Кудрявцева (1938–1993) «Судьба русской столицы» – о погромной вакханалии Кагановича и его шайки, разрушивших 426 только наиболее известных архитектурных шедевров Первопрестольной.

Макет номера я передал на хранение известному правозащитнику Владимиру Буковскому, ибо я допускал мысль, что могу быть арестован сразу после выхода первого номера и «для истории ничего не останется». Буковский держал его в чемодане, доступ к коему имел и Петр Якир, тогдашний лидер либерал-коммунистов, издатель «Хроники текущих

³⁷ Байгушев А. Указ. соч. С. 444.

³⁸ Викулов С. На русском направлении. М., 2002. С. 225–226.

событий». Якир обнаружил в схроне макет «Вече» и прочел один из вариантов предисловия, где шла речь о необходимости искоренения троцкизма в широком духовном смысле. Т. е. в оценке, скажем, даваемой этому явлению С.Н.Семановым. А Петр Ионович страстно почитал Троцкого. Он немедленно передал «антитроцкистский» вариант предисловия иностранным корреспондентам, и 27 февраля 1971 г. радиостанция «Свобода» уже вещала о появлении в СССР «шовинистического» и «антисемитского» журнала. Пришлось разъяснить всем, включая «Свободу», что к чему, и обнародовать подлинное предисловие к изданию. Прошу прочесть его с учетом того, что оно мне инкриминируется Владимирским областным судом как «антисоветское». Наряду с другими материалами, в этом предисловии, по мнению подчиненных Андропова, «в искаженном виде изображена советская действительность, коммунистическая идеология, быт советского народа, делаются попытки доказать необходимость изменения существующего в СССР строя». Совокупность таких текстов тянет на 8 лет.

«На Вече!

Двадцатый век – век прогресса науки и техники, и в то же время век небывалого развития корыстолюбия и преступности. В погоне за личным материальным благополучием люди стали равнодушными к духовным сокровищам прошлых столетий. Это наблюдается в равной степени и у нас, и на Западе. Но нас, естественно, прежде всего заботит Россия – наша мать, боль и надежда.

Наше нравственное состояние оставляет желать много лучшего. Эпидемия пьянства. Распад семьи. Поразительный рост хамства и пошлости. Потеря элементарных представлений о красоте. Разгул матерщины – символа братства и равенства во хлеву. Зависть и доношительство. Наплевательское отношение к работе. Воровство. Культ взятки. Двуручничество как метод социального поведения. Неужели это все мы? Неужели это – великая нация, давшая безмерное обилие святых, подвижников и героев?

Да имеем ли мы право именоваться русскими? Словно зараженные бешенством, мы отреклись от своих прадедов, своей великой культуры, героической истории и славного имени. Мы отреклись от национальности. А когда мы пытаемся теперешнюю пустоту и убожество назвать тысячелетним словом, мы только оскорбляем святое имя.

И все же еще есть русские! Еще не поздно повернуться лицом к Родине. Обратиться к материнской земле, к наследию праотцов.

Нравственное всегда национально. Аморализм не имеет нации. Возродить, сберечь национальную культуру, моральный и умственный капитал предков. Продолжить путеводную линию славянофилов и Достоевского.

Предстоит большая и тяжелая работа. Мы изолированы друг от друга. Мы выварили мысли в своем соку, не обмениваясь, не споря. Вынесем их теперь на русское вече. Пусть мнения противоречат, пусть один опровергает другого. Все наши споры должны иметь одну цель – благо России.

С этой целью мы приступаем после длительного молчания к изданию РУССКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО журнала. Мы приглашаем всех патриотов к участию в нашем журнале.

Да благословит нас чистый, немеркнувший лик России!

На Вече!

Редакция.

Январь 1971 г.».

* * *

Куском отнятой жизни обошлась мне путеводная линия славянофилов и Достоевского. Плюс – потоком инсинуаций и клеветы. Например, я совсем не ждал удара от представителя Русской Православной Церкви. Между тем, пока я сидел под следствием во Владимирской тюрьме, священник-экуменист Александр Мень дал интервью западным корреспондентам, в котором обозвал «Вече» шовинистическим и антисемитским журналом (в унисон Якиру). Игорь Ростиславович Шафаревич поправил Александра Менья, но поправку известного академика-патриота никто на Западе не пожелал печатать. Не хотели обижать батюшку. Чекисты, конечно, радовались: каждый плевок из несоветской среды как бы подкреплял и усиливал позицию карателей. Радовала чекистов и другая писулька за подписью Репникова и других прогрессистов, «преодолевших» христианство.

Журнал выходил три года, по три номера в год. На каждой книжке (а это был толстый «кирпич» страниц на триста) я ставил свою фамилию и адрес. Категорически отвергал всякое поползновение на «подполье». Вот он я, не нравится – берите, сажайте. Хотя сажать – если подходить строго, согласно УК РСФСР с комментариями – было не за что: никаких «выпадов» против «советского социалистического строя» не было. «Выпадов»-то не было, но была другая идеология – национально-православная. Такое не вязалось с обычаями советской жизни. Первый год власти довольствовались угрозами через моих знакомых: «Его песенка спета, мы его вот-вот посадим» или «Сидеть будет до седых волос» (они не лгали: так и случилось). Я жил в ожидании ареста в любой день и час. Отдежурив смену в пожарке города Александрова Владимирской области, еду на электричке в Москву (с заездом в Заветы Ильича), где, собственно, и готовил очередной номер. Чекистский «хвост» часто сопровождал меня уже от александровского вокзала. Однажды, не заметив «топтуна», привез его за собой к одной из машинисток, печатавших «Вече», Н. Н. Орловой. Гебисты потом явились к ней с угрозой: «Как можете Вы, комсомолка, печатать такое мракобесие?» Журнал изъяли. Орлова, естественно, от дальнейшей работы отказалась. Вдруг чекисты пустили слух, что я арестован. Якир посылает Аду Найденович проверить это. Та, взволнованная, прилетает в Заветы Ильича (по Ярославской дороге), где я тогда обитал после дежурства. Я мирно печатаю на машинке. – «Слава Богу – не арестован». Вообще политическая тематика в журнале отсутствовала. Печатались материалы о Православии, Церкви, о взглядах славянофилов, Достоевского, К.Леонтьева, других русских мыслителей, об охране окружающей среды, об охране памятников, о демографических проблемах русского народа... Обо всем, только не о КПСС и советской власти. Исключение составила одна статья – «Русское решение национального вопроса» (к 50-летию СССР) в шестом номере от 19 октября 1972 года. Писалась она коллективно, хотя наибольший вклад, пожалуй, внесла С.А.Мельникова, едва ли не самый усердный из моих помощников. Чекисты приписали статью мне и за нее я тоже получил срок, но я никаких показаний на следствии не давал, ничего не «уточнял», и версия гебистов вошла в текст приговора. Позже, когда я глухо сидел в Мордовии, издательство «Посев» по собственной инициативе включило редакционную статью в мой сборник, а в период перестройки «Наш современник» опубликовал ее среди моих материалов. И вдруг мой бывший друг А.М. Иванов, за которого я бросился на амбразуру 9 февраля 1959 г., публикует в газете «Русский вестник» (№ 6 за 1993 г.) заметку «Вношу уточнения!», что эту статью сочинил он, а не Осипов, и затем дает реестр своих публикаций во избежание «краж» (!) в будущем. Далее следует заведомая выдумка: «Странно также, что В.Н. Осипов включил ее в изданный НЕДАВНО сборник своих статей». Где и когда издан этот фантастический сборник и кто издатель, естественно, «без уточнений». Действительно странно, зачем лгать? (М.Ю.Лермонтов: «Или друзей клевета ядовитая...») Между тем он присут-

ствовал на зачитании приговора по моему делу, в котором «его» якобы статья приписывалась и инкриминировалась мне, и мог бы заявить протест: дескать, это моя статья, судите за нее меня, а не Осипова. Однако протеста не последовало. Еще раз уточняю: статья редакционная, больше всех над ней работала Светлана Александровна (именно она, к примеру, сделала вставку о составе советской делегации в Лиге Наций – там не было ни одного русского!), а Анатолий Михайлович принимал лишь частичное участие. Я же не только не автор статьи, посвященной 50-летию СССР, но, будучи монархистом и антикоммунистом, заведомо не мог ни написать ее, ни поставить под ней свою подпись. Ни тогда, ни теперь я не мог утверждать, что якобы не может быть «никакого противоречия между русским и советским патриотизмом», как, видимо, и по сей день убежден в этом Анатолий Михайлович. После бурного обсуждения на редколлегии я, хотя и не согласный в чем-то, все же дал добро на публикацию статьи в качестве редакционной. Ибо главная мысль сводилась к тому, что, несмотря на торжество нерусской стихии в Октябре и в Феврале, «можно твердо верить в одно: новая федерация народов создана была по-русски». То есть, в отличие от Америки, уничтожившей национальные отличия «в огромном котле стандартизованного образа жизни», и Китая, покончившего со всяким некитайским началом вообще, в Союзе ССР – во всяком случае, это было провозглашено – реализовалось равенство наций, равенство их прав на развитие своей самобытности. Здесь, конечно, много спорного, были 20-е годы, когда иудео-большевики пестовали любую народность, кроме русской, были 60-е годы, когда масонствующий Хрущев стирал различия у всех народов. Но важна сама по себе обнаженная идея о том, что русский народ никого не давил и не поглощал иные этносы.

Видимо, эта статья вызвала критику А. И. Солженицына, который счел, что «группа В. Осипова, самиздатский журнал «Вече», дескать, потянулись «прислониться для опоры и защиты к чему-то крепкому, уже реально существующему», «поддалась тому мифу о якобы начавшемся национальном перерождении коммунизма...»³⁹. Неужели пятнадцать лет в два захода я отсидел в лагерях за «прислонение» к советской власти? Причем в зоне принадлежал к самым «неисправимым», к зачинщикам всяких гололовок и забастовок. Но в данном случае признаю: среди широкого круга вечевцев действительно теплилась надежда на эволюцию советского режима в лучшую сторону, в перспективе – в национально-православную. Было немало живых людей в партийном и советском активе 70-х годов, мыслящих патриотично. Считали даже покровителем русофильства члена Политбюро Д.С.Полянского. Русофоб Андропов, конечно, пресек эти иллюзии. И государство затем – при Горбачеве и Яковлеве – действительно переродилось, только в худшую, русоненавистническую сторону.

Характерно, что другой русский патриот – С.Ю. Куняев упрекает нас в прямо противоположном – в «борьбе» с Советским государством. Он пишет: «Разрушать же государство по рецептам Бородина, Солженицына, Осипова, Вагина с розовой надеждой, что власть после разрушения перейдет в руки благородных русских националистов? Нет, на это мы не могли делать ставку»⁴⁰(...). Я и по сей день не думаю, что своим лишенным политики православно-славянофильским журналом «разрушал государство». «Мы не могли», – пишет

Станислав Юрьевич. Но кто эти «мы»? Член редколлегии «Нашего современника» С.Н.Семанов чудом не сел через несколько лет после меня. В конце срока ко мне в зону прибыл чекист из Москвы и часов пять пытал (конечно, не щипцами), силясь хоть что-то вытянуть о Семанове. Я упорно лгал, заявляя, что лично не знаком с Сергеем Николаевичем и что свидетель А.М. И., давший показания о его, Семанова, сотрудничестве с «Вече», возводит напраслину. «Мы вас посадим в третий раз – теперь за дачу ложных показаний!» – рассвирепел следователь. «Сочту за честь сесть по такой благородной статье!» – парировал я.

³⁹ Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998. С. 147.

⁴⁰ «Наш современник», 1999, № 3, с. 176.

Когда с 28 ноября 1974 г. по июнь 1975 г. меня трясло во Владимирской тюрьме по делу № 38 – об издании «антисоветского» журнала «Вече», – я не дал показаний ни о ком, изо дня в день твердил одно: «Не скажу. Не скажу. Не скажу». А если бы сказал? Как знать, быть может, не один и не двое из тех, кого Станислав Юрьевич зачисляет в «мы», были бы на грани ареста, то есть – в теперешнем контексте – на грани упрека в... «разрушении государства». Известный публицист М.Ф.Антонов, постоянный автор Куняева, в те же годы томился за свои «антисоветские» взгляды. А ведь, в отличие от меня, он – убежденный коммунист, хотя, правда, и называющий себя при этом христианином. Целился ли он в государство, подобно А.Зиновьеву? Не уверен. Все относительно. Где та грань, которая четко отделяет одних патриотов от других? Александр Байгушев в своей книге «Русская партия внутри КПСС» свидетельствует: 28 марта 1981 г. Файнштейн-Андропов разослал членам Политбюро провокационную «закрытую записку» – «про ужасных, подрывающих, мол, все устои советской власти заядлых «русистов»⁴¹. Андропов предложил «русистов» незамедлительно репрессировать. Байгушев пишет, что Сталин после такой зловещей докладной «сразу бы всех расстрелял». Тем более что Андропов нагло лгал соратникам по Политбюро, сочиняя сказки о том, что лидер «русской контрреволюции» С.Н.Семанов якобы шастает в иностранные посольства и произносит там антисоветские речи! Спасибо Брежневу, что он не клюнул на гнусную мякину Файнштейна, иначе бы в мордовские политлагеря попали бы десятки «молодогвардейцев». Андропов включил бы туда и Куняева. Проеврейское ЧК не успокаивалось: андроповский прихвостень В.Федорчук 4 августа 1982 г. накатал записку КГБ СССР в Политбюро «об антисоветской деятельности Семанова»!

Большая работа Антонова «Учение славянофилов – высший взлет народного самознания в России в доленинский (!) период» была опубликована мной с согласия друзей Михаила Федоровича в первых трех номерах «Веча». В ней обстоятельно излагалось мировоззрение наших первопроходцев послепетровского времени А.С.Хомякова и И. В. Киреевского. И к этой работе придрались. Сотрудники Владимирского УКГБ нашли экзотический «криминал». В порядке лирического отступления Антонов расхваливает Октябрьскую революцию, которая, «несмотря на свои эксцессы», по его мнению, спасла Россию от буржуазного маразма. Так вот, словечко «эксцессы» поставили мне в вину и в обвинительном заключении витийствовали: Осипов «основным содержанием своей деятельности сделал клевету на политику КПСС, органы советской власти, Великую Октябрьскую социалистическую революцию». Так-то вот мы «целились в коммунизм, а попали в Россию» (слова А.Зиновьева)... Скорее и в свой коммунизм, и в Россию целились те, кто жирует сегодня на нищете обездоленных. Не я и не мои солагерники сегодня на плаву, а все та же номенклатура, члены ЦК, райкомовские и горкомовские товарищи. Автор книги «Русская партия» (Москва, 2003 г.) Николай Митрохин посмеивается над тем, что русские националисты, включая меня, «так и не смогли стать признанными публичными политиками». Но ведь и его любимые либералы (из тех, кто за идею) довольно быстро уступили места чекистам и секретарям обкомов. Кто из сидевших демократов оказался на вершине пирамиды? На руинах коммунизма возник жуткий социально-экономический монстр, которому еще нет названия. И оказаться в «элите» этого монстра, говоря по-лагерному, «западло».

В те советские годы мне рассказывал один из «национал-большевиков» о своем разговоре с сотрудником КГБ какого-то краевого управления. «Мы поражены, – говорил тот. – Сионисты вывесили свой флаг на здании, и им слова не сказали. А группу православных ребят, изучавших Евангелие, упекли в лагерь».

В 1971 году вышло три номера «Вече», и уже при подготовке 4-го номера 14 января 1972 года в поселке Заветы Ильича был произведен обыск с санкции заместителя Гене-

⁴¹ Байгушев А. Указ. соч. С. 369.

рального прокурора СССР Малярова. В тот же день обыски были произведены и у демократов: Петра Якира, Александра Гинзбурга, Р.Мухамедьярова и др. До этого на протяжении нескольких месяцев, как подтверждала «Хроника текущих событий» (неподцензурный правозащитный бюллетень), сотрудники 24-го отделения милиции г. Москвы неоднократно вторгались в квартиру к Адели Осиповой (Найденович) и вызывали ее в милицию, угрожая арестом за тунеядство. Однажды у нее был даже отобран паспорт на 20 дней. 1 ноября 1971 г. два милиционера и мужчина в штатском, окружив постель полупарализованной матери А. Осиповой, стали угрожать Аде и отсутствующему мужу (т. е. мне) арестом за издание журнала «Вече», что привело к повторному инсульту и смерти матери. Фактически это была первая жертва в поединке «Вече» с Левиафаном. 10 января 1972 г. Адель Петровна написала Председателю КГБ Андропову письмо с протестом против гонений: «Аморальность вышибания женщины из дома на производство порождает большее количество общественных пороков, чем ваши успехи по борьбе с ними»⁴².

Через несколько месяцев происходит мое первое задержание в качестве редактора «Веча». 23 мая 1972 г. в 17 часов я шел по Старомонетному переулку. Ко мне подошел милиционер и потребовал документы. Затем приказал влезать в воронок, оказавшийся за моей спиной. Меня отвезли в ближайшее, 2-е отделение УВД. Там без всяких объяснений и без санкции прокурора меня подвергли личному обыску, сняли отпечатки пальцев, несмотря на мой протест и составили протокол о нарушении паспортного режима. Как писала «Хроника»: «Не готовят ли власти В. Осипову, как некогда А.Марченко, уголовное преследование за нарушение секретного «Положения о паспортах», а также статьи 198 УК РСФСР?» Меня продержали в отделении несколько часов. Милиция изъяла все, что было в моем толстом портфеле, оставив только одну книжку, изданную советским издательством. При этом они составили протокол о «незаконном проживании в Москве» и предупредили, что при третьем подобном задержании в Москве я буду посажен на один год в лагерь за нарушение паспортного режима. Не имеет права бывший политзек проживать в коммунистической столице. «Проживать», по милицеским правилам, означает быть обнаруженным утром в московской квартире. Меня застигли не утром и не в квартире, а на улице. Т. е. были попраны даже внутриведомственные милицеские правила, не говоря уже о законе и Конституции. Я написал о случившемся министру внутренних дел Н.А.Щелокову с требованием возвращения отнятого имущества и наказания виновных. Получил, как водится, формальную отписку. Кстати, при этом обыске была изъята моя записка корреспонденту Юнайтед Пресс Интернейшнл Броунингу с кратким протестом против ареста тогда же в мае 1972 г. Дзюбы и других инакомыслящих на Украине. Там еще была такая фраза: «Украина – жемчужина России». Я запомнил реакцию милиционера-украинца на записку. И вдруг спустя почти год ЭТА САМАЯ ЗАПИСКА оказалась в портфеле у Броунинга при пересечении советско-финляндской границы 1 апреля 1973 г.! Т. е. кто-то неизвестный в конце марта 1973 г. *подкинул* эту записку (находившуюся с 23 мая 1972 г. в руках МВД-КГБ) ему в портфель. Записка-то все равно адресовалась ему, только опоздала на 10 месяцев. Это как в фильме «Место встречи изменить нельзя» Жеглов – Высоцкий подкидывает вору им же украденный кошелек. Кто и при каких обстоятельствах мог подсунуть бумажку корреспонденту в канун его поездки в Финляндию?

После задержания в мае 1972 г. стало сложнее выпускать журнал. Приходилось встречаться со своими помощниками где-нибудь в Абрамцеве или Загорске. 6 июля того же 1972 г. я был схвачен милицией в Москве вторично. Снова обыск. Плюс – двухчасовое содержание в камере (чтоб освежил память). Протокол. Милиция нависла так плотно, что я понял: посадят. Год по уголовной статье оформят, не моргнув глазом. Пришлось совсем воздержаться

⁴² Газета «Русская мысль» от 11 мая 1972 г.

на время от поездок в Белокаменную. И только когда отпевали в московском храме моего соратника по «площади Маяковского» поэта Юрия Галанскова, погибшего после операции в зоне 4 ноября 1972 года, решил пренебречь угрозами. В следующем, 1973 году снова зачистил в столицу, как и прежде (счет «нарушений» начинается вновь, с нуля). Как жужжание ос, чувствовал постоянное мельтешение ЧК.

Все материалы, связанные с Православной Церковью, ее жизнью и вероучением, печатались только с одобрения отца Димитрия Дудко, ставшего фактически членом редколлегии. Помимо незабвенного архитектора-реставратора М.П. Кудрявцева, его коллеги В.А. Виноградова и их соратников, в журнале сотрудничали отец Варсонофий Хайбулин («Памяти епископа Афанасия Сахарова»), поэт Алексей Марков, писатель Петр Дудочкин, ученый Л.Н.Гумилев. Помогал изданию великий русский художник И.С.Глазунов. На его квартире и с его помощью, в частности, писали мы редакционную статью против оголтелого русофоба А.Н.Яковлева. Леонид Бородин, с которым я успел познакомиться летом 1968 г. в Дубравлаге, едва освободившись по концу своих шести лет, сразу включился в работу, вступил на минное поле. Он стал, по существу, членом редколлегии. Измученный ворохом проблем, в начале января 1974 г. я собирался передать ему бразды правления журналом и имел с ним доверительный разговор (который КГБ, по-видимому, подслушал). И по странному стечению обстоятельств буквально через несколько дней, как он согласился стать редактором, в том же январе 1974 г., его домик в Калужской области, на другом «101-м километре», сгорел среди бела дня. Леонид Иванович едва успел выкинуть кое-какие вещи. Пожар, естественно, выбил его на время из колеи, надо было срочно определяться с бытием. А через два месяца (1 марта 1974 г.) кому-то понадобилось проверять, где поселилась, по какому адресу и чем занимается выехавшая при моей поддержке из далекого Ставропольского края недавно освободившаяся «матерая антисоветчица» политзечка (с двумя сроками за спиной и гласным административным надзором) В.Е.Машкова. Уж не готовит ли террористический акт эта Вера Фигнер? «Проверка» эта Валентине Ефимовне крайне не понравилась, она была вне себя от внезапного «контроля», и возник еще один узел задач. Всю ее жизнь наследники Ягоды мстили ей за громовое скандирование на политическом процессе: «Позор кремлевским бандитам!»

Помимо отца Димитрия и Бородина, в редколлегию входили Светлана Мельникова (с третьего номера) и Анатолий Иванов (Скуратов). Сегодня, в период идейных размежеваний, кажется странным присутствие в одной «партии», в одной команде православного священника и, скажем, открытого оппонента христианству Иванова-Скуратова. Но в те годы представлялось вполне естественным объединение всех русских патриотов против общей опасности. Помнится, отец Димитрий был уверен, что «Толя придет к Христу». Увы, не пришел и по сей день. Даже наката жуткий опус «Христианская чума».

Спустя четверть века в правозащитной газете «Экспресс-хроника» (№ 8 от 21.02.1998 г.) был опубликован очерк демократа Владимира Прибыловского «Русские язычники. Религиозные предпочтения национал-экстремистов», в котором зарождение так называемого язычества приписывается чуть ли не журналу «Вече». Ранее в газете В.Аксючица «Путь» в 1993 г. были напечатаны воспоминания моей помощницы С.А.Мельниковой, но и она ни о каком язычестве не показывает. Православно-церковный отдел в «Вече», как я уже отметил, вел священник отец Димитрий Дудко. Если бы даже я оказался «плюралистом», терпимости к язычеству не допустил бы он. А.М. Иванов напечатал в журнале «Вече» под псевдонимом свою большую (в нескольких номерах) сугубо историческую работу о славном русском полководце Михаиле Дмитриевиче Скобелеве (1843–1882) и ряд полемических статей. Одна из них мне инкриминировалась – «Суд скорый и неправый», где он защищал легальный патриотический журнал «Молодая гвардия» от нападков одного французского коммуниста. Андроповские чекисты настолько люто ненавидели русское державное направ-

ление, что нашли криминал в защите органа ЦК ВЛКСМ от зарубежных «еврокоммунистов». Масонствующие «еврокоммунисты» им оказались милее отечественных державников. Ни в одной из опубликованных в «Вече» статей А.М. Иванова не было и не могло быть даже запаха язычества. Позже, когда я уже пребывал в Мордовии, он написал злополучную «Христианскую чуму», которую я и по сей день не брал в руки, но, разумеется, к любой хуле на Господа нашего Иисуса Христа и Его учению отношусь как к беснованию. Глубоко сожалею, что мой бывший сокурсник по МГУ так рвется в ад. В.Прибыловский утверждает: «Неоязыческое КРЫЛО в круге авторов журнала «Вече» представляли А. Иванов-Скуратов, Николай Богданов и художник Константин Васильев». Не было, господин Прибыловский, никакого «неоязыческого крыла» в «Вече»! Никаких печатных материалов художника К. Васильева я не знаю. В «Вече» он не публиковался. Ни Светлана Мельникова, хорошо его знавшая, ни его друг православный Ан. Кузнецов из Казани ни о каком язычестве выдающегося русского художника К. Васильева не говорили. Николай Богданов печатался у меня (под псевдонимом), но он в то время был настолько усердным православным верующим, что советский режим даже упек его за это в психушку. Мне пришлось хлопотать о его освобождении из больницы, в т. ч. с помощью правозащитных ресурсов. Позже, когда я сидел, Н.Богданов под влиянием Иванова действительно порвал с Верой. Но это произошло ПОЗЖЕ. При «Вече» он был правоверным христианином. Впрочем, в начале перестройки он стал посещать христианские семинары Огородникова и снова, видимо, заколебался...

В.Прибыловский – один из авторов объемистого досье Прошечкина «Политический экстремизм в России» (Москва, 1996 г.), где дана для желающих подробная информация о моих взглядах, деятельности и личной жизни. Я не имел времени комментировать упомянутую «базу данных». Мое молчание, видимо, подвигло литератора на дальнейшее развитие темы. Не пора ли остановиться в фабрикации домыслов?

В разное время то один, то другой сочувствующий приближался к изданию журнала, внося свой вклад по мере возможности. Архитектор В.А. Виноградов, подельник Бородина по ВСХСОНу Г.Н.Бочеваров, талантливейший публицист и глубокий мыслитель Г.М.Шиманов, писали из Нальчика, Казани, Магадана.

По окончании следствия я узнал, почему при моем задержании 28 ноября 1974 года кагебисты Евсеев и Плешков, едучи со мной, арестованным, во Владимир, не свернули в село Рождествено обыскивать принадлежавший мне дом, где я ночевал время от времени (в других случаях ночуя в общежитии пожарной охраны, где у меня была койка). Оказывается, летом 1974 года группа молодых людей, которых возглавил «дачник» К.Н.Ефанов из города Люберцы, вломилась в мой дом в мое отсутствие и учинила там обыск. Братья Морковкины, Поленова, Т.Н.Филиппова, Н. И.Ушпарова – всего человек шесть-семь, вволю похозяйничали в моем жилище. Забрали все мои бумаги. Но из их добычи мне инкриминировали только статью С.А.Мельниковой «По поводу первых выступлений русских националистов». (Я показаний не давал, и чекисты приписали эту статью мне.) Прочли «что-то нехорошее про нашу родную советскую власть» – и сдали все в КГБ. Юные питомцы ГПУ дали обо всем этом молодецкие показания. Прихватили и кое-что из вещей для личной надобности. А пока я сидел в Дубравлаге, дом разворовали подчистую. Разобрали даже печь и крышу. На кого власть, на того и люди.

В октябре 1999 г. вышел десятый номер журнала «Москва» с письмом Евгения Виктора – одного из «посетителей» моего дома в Рождествено летом 1974 года. К сожалению, инициатор затеи Таня Кочулаева позже погибла в автомобильной катастрофе, кто-то из тех молодых людей спился, но кто-то и протрезвел, стал верующим христианином. Неисповедимы пути Господни. «Уже на пенсии, – пишет автор письма, – в годы перестройки застрелился в Коврове бывший начальник УКГБ по городу Александрову Цыбульник». Кстати, где-то летом 1973 г. я явился к Цыбульнику и предъявил ультиматум: «Если власти не вернут мне

жилплощадь, отобранную при аресте в 1961 году, я буду обращаться в мировую прессу!» – «Вы советскую власть не запугаете!» – отпарировал Цыбульник. Квартиру, конечно, мне никто не вернул. Но, видно, болел за свою идеологию чекист, что, пожалуй, достойно уважения.

Автор письма Евгений Викторов сообщил важную деталь: «В 1982 году, когда я работал корреспондентом александровской газеты «Голос труда», как-то зимой у меня в кабинете раздался телефонный звонок. Звонила моя бывшая школьная учительница, а к тому времени третий, идеологический, секретарь ГК КПСС. Интересовалась, езджу ли я в деревню Рождественно и цел ли дом В. Осипова. «Нужно немедленно его СЛОМАТЬ ДО КОНЦА. Может, кому-то из соседей дрова нужны, – сказала она. – Пусть берут все, что осталось от дома...» Так по приказу строителей коммунизма был сломан мой дом, чтобы там не жить ни мне, ни другим зекам. Это и к вопросу о том, как мы в «Вече» «прислонялись» к советской власти и верили в миф о «национальном перерождении коммунизма». Что же, при абсолютном отрицании советского режима, мы не должны были предлагать обществу ИНУЮ, национально-православную ИДЕОЛОГИЮ? Не должны были надеяться на эволюцию? Конечно, иудейско-масонские корни в коммунистической системе оказались сильнее и они победили в августе 1991 года. Или их победа была неизбежна и нам не следовало высовываться?

В марте 1974 года в обстановке резко усилившейся вокруг меня слежки мне пришлось объявить о закрытии журнала (поскольку передать его в другие руки, как я рассчитывал в начале января того же года, мне не удалось). Комитет государственной безопасности словно только этого и ждал. Мгновенно – 1 апреля 1974 г. – были произведены обыски в Ленинграде у моих соратников Г.Н.Бочеварова, В.Е. Конкина и П.М.Горячева (последний перепечатывал «Вече» в количестве 40–50 экземпляров и рассылал по стране подписчикам). 30 апреля 1974 года личным распоряжением председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова было приказано Владимирскому управлению КГБ возбудить уголовное дело «по факту издания антисоветского журнала «Вече». Андропов уже определил, до решения суда, что журнал «антисоветский». Его подчиненным оставалось теперь только подгонять под это определение свои поиски. В конце 90-х прокрутили телефильм Евг. Киселева о славном генсеке. Настоящий панегирик Андропову: и принадлежность к «нации номер один», и большой ум, и поэтичность натуры (писал стихи, восторгался Ильфом и Петровым), и вытягивание Горбачева наверх... Словом, любимец закулисы...

Светлана Мельникова не согласилась с моим решением закрыть «Вече», несмотря даже на обыски 1 апреля 1974 г. в Ленинграде и выемку всех материалов «Вече» у П.М.Горячева. Она решила выпустить 19 апреля того же года десятый номер «Вече», поставив на обложке фамилию нового «редактора», жителя города Покров, бывшего сотрудника радиостанции «Свобода», добровольно вернувшегося в СССР и тем не менее репрессированного за «измену Родине» – Ивана Васильевича Овчинникова. Правда, сам Иван Васильевич на следствии показал, что никакого отношения к изданию 10-го номера не имеет, т. к. его «выпускали московские товарищи, в первую очередь С.А.Мельникова». Впрочем, 10-й номер чекистов не интересовал и никому не инкриминировался. Затем Мельникова и Овчинников объявили об окончательном закрытии журнала «ввиду уголовного преследования». В тех условиях я считал, что важное историческое дело не должно уходить в песок, и именно по причине уголовного преследования я решил вновь издавать православно-патриотический журнал. 1 августа 1974 г. совместно с бывшим политзэком Вячеславом Родионовым я выпустил № 1 журнала «Земля». «Гвоздем» номера стали православные беседы отца Димитрия Дудко, которые с зимы 1974 г. он вел публично в своем храме и даже заслужил у диссидентов титул «православного Сахарова». В этот же период я написал статью «Пять возражений Сахарову» в защиту патриотической позиции недавно высланного А. И. Солженицына.

В архиве «Хроники текущих событий» сохранилось «Заявление в связи с 35-летием Ю.Т.Галанскова» от 19 июня 1974 года, в котором воздавалось должное честному и мужественному узнику ГУЛАГа Юрию Тимофеевичу Галанскову (1939–1972). «Мы, бывшие узники и друзья Юрия Галанскова, напоминаем всем, в ком живо сострадание, что сегодняшний режим для политзаключенных в СССР есть продуманная система разрушения здоровья и глумления над человеческим достоинством. Циничное истязание генерала Григоренко, домучивание Буковского, Огурцова и сотен других «неисправимых» – вот «практический вклад» Советского Союза в дело международной разрядки». Подписанты призывали мировую общественность, Международный Красный Крест и «Эмнести интернейшнл» приложить все усилия для скорейшего расследования содержания политзаключенных в СССР. Заявление подписали: Леонид Бородин, Николай Иванов, Владислав Ильяков, Валентина Машкова, Владимир Осипов, Вячеслав Родионов, Станислав Серый.

Уголовное дело было возбуждено 11 мая 1974 г. В начале лета специальным постановлением прокурора была официально арестована моя переписка (о чем я узнал, естественно, позже). Тем не менее где-то в октябре я получил по почте из ФРГ от недавно выехавшего за рубеж православного диссидента Левитина-Краснова приглашение мне и «моей семье» на выезд в Германию. Точнее, высылал приглашение не сам Левитин, а организация «Эмнести интернейшнл» и не в Израиль, как обычно «приглашали» диссидентов-демократов, а в Германию. Все заведомо знали, что даже формально по израильской визе я не поеду. Однако я отказался вообще от эмиграции и уведомил об этом всех вокруг. Мой помощник Петр Максимович Горячев, печатавший и рассылавший «Вече», против которого тоже было возбуждено уголовное дело, получил аналогичное приглашение из-за границы и выехал из СССР 13 октября 1974 г. Я же остался, чтобы принять следственно-судебный бой с богоборческим марксистским режимом. Андропов при всей своей ненависти к русофильству был умен и сознавал, что чересчур ссориться с русскими ему не выгодно и поэтому Осипова лучше выслать (и опозорить), чем сажать. Я же предвидел, что в случае моего бегства в «Известиях» появится погромная статья обо мне и моей деятельности и как я «смазал пятки жиром». На это я пойти не мог. Русское дело было важнее всего на свете.

Дело № 38

28 ноября 1974 года у меня было заурядное дежурство в пожарной охране. Обсуждали итоги последнего пожара. Горело чердачное перекрытие двухэтажной коммуналки. Очаг нашли быстро, в едком дыму вскрыли железную кровлю, проникли внутрь и раздавили Змея Горыныча сразу, не дав опомниться. Приказом премировали: по пятерке на брата. Я слушал своих александровских мужиков вполуха: мне было не до премии. Накануне в моем доме (сторожка кооперативного сада, где Валентина Ефимовна, с которой мы недавно расписались, числилась сторожем) чекисты из Владимира провели обыск. Были изъяты мои черновые наброски, перевод статьи «Другая оппозиция» из журнала «Венский дневник» № 12 за 1973 год, несколько «Открытых писем». Ни одного экземпляра «Веча» или «Земли» не обнаружили. А ведь именно из-за «Веча» и производился шмон. Я вернулся из Москвы в сумерках. Они, пожалуй, прихватили бы и меня, да сорвалось: я не сдержал слова, данного одному серому субъекту, который загодя, дней за пять, очень просил меня в этот день быть непременно дома и вернуть ему какой-то пустейший материал не то о йогах, не то об индийской философии (в который я и не заглядывал), что сам же и всучил мне при шапочном знакомстве. Жена (Валентина Ефимовна Машкова, с которой я заключил уже фактический брак в 1973 году, расторгнув фиктивные отношения с Найденович) рассказала, как йог прибыл ровно в девять, сильно удивился моим отсутствием, суетливо завернул «Веды» в пакет и – «до свидания». Свидания, увы, жду 31 год. Вышел язычник – вошли гебисты: начальник следственной группы УКГБ при СМ СССР по Владимирской области подполковник Евсеев, следователь Плешков (будущий мой основной выпытыватель), два александровских сотрудника КГБ плюс милиционер в форме. «Оружие есть?» – первый вопрос с порога. Стратеги, мыслят масштабно. Таких не проведешь. Что им журнал «Вече», разное там славянофильство и почвенничество, статьи о Церкви. Они видят сквозь. Как рентген. В отличие от рядовых советских граждан, им ведомо, что журнал «Вече» – очень хитрый, подозрительно безобидный. Курьезный случай: районный чекист подает Евсееву «Архипелаг ГУЛАГ», еще пахнувший французской краской. Шеф наорал на александровского недотепу: «Ты что, не видишь, это же Библия. Мы религиозную литературу не изымаем!» Вероятно, было указание «Архипелаг» не брать во избежание дополнительного шума: Солженицын был выслан лишь девять месяцев тому назад и все было свежо в памяти. Ночью я включил Би-би-си: передавали протест Сахарова против осуждения Айрикияна. Тогда еще неведомого мне Паруйра, с которым буду вместе голодать и бастовать. Спал мало. И вот утро, 28 ноября. К восьми часам я пришел на работу, в свою пожарку. Не переходить же на нелегальное положение редактору православного журнала. Они явились ко мне на работу часов в десять. Евсеев и Плешков. На черной «Волге». Приглашают проехать с ними до площади. Там здание милиции и в этом же здании райотдел госбезопасности. В июле 1961 года этот домик горел от рук восставших «хулиганов». Мои пожарники помнили этот день прекрасно. Я отказываюсь ехать, пока они не предъявят мне свои документы. Гася возмущение, внуки Дзержинского подали мне удостоверение. «Теперь все в порядке. Я вижу, что вы – из КГБ, а не самозванцы. Поехали». Как был, в форме пожарного, в синей гимнастерке и синих галифе, набросив только плащ, я сел в «Волгу». Пиджак с карманами, записной книжкой и с разными бумажками ЗАБЫЛ на стуле в комнате отдыха. Потом его заберет жена. Едем. На площади, однако, не остановились (первая мелкая ложь с их стороны). Шоссе на Кольчугино. Елькино – центр сельсовета. Поворот к деревне Рождествено (раньше была селом, когда там стояла снесенная Хрущевым церковь), где мой дом, проскочили. Значит, дом, где я прописан, но не часто бываю, смотреть не будут. Потом я узнал, почему: компания Ефанова уже все осмотрела и все сдала госбезопасности. Еще летом. Спутники не успокаивались: «Мы – власть. А как вы себя ведете по

отношению к власти?» (т. е. – потребовал у них документы). Говорилось еще что-то. Помнится, я сказал Евсееву: «Когда вас незаконно выгонят с работы и выбросят вон, я первый буду выступать за ваши права». Евсеев поежился, промолчал.

Во Владимир прибыли, кажется, в полвторого. УКГБ расположено на главной улице – имени Третьего Интернационала. Того, что распустил Сталин ради союзников. Поднялись в кабинет. «Если вы начнете давать чистосердечные показания о своем журнале, мы вас сажать не будем», – было заявлено четко и громко, как указание сверху. «Я никаких показаний давать не буду!» – «Подумайте, подумайте, Владимир Николаевич, неужели вам мало одного срока?» – «Мне думать нечего. Я показаний давать не буду!» Чекисты все же решили протянуть время. Так мы и просидели друг перед другом до пяти вечера. В пять Евсеев спросил последний раз: «Ну как, будете давать показания?» – «Нет!» – «Что ж, пеняйте на себя. Вы сами себе подписали приговор!» – с этим Евсеев вышел из кабинета и вскоре принес бумагу от прокурора с санкцией на арест. Я прочел. Мне предъявили статью 70-ю УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда»). Т. е. – это семь лет первый раз и до десяти – во второй. Я один срок отсидел: с 1961-го по 1968-й. При втором сроке возможен особый режим: камера под замком и полосатая роба. Внутри что-то екнуло. Ведь до последнего момента я думал все же, что предъявят статью 190-1 («Клевета без цели подрыва Советской власти» – до трех лет). В 1971 году я давал первый номер «Веча» на экспертизу правозащитнику Валерию Чалидзе. Тот дал справку: «Некоторые места тянут на 190-1». Архангельский областной суд по делу Сергея Пирогова НЕ признал «Вече» антисоветским журналом (Пирогова судили за «Хронику текущих событий», а «Вече» просто нашли при обыске). Итак, СЕМИДЕСЯТАЯ – до десяти лет! Поднялся внутренне на другую ступень – мгновенно, чтобы «они» не заметили во мне смятения. Заявил железным голосом: «В знак протеста против необоснованного ареста объявляю голодовку!» Они немного опешили, но: «Вы нас не запугаете!» Мы все поднялись, и они повезли меня в тюрьму. Да, повезли сами – Евсеев, Плешков и водитель. Искатели оружия были совершенно уверены, что я не сбегу. Знаменитый Владимирский централ открыл свои ворота. Формальности приема: вещей и бумаг у меня почти никаких, ведь взяли прямо из пожарки, отобрали ремень, часы. Первая ночь в камере на голых нарах. Спал, укрывшись плащом. Спал беспокойно. Может быть, мне следовало уехать на Запад? Ведь приглашение было, и сам арест, я чувствовал, откладывался в надежде, что я уеду. «Держись, Осипов! Неси свой крест за Россию!» – подбадривал я себя, отменяя сомнения. Где-то скреблась крыса. Осмотрел углы, вроде никого нет. Укрылся с головой: чтобы не укусила лицо. Утром, едва я отказался от баланды (голодовка!), повели на допрос. Плешков – сочувственно: «Ну, как спалось?» – «Нормально. Прекрасно выпался». – «Тогда начнем. В материалах дела обнаружено...» Началась канитель. Мои черновики. Кто писал, зачем, с какой целью? «Заявляю еще раз, что никаких показаний я давать не буду!» – «Ничего. Мы зададим вам все вопросы». Я сидел на табуретке за столиком, подперев кулаками лицо. Я, конечно, ничего не скажу, но мое лицо может невзначай что-то выдать, лицевой мускул может повредить моему автору под псевдонимом. И вот так – каждый день. Декабрь, январь, февраль, март... Помню по самиздату фразу сочувствия к одному «расколовшемуся» диссиденту: «Петр Якир был замучен бесконечными допросами». Что ж, это не преувеличение. Допросы изо дня в день, по восемь часов в сутки становятся настоящей пыткой. И каждый раз, возвращаясь в камеру, сверлишь память: о каком еще эпизоде им известно? Во-первых, бережешь людей. Здесь сразу два чувства: жалость к ближним, желание во что бы то ни стало закрыть их от взора НКВД и – другое: «Я вам не Якир. От меня вы ничего не получите». Во-вторых, зная по опыту, как легко фабрикуют статью 64-ю («Измена Родине»), опасаясь внезапного коварства с этой стороны. При желании всегда можно выдать иностранного корреспондента за разведчика, а уж связь с НТС по андропов-

ской установке означает и «связь» с ЦРУ. Казалось бы, а чего бояться 64-й статьи? Ведь в мирное время все равно не расстреляют, а срок не намного больше.

Но не хочешь, естественно, «пятнать» дело. Плешков зловеще заявил: «Во время войны вы бы получили 64-ю статью за передачу политической информации». Я общался, скажем, с корреспондентом ЮПИ У. Броунингом: давал ему интервью, в котором не было никаких оценок советского режима. Однако интервью расценили как «антисоветское», а «связь» с Броунингом как «преступную». В деле – справка о том, что данных о причастности Броунинга к американской разведке не имеется. А если бы эти данные «имелись»? В обвинении, предъявленном на десятый день ареста, помимо «издания антисоветского журнала» и «подписания антисоветских (т. е. правозащитных) материалов» значится и такой пункт: «Получал гонорары за свои клеветнические статьи от зарубежных антисоветских организаций». Я сразу понял, что это – главный пункт, что цель следствия – доказать именно мою «связь» с зарубежьем, т. е. прежде всего с НТС. Тогда факт издания самовольного журнала отойдет в тень. Чека докажет, что я, как махровый антисоветчик, публично издавал с виду безобидный журнал, а фактически, дескать, выполнял задание НТС – ЦРУ по сокрушению советской власти. Чем располагал КГБ? Имелись номера журналов «Грани» и «Посев» с моими статьями и очерками под моей фамилией. Я от них не отрекался: «Да, это писал я!» Пожалуй, это был единственный случай, когда автоматическое и монотонное «Не скажу!» освежалось редчайшим: «Да». Ведь даже об авторстве Петра Дудочкина из Твери или Глеба Якунина, печатавшихся открыто, без псевдонима, я не давал ответа. Были случаи, когда мне зачитывали криминал какого-нибудь Дьяконова против меня: «Осипов – монархист. В лагере он признавался мне, что, освободившись, будет продолжать борьбу с советской властью». Чекист ждет, что в ответ я скажу какую-нибудь «гадость» (т. е. криминал) о самом Дьяконове. Но я не менял курса: «Не скажу. Не комментирую». Зачем мне шпынять несчастного Дьяконова? В сознании чекистов он уже антисоветчик, поскольку с ним настолько откровенничал «сам» Осипов. Свидетели обвинения часто забывают о собственной безопасности, страх затмевает разум: ведь если тебе доверили сокровенное, значит, и ты из того же теста. Кажется, это элементарно, но, увы, срабатывают рефлексy, как на опытах академика Павлова. Помимо энтээсовских журналов, у чекистов были показания Евгения Хмелева и одного тверского приятеля Дьяконова. Последний показывал: «Я слышал, что Осипов связан с Народно-трудовым союзом и получал от них деньги». Плешков вцепился в этого говоруна как клещ: «Кто говорил? Когда? Где?» Тот растерялся: «Я не помню кто, но все ПРЕДПОЛАГАЛИ, что он связан...» Свидетель отпал. Теперь – Хмелев. Последняя надежда ГПУ. Единственная очная ставка была с ним. Хмелев показал, что я давал ему номера «Вече» для передачи за бугор. Я категорически отрицаю: «Вздор! Я давал «Вече» ему самому для чтения». Добавил не без коварства: «Он всегда ревновал меня к своей жене». (Еще бы: это была моя первая жена, до моего ареста за «площадь Маяковского».) Подскочил прокурор: «При чем тут это?» А при том, гражданин Дроздов, что ЭТО сразу обесценивает показания: личная неприязнь, месть. Хмелев смущен: «Может быть, Осипов действительно не имел в виду передачу журналов за границу, но мне так казалось...» Дурачок дал на себя показания: значит, онто сам, выходит, по собственной инициативе отправлял «Вече» злодеям? Урок: отказ от показаний всегда предпочтительнее. Тем более, что Брежнев не втыкал иглы под ногти, не гладил раскаленным утюгом по коже. Он был добр и гуманен: пытки исключительно моральные, психологические.

Итак, следователям УКГБ по Владимирской области не удалось доказать мое «сотрудничество» с НТС. Обычно следствие по политическому делу развивается в сторону расширения. Часто подследственные не выдерживают многомесячного выпытывания и если не топят других, то топят самих себя. В моем случае следствие сузилось. Важнейший пункт обвинения отпал. По этому поводу чекисты оформили целый документ: «Постановление

об исключении из обвинения одного из эпизодов» с санкцией прокурора области и начальника УКГБ Пономарева. Это был единственный документ, который я подписал во время следствия. Ни один протокол допроса мною не был подписан. На каждой странице пометка: «От подписи отказался». Эстонский правозащитник Калью Мятик поступил, пожалуй, еще лучше: он вообще не выходил из камеры на допрос. Сначала надзиратели его носили, потом надоело возиться, оставили в покое. Не хочу, чтобы мой стерильный отказ от показаний выглядел похвальбой. Во-первых, это было второе мое следствие, второй арест, у меня был большой опыт. Во-вторых, к сожалению, в этом случае срабатывало не христианское смирение, хотя я молился утром, на прогулке и перед сном, а скорее ожесточение. Быть может, это была естественная реакция солдата в бою, но любви к врагам и должной кротости, увы, не было. Ожесточение вытесняло страх. «Что вы ведете себя, как в фашистском застенке?» – говорил Плешков. Голодал я двенадцать суток – с 28 ноября по 10 декабря. На девятый день в камеру явились врачи. Принесли еду – жидкость и кишку. Стали кормить меня через зонд. Я не сопротивлялся, но с непривычки половина влитого отрыгнулась обратно. Сокамерник-стукачок из уголовников все вытер. Я не гнал «наседку» из камеры. Он был достаточно услужлив, а взамен все равно поселят такого же. Потом в зоне было немало голодовок, и эски обсуждали: следует ли сопротивляться принудительному кормлению. Например, латышского диссидента Майгониса Равинына, сопротивлявшегося принудительному кормлению, валили на пол и специальным металлическим приспособлением (типа – плоскогубцы наоборот) разжимали зубы, которые, конечно, при этом крошились. Однажды пришли кормить Вячеслава Черновола, считавшего, как и я, что угроза насилия равносильна применению насилия. Тот спокойно согласился выпить предложенную жидкость. «Так можно голодать», – разочарованно воскликнули два мордovorота-мента, у которых руки чесались по настырному «демократу» (лагерная кличка всех политзек, при Сталине политических именовали «фашистами»). Меня во Владимире умышленно стали кормить через зонд для вредности, чтобы я скорее бросил голодать. Наверное, я был неправ, что закончил голодовку 11 декабря, надо было голодать дальше, пусть бы кормили через кишку. Увы, проявил слабину.

Меня обвиняли в издании антисоветского журнала. Обвиняли в передаче за границу тоже антисоветских статей и очерков («Площадь Маяковского, статья 70-я», «Бердяевский кружок в Ленинграде», «Трус не играет в хоккей» и др.) Обвиняли, наконец, и в том, что я подписал ряд заявлений и обращений в защиту узников совести. И еще в «хранении» собственных черновиков. И в той преступной связи (с зарубежными политическими организациями), которая не была доказана.

«Хроника текущих событий» (№ 34/ 77) сообщила о произведенных 27 ноября 1974 года обысках у В.Н. Осипова и В.С.Родионова, моего соредатора по изданию журнала «Земля»: «Обыск у Осипова проводился в его отсутствие и в присутствии его жены, Валентины Машковой. После трехчасового обыска Машкова была силой доставлена в Александровский горотдел КГБ для допроса, но отказалась давать показания. Родионов также после трехчасового обыска был силой доставлен в Александровский горотдел КГБ для допроса. Выразив протест против принудительного привода на допрос, он отказался отвечать на вопросы. Допрашивавший его майор Плешков заявил: «Всех вас нужно собрать и сгноить!»

Только спустя 31 год мне стал известен следующий документ в связи с моим арестом («Хроника» – 34/ 77).

Обращение по поводу ареста Владимира Осипова

28 ноября 1974 г. в г. Александрове Владимирской области был арестован Владимир Осипов, бывший редактор рукописного журнала «Вече» и нынешний редактор рукописного журнала «Земля», прошедший уже семь лет в исправительно-трудовом лагере за участие в небольшом политическом кружке. Его арест явился результатом тянувшегося уже полгода судебного дела № 38 по делу «Вече», по которому были произведены десятки допросов и обысков. Как известно, журналы «Вече» и «Земля» издавались совершенно открыто, фамилия редактора всегда указывалась в каждом номере журнала. Владимир Осипов, несмотря на различные критические замечания в адрес существующей идеологии за невнимание к культурному наследию русского народа, за разрушение памятников старины, сохранял позиции гражданской лояльности и призывал к этому своих читателей. В частности, он призывал их отказаться от конфронтации с властями и сосредоточить свои усилия на внутренних проблемах национальной жизни. Разгром журналов «Вече» и «Земля» говорит о том, что в нарушение Конституции СССР, гарантирующей свободу печати, даже издание рукописных лояльных журналов объявляется угрозой государственному строю.

Мы призываем всех, кому небезразличны свободы в СССР, выступить в защиту свободы слова и печати в СССР и в защиту ОСИПОВА как жертвы несправедливых антиконституционных гонений.

Игорь ШАФАРЕВИЧ, Валентин ТУРЧИН, Юрий ОРЛОВ, Леонид БОРОДИН, Михаил АГУРСКИЙ, Сергей КОВАЛЕВ, Татьяна ВЕЛИКАНОВА, Татьяна ХОДОРОВИЧ, Игорь ХОХЛУШКИН, Вадим БОРИСОВ, Александр ВОРОНЕЛЬ, Владислав ИЛЬЯКОВ, Вячеслав РОДИОНОВ, Николай ИВАНОВ, Станислав СЕРЫЙ, Андрей ГРИГОРЕНКО.

29 ноября 1974 г.

Мой соратник Вячеслав Родионов при поддержке В.Е.Машковой сразу после моего ареста выпустил № 2 журнала «Земля». В номере были помещены: мое заявление от 7 августа 1974 г. об уголовном деле № 38 и о намерении «в связи с уголовным преследованием» издавать новый православно-патриотический журнал «Земля», беседы священника о. Димитрия Дудко с прихожанами храма, статьи И.Р.Шафаревича («О сборнике «Из-под глыб»), В.Е.Машковой, Г.М.Шиманова, А. И.Удодова, И.Ратмирова, отзыв о Московской выставке неофициального искусства 29 сентября 1974 г. и другие материалы. Родионов заявил, что он будет издавать журнал «Земля» вплоть до освобождения Осипова. Но власти лишили его этой возможности.

В марте 1975 года следственный изолятор с ежедневным вытаскиванием на допросы, бесконечными «не скажу» и «от подписи отказываюсь» вдруг заклинило. Меня дернули на этап. В спецвагоне конвоир-казах чуть не прибил за то, что не тут же понял его приказ подмести клетку-камеру. Сегодня этот казах, вероятно, демократ, антикоммунист и поборник суверенитета. Привезли в Москву, в знаменитый Институт судебной психиатрии имени Сербского. Решили проверить, дурак я или нет. Андропову понравилось пропускать всех политических через психушку. Авань обломится. Мне почти напрямую советовали, для «моего же блага», согласиться на рекомендуемый диагноз. «Лечащий» врач Табакова спросила: «Вы не разрешите взять пункцию из спинного мозга?» – «Конечно, нет!» – «Напрасно, напрасно. Что ж, насильно мы пункцию не берем», – и поджала губы, словно ее, бедную, обидели. Во Владимир я вернулся в конце мая. Следствие подходило к концу. Предъявили «Посев», «Вестник РХД»: «Это ваши статьи (или обращения) или они сами сочинили?» В этих случаях я отвечал: «Статьи и обращения мои. Я это подписывал. А вот как это все попало к ним, не скажу». Показали «Русскую мысль» с моим портретом и сообщением об

аресте. Вспомнил одного простого работягу, сидевшего «ни за что», возмущенного покаяниями Якира и Красина: «Да если бы обо мне написали – я бы под расстрел пошел».

Существенных было томов тринадцать, а все остальное – многочисленные экземпляры «Вече», изъятые при обысках. Полный комплект был взят у Петра Максимовича Горячева, печатавшего в Питере мой журнал за плату и рассылавшего его бандеролями по адресам.

Был он смелый и горячий. Однажды я запоздал с оплатой, был совсем на мели. Получаю ультиматум: «Если к такому-то числу не получу денег, выброшу все номера на помойку!» Наконец, я высылаю ему денежный перевод. Он сердечно благодарит и рапортует: «Шеф, готов выполнять любое Ваше задание!» Бедняга выехал в Италию по приглашению, и, по слухам, ему было там неуютно. «Вече» получали в Киеве, Твери, Ярославле, Архангельске, Магадане, Нальчике, Воткинске, Магнитогорске, Барнауле, в Краснодарском крае, в Гороховце и т. д. Нередко журнал вскрывали «нечаянно» на почтамтах и передавали в КГБ. По делу № 38 о моей «антисоветской деятельности» допросили более ста человек.

А. И. Байгушев пишет: «Я как профессионал читал все номера «Вече» и могу с полной ответственностью сказать, что это был чисто православный журнал – в нем не было ни грана политики, никакой антисоветской пропаганды»⁴³. Александр Иннокентьевич, анализируя деятельность Андропова, пришел к выводу, что всю огромную существенную структуру КГБ (включая внешнюю разведку и контрразведку) он передоверил предателю генералу Олегу Калугину. «Андропов своими руками практически сдал КГБ противнику» (с.295), а сам непосредственно занимался только любимым делом – Пятым (ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ) Управлением КГБ. Этого заклятого врага русской идеи заботила исключительно борьба с русским патриотизмом.

«Вот на таком сатанинском уровне, – свидетельствует Байгушев, – Лубянка у Андропова против православия и работала. Напротив все то, что творили евреи, – «Пятка» (5-е Управление) как бы не видела, их на Лубянке уважали, им давали личные телефоны, помогали с изданиями и выставками, играли с ними в призрачный «раскол демократического движения» (Байгушев, с. 241). На совести андроповского ведомства в период перестройки создание вроде бы прочекистских «народных фронтов» в Прибалтике и Молдавии. Питомцы Андропова (Бобков и К.) несут прямую ответственность за последующий развал великой державы.

Но это потом. А пока на процессе во Владимире 24–26 сентября 1975 года они расправляются с русским почвенником. Пригласить своего адвоката мне не позволили, сославшись на то, что Московская коллегия не может отпустить его во Владимир. Вместо этого мне был предложен другой защитник, который сказал: «Я немного познакомился с вашим делом и вижу, что вы виновны. Вы должны признать свою вину». Я сразу отказался от палача в роли защитника. Тогда привели другого – женщину, молчавшую насчет моей вины. На суде она защищала меня следующим образом: «Осипов, конечно, клеветет, утверждая, что у нас в стране распространено пьянство, но его клевета не имеет цели подрыва советского строя. Я прошу суд перевалифицировать обвинение с 70-й статьи на 190-1».

Суд проходил в читальном зале клуба имени Фрунзе. В зале сидело человек сорок специально подобранной публики – очевидно, чекисты, активисты, бойцы идеологического фронта, просто партляйтеры. Они создавали фон, чтобы я не геройствовал, не апеллировал к публике. Теперь, наверное, вся та общественность влилась в демократическую «партию власти», в «Наш дом – Россия», «Единую Россию» и т. д. Ведь все большею частью остались в номенклатуре. Само здание было оцеплено плотным ограждением милиционеров. Только свидетели могли пройти сквозь эту цепь.

«Хроника» (37/ 7-10) сообщала:

⁴³ Байгушев А. Указ. соч. С. 241.

«Следствие представило на суд 45 томов «дела». В обвинительном заключении Осипову инкриминировались издание, редактирование и распространение 9 номеров «Вече», его статьи в «Вече», статьи в западной прессе и пресс-конференции западным корреспондентам. Ни следствие, ни суд не занимались рассмотрением статей Осипова и всего журнала «Вече» по существу, бездоказательно квалифицировав их как «клеветнические» и «антисоветские». Усилия следствия и суда были направлены лишь на то, чтобы доказать, что Осипов действительно издавал, редактировал и распространял «Вече». В суде были заслушаны 18 свидетелей, составлявших окружение Осипова как редактора «Веча» (16 из них — бывшие политзаключенные). Полагая, что «Вече» — журнал легальный и скрывать, стало быть, нечего, подавляющее большинство свидетелей — работников редакции, авторов и читателей журнала — дали суду развернутые показания. Свидетели Пирогов и Поленов из Ярославля заявили, что они были подписчиками «Веча» и получили все 9 номеров журнала либо лично от Осипова, либо по почте от ныне эмигрировавшего Горячева. Они заявили также, что платили от 5 до 10 рублей за номер. Поленов все принадлежащие ему номера «Веча» сдал в КГБ. А. Иванов (Скуратов) показал, что «Вече» редактировал именно Осипов... Прокурор Дроздов в своей речи утверждал, что заявления Осипова как редактора «Веча» о лояльности этого издания к советской власти лишь «прикрытие» пособника зарубежных антисоветских организаций. Он потребовал для подсудимого 8 лет лагерей строгого режима, мотивировав «мягкость» требуемой меры состоянием здоровья подсудимого и его тяжелым семейным положением. Защищала на суде Осипова владимирский адвокат Р.Ф. Волкова (председатель президиума Московской городской коллегии адвокатов Апраксин не разрешил жене Осипова Валентине Машковой и его матери П.П. Сухановой взять выбранного ими московского адвоката...). В своей речи она настаивала на том, что у ее подзащитного не было цели подрыва советской власти. Кроме того, никто из допрошенных не характеризовал взгляды Осипова как антисоветские, и органы госбезопасности не сделали ему ни одного предупреждения за все время издания журнала, а сразу привлекли к ответственности по ст. 70, да к тому же уже после того, как он объявил о закрытии «Веча». Адвокат обратила внимание суда, что в «славянофильстве» Осипова преобладают не обличительные, а возрожденческие и религиозные мотивы. Однако она признала, что в некоторых его статьях содержится «клевета», и поэтому ходатайствовала о переквалификации обвинения со ст. 70 на ст. 190-1. Осипов на предварительном следствии не давал показаний. Эту же линию он продолжил на суде. Он не признал себя виновным. В последнем слове он утверждал, что к советской власти он относится лояльно и вся его деятельность направлена не на подрыв советского строя, а на национальное и религиозное возрождение. Он сказал, что продолжает считать «Вече» своевременным и нужным изданием. Приговор суда почти дословно повторил обвинительное заключение (включая даже опечатки машинистки! — В. О.) и речь прокурора. Суд приговорил Осипова к 8 годам лагерей строгого режима».

В мою защиту выступил академик А.Д.Сахаров.

«В организацию «Международная амнистия»

Международной общественности.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Вчера суд во Владимире приговорил к 8 годам заключения строгого режима издателя легального самиздатского журнала Владимира Осипова. Ему поставлен в вину якобы клеветнический характер некоторых статей журнала «Вече» (о пьянстве, о разрушении старой Москвы, о преследовании религии — как раз наиболее удачных, с моей точки зрения), а также выступления в защиту политзаключенных, в защиту Буковского, приветственную телеграмму Солженицыну, статью о первом деле Осипова 1961 г. Тогда Осипов совместно

с Эдуардом Кузнецовым и другими был осужден на 7 лет заключения по той же ст. 70 УК РСФСР.

Новый приговор Осипову – жестокая месть за инакомыслие, за стремление довести свои взгляды до других людей. Я не разделяю большинства убеждений Осипова и позиции издаваемого им журнала (которую сам Осипов характеризует как патриотическую и христианскую). Но я убежден, что подобное преследование за убеждения совершенно недопустимо. Оно, в частности, идет вразрез с принципами, провозглашенными Заключительным актом Хельсинкской конференции, несовместимо с духом разрядки. Я призываю всех, кому дороги принципы свободы мысли, выступить в защиту Владимира Осипова.

Андрей Сахаров, академик».

27 сентября 1975 г.

* * *

Еще один протест поступил от группы инакомыслящих.

«Мы поражены и возмущены варварским приговором, который вынесен редактору журналов «Вече» и «Земля» Владимиру Осипову.

Рукописные (машинописные) журналы «Вече» и затем «Земля» выходили совершенно легально с 1971 г. Зачем понадобилось осуждать известного публициста к восьми годам лишения свободы в лагере строгого режима через два месяца после обсуждения гуманитарных проблем в Хельсинки? Не затем ли, чтобы показать всем, кто в этом еще сомневался, что в вопросе идеологических репрессий советские власти не отступятся ни на шаг? К ближайшим месяцам приурочены также суды над известными общественными и нравственными деятелями – Андреем Твердохлебовым и Сергеем Ковалевым. Международное общественное мнение еще в силах спасти этих людей от жестоких приговоров – если оно этого захочет.

Еще есть время изменить и приговор Владимиру Осипову.

Ю. Орлов, Т.Ходорович, Г.Подъяпольский, Т. Великанова, М.Ланда, С.Ходорович, Н. Иванов, А. Лавут, В.Родионов, Л. Бородин.

26—28 сентября 1975 г.

* * *

Тогда же «Хроника» (37/ 60) сообщала из Александрова Владимирской области о том, что 17 августа 1975 г. накануне предполагавшейся поездки во Владимир для переговоров с адвокатом по делу Осипова тремя неизвестными был избит бывший член ВСХСОН Николай Иванов, освободившийся за 2 года до этого из мордовских лагерей после 6 лет заключения. Н. Иванов в течение трех недель находился на излечении из-за сотрясения мозга и травмы лица.

9 декабря 1975 г. Верховный суд РСФСР рассмотрел кассационное дело В.Н. Осипова. Состав судебной коллегии: Луканов, Гаврилин, Осипенко. Прокурор Зверев. Адвокат Волкова (г. Владимир). Обвиняемый не присутствовал. В суде 1-й инстанции, как отмечала «Хроника» (выпуск 38), Осипов не признал себя виновным.

«Прокурор Зверев в своей речи повторяет обвинения суда 1-й инстанции... Хотя Осипов и отмежевался от публикаций за рубежом, но из свидетельских показаний видно, что он РАДОВАЛСЯ этому... Отщепенец, клеветущий на свой строй, осужден правильно: он опасен для государства». Верховный суд оставил в силе приговор Владимирского областного суда – 8 лет лагерей строгого режима.

Итак, Осипов «радовался» публикациям за границей. Этот тезис был нужен как констатация моего антисоветизма не только для КГБ, но и для прокуратуры. Только опасный «отщепенец» может радоваться популярности у врагов. Именно так и показала мой бывший боевой соратник С.А.Мельникова, заявившая на следствии о том, что я «гордился своей известностью на Западе и был чувствителен к тому, что говорят о нем по западному радио» (том 5, л. д. 5–7). Это «свидетельство» было столь важно для чекистов, что они включили его в текст обвинительного заключения, и затем в приговор суда.

В 1966 году ленинградское Управление КГБ вело следствие по делу Ю.Т.Машкова и его супруги, обвиняемых в попытке «измены Родине». Конкретно они были схвачены в приграничной полосе на Карельском перешейке. Стоял вопрос: с какой целью они намеревались перейти границу? За «обычный» переход границы (пастух искал корову и заблудился или торговец хотел закупить себе финский товар) полагалось наказание 3 года лишения свободы и содержание в обычном уголовном лагере. Но если следователи доказывали, что нарушители границы имели при этом «изменнические» намерения, шкала наказания резко взлетала вверх — до 10 или 15 лет лишения свободы. А «изменнические» намерения определялись «антисоветскими» взглядами. Если у обвиняемых были вражеские взгляды, антисоветское мировоззрение, значит, они хотели изменить Родине. Нашелся свидетель, который показал на следствии, что взгляды Машкова и его супруги были... «несоветскими». Естественно, обрадованные следователи тут же перекалифицировали «несоветские» взгляды в «антисоветские» и предъявили обвинение не в попытке обычного, так сказать, бытового перехода границы, а перехода границы с «изменническими» целями. И вместо 3 лет заключения в уголовной зоне обрекли их на срок от 10 до 15 лет — в политическом лагере. И Ленинградский областной суд приговорил обвиняемых к 12 и 6 годам лишения свободы соответственно. Вот что значит иметь «НЕСоветские» взгляды. Светлана Александровна в моем деле нигде не показывала, что я антисоветчик, ибо тогда сразу вставал вопрос, как же с таким злодеем она могла тесно сотрудничать в течение трех лет. Выходит, и она антисоветчица. Все значительно тоньше. Она показывала, что я гордился своей популярностью на Западе, т. е. у лютых врагов Советской власти. Повторяю: это ценнейшее показание чекисты не случайно внесли даже в обвинительное заключение (а суд внес в текст приговора). И именно на этот довод опирался прокурор при прохождении моей кассационной жалобы в Верховном суде РСФСР. Конечно, мне и без ее показаний отмерили бы 8 лет за антисоветизм. Но ее «свидетельство» было, так сказать, шиком следствия. Когда несколько человек толкают вагонетку под откос, усилия одного из них могут быть ничтожными, но — «толкали все вместе». Спустя много лет, когда я после второго срока и мытарств под гласным административным надзором оказался в Москве на выставке И.С.Глазунова, не я к Мельниковой, а она ко мне подошла и заявила, что такой нехороший элемент, как я, не должен здесь присутствовать. Я не дал показаний ни о ней и ни о ком вообще. Она же дала вышеуказанные «свидетельства» и как ни в чем не бывало еще чувствует себя на коне. А чуть позже, когда я баллотировался в депутаты Верховного Совета России, развернула кипучую кампанию, чтобы в Севастопольском округе Москвы победил не я, а демократ Шейнис (будущий активист партии «Яблоко»). Вместе с ней более тридцати лет лютует против меня ее друг И. В. Овчинников. Понять не могу такую ненависть. Стоило редактору газеты «Наше Отечество» Е.А.Щекатихину уже при демократах напечатать обо мне очерк «Совесть русского народа», как Иван Васильевич мгновенно направил в Санкт-Петербург опровержение и протест против «воспевания двоеженца». Его нравственное чувство продолжало клокотать четверть века. Бог им судья. А вот за что ненавидит Игоря Огурцова его подельник Б.Аверичкин? Сам же, будучи начальником штаба ВСХСОН, расшифровал для чекистов все данные о членах организации, давал умопомрачительные показания против своего вождя, рыцаря без страха и упрека, и вдруг летом 1989 года подписывает «компромат» против Огурцова. В чем же он его обвиняет? В «экуме-

низме!» Почему? Игорь Вячеславович присутствовал в Вене на конференции Христианского Интернационала, где, наверное, были и католики, и протестанты. Он не молился с ними, как это делают некоторые наши архиереи, например, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир (Котляров). Он только присутствовал на политической конференции и был заклеен Аверичкиным как «экуменист». Детский дом? Психическое недомогание? Или еще что?

А как понимать поведение Алексея Добровольского? В далеком 1967 году он дал посадочные показания на Юрия Галанскова (и попутно на А.Гинзбурга), и я с ним вообще не хотел общаться. Но в июле 1968 г. он явился ко мне на 11-й зоне с письмом от Юры, который, в частности, писал, что Добровольский осознал свою вину, полностью раскаялся перед ним и, освободившись, непременно выступит с публичными показаниями В ЗАЩИТУ Галанскова. Поэтому Юрий Тимофеевич просил меня не сторониться его подельника. И вот этот подельник является ко мне в пожарку, и я напоминаю ему о его обещании публично покаяться. «Да, я помню, я это обязательно сделаю, как только пропишусь в Москве». Он этого не сделал и после прописки в столице. Однако хотя шапочно, редко, от случая к случаю, но я с Добровольским (на вокзале в Александрове) немного общался на свою голову. И вот он дает абсолютно ложные показания, что я якобы распространял «Хронику» и давал ее читать ему лично. Даже не «Вече», а именно якировскую «Хронику». Не было этого и не могло быть! Но для чекистов это был ценный подарок: Осипов – «сообщник» Якира! Впоследствии Добровольский порвал и с христианством. Теперь он – «волхв», язычник, поклонник Истархова.

От посадочных показаний отказался на суде свидетель Дьяконов. Лучше всех вел себя на суде мой помощник по второму журналу «Земля» (его фамилия тоже была на обложке) Вячеслав Родионов. Он не ответил ни на один вопрос судьи. «Вы что, отказываетесь давать показания?» – «Нет, я только отказываюсь отвечать на данный вопрос». И так раз за разом, на все вопросы судьи.

После процесса с моей камеры словно сняли блокаду. Через водоноса и хлебореца (из заключенных) я стал получать записки – «ксивы» от других узников: от Буковского, Макаренко, Суперфина, от украинских самостийников.

5 января 1976 года меня вызвали на этап с вещами. Более чем годичное пребывание во Владимирской тюрьме закончилось. Ехал в спецвагоне вместе с уголовниками. Я всегда находил с ними общий язык и конфликтов не имел. Воры поили меня чаем, горячо поносили коммунистов. В Горьком нас выгрузили в воронок. Добавили «химиков». Два здоровых длинноногих бугая сели за кражу зимних шапок: хватали добычу с жертв, когда те приседали в общественной уборной. Хватали – и стрелой вон. Им дали «химию», т. е. не тюрьму, не лагерь, а принудительные работы «на стройках народного хозяйства» – год-полтора под надзором, но без конвоя. Однако до места отбытия принудработ «химики» шли по этапу со всеми вместе. На них красовались роскошные свитера. И такие же свитера – в мешке. Мои дохлые низкорослые «воровские мальчишки» так и впились зрачками в желанные вещи: «Подари!» Солдаты конвоя тут же пообещали за них водку и чай. Они умышленно впихнули «химиков» к нам, чтобы блатные их раздели. Бугаи явно боялись дохляков (в зоне решает не сила, а дух, т. е. способность мгновенно пырнуть ножом), способных на все, но свитера все же не отдали. Вышли в тюремный двор Горьковской пересылки. «Ну погоди, мы вас достанем!» – поклялись воры трясущимся «химикам». Нас завели внутрь. Выстроились надзиратели. Старший выкрикал: «Рецидивисты есть?» Один из ментов отвел их в отдельную камеру. И так далее, в том же духе: есть ли «химики», малолетки (несовершеннолетние), сифилитики, туберкулезники... Наконец, огромный этап рассосало, и остались двое: редактор православного журнала «Вече» и водитель-подследственный (сбил прохожего). Мы с ним не вошли ни в одну категорию. Дали камеру на двоих, но потом и шофера куда-то при-

строили. «Государственный преступник» остался один. Тишина. Ночь. Через день-два – этап на Рузаевку: мордовские лагеря по второму кругу. Все впереди.

Вторая ходка

Шестнадцатого января 1976 года я прибыл в ИТУ ЖХ 385/ 19 (поселок Лесной, Мордовской АССР). Сидело там человек 300–400, в двух больших бараках, один из которых был двухэтажным. Мне достался второй этаж: ходить в туалет на улицу было целым большим путешествием. Пока сходишь ночью и тебя обдаст снегом, не сразу и заснешь. Посередине зоны – клуб-столовая. Поодаль – пустой нежилой руинированный и заколоченный досками барак. При зоне, как положено, штрафной изолятор. Обо мне слышали. Встретил я и старых знакомых, тех, кто все эти шесть лет, пока я был на свободе, тянул лямку.

В первый же вечер старожилы поставили мне чай. Один новый зек рассказывал, как он остался было в Америке, но его выманил задушевными разговорами и клятвами сотрудник советского посольства Воронцов. Позже, при демократии, этот Воронцов был послом в Индии и важной персоной вообще.

Дней через десять после моего прибытия освобождался рижанин Федор Коровин, с которым я передал письма («ксивы») на волю. Встретил здесь «тяжеловеса» с 25-летним сроком Юрия Храмцова, а также бандеровца, того, что удачно сбежал в Явасе. Здесь сидел и другой «тяжеловес» – Калинин, сын Истинно-православной церкви. Я читал его приговор: летом 1958 года христианина осудили по статье 58–10 (та же «контрреволюционная пропаганда») на 25 лет за то, что кому-то посоветовал «не идти на выборы», кому-то – «не вступать в колхоз». Тот же «криминал», что и у сидельцев религиозной зоны ЖХ 385/7— 1 в пос. Сосновка. Калинин меня поражал своим молитвенным подвигом. Бывало, по нужде встанешь часа в четыре, проходишь мимо каптерки, идя на улицу, а Калинин уже стоит на коленях перед иконой и молится. То есть за два часа до подъема вставал для молитвы! Каждый день. И при этом всегда выполнял производственную норму. Был он из кубанских казаков, из семьи раскулаченных переселенцев. Их пихнули в товарный поезд и скинули где-то за Уралом: вот вам пустое жизненное пространство! Ни кола, ни двора, и живи, как хочешь! Эксперимент в духе Кампанеллы, Фурье, Сен-Симона, Маркса, Энгельса и зверенышей из пломбированного вагона. У нас многими забыта, к сожалению, страшная трагедия 1933 года: искусственный голод, унесший 7 миллионов жизней русских крестьян. Помню, сотрудник «Вече» поэт Алексей Марков написал поэму об этой трагедии. Об этом же написан роман М.Н.Алексеева «Драчуны», опубликованный в 1981 году в журнале «Наш современник».

Голодала не только Саратовщина, родина Алексеева, но и Астраханская, Пензенская области, Ставрополье, Украина, Южный Урал, Западная Сибирь, Северный Казахстан (с русским населением). За три года до этого прошла коллективизация, были высланы «кулаки», и вот уже колхозное крестьянство было подвергнуто сознательному уничтожению. Сергей Викулов пишет, что раньше об этом искусственном вымаривании русского народа молчали коммунисты. «Но вот Советы приказали долго жить... К власти пришли демократы, но молчат и они. О репрессиях зудят непрерывно, именуя их «сталинскими», о лагерях и расстрелах – тоже, а вот о том, что в 1933 году умерло около 7 миллионов человек (и эту цифру никто не опроверг!), помалкивают».⁴⁴

На 19-м была такая особенность: сразу после подъема – хождение вдоль запретки под музыку. В ГУЛАГе, или теперь уже ГУИТУ (Главное управление исправительно-трудовых учреждений), появился строгий приказ 6 обязательная утренняя физзарядка во всех зонах. Но поскольку политический контингент в основном состоял из пожилых (участники войны с той стороны фронта по-прежнему составляли большинство), то физзарядку нам заменили ходьбой. Быстрой ходьбой. В 6.00 вскакиваешь, сиюминутно застилаешь койку и, не успев

⁴⁴ Викулов С. На русском направлении. С. 112.

помыться (это после), мчишься на улицу. В мороз, в снег, в слякоть, в любую погоду – топ-топ, и громкая музыка! Было, конечно, что-то унижительное в этом ритуале.

Меня направили на работу в раскройный цех. В лагере была фабрика по изготовлению футляров для часов. Наши футляры затем шли в Пензу, на часовой завод. Раскройный цех являлся первым звеном производственного цикла: сюда поступали бревна, которые мы раскраивали на доски. Большие тяжелые длинные доски укладывали под пилу, то есть торцевали их и затем обрабатывали дальше, с боков. От нас пиломатериал поступал в сушилку, оттуда – к деревообрабатывающим станкам. В раскройном было тяжело физически, но норма не давила, дышать сосной к тому же было приятно и полезно.

Мне рассказывали, что в этом цехе за несколько дней до меня работал теперь уже освободившийся зэк-музыкант. Человек этот сызмальства мечтал удрать на Запад, используя гастрольную поездку. Эти гастроли он ждал много лет, ради этого вступил в КПСС, женился (холостяков обычно в зарубежную поездку не пускали) и вообще играл ура-советского человека. Дождался: их оркестр оказался в Мексике. Там он подбивает для компании другого музыканта. Тот соглашается, и они ломаются «в убежище».

Янки были всегда рады любому антисоветчику. Их перевозят в США. Там «борцы с коммунизмом» просят цэрэушников устроить их в престижный оркестр. Те говорят, что у них нет власти влиять на руководство музыкальных групп: «Начните сначала играть в ресторане. Талант проявится, продвинетесь дальше». – «Как, разве мы для этого бросили СССР, чтобы играть в ресторане?» Через неделю наши музыканты являются в советское посольство в Вашингтоне и просят, чтобы родина их простила. Они возвращаются в Ленинград, клеймят по телевидению американский образ жизни, безработицу (которую, правда, за неделю не успели увидеть). И за то, что они хорошо поработали на ниве контрпропаганды, им дали наименьшие срока – что-то около 5–6 лет (учитывая раскаяние и т. д.). И вот теперь меломаны отсидели срока за измену родине. Забегая вперед, скажу, что вскоре после освобождения они легально покинули СССР по израильской визе.

Я оставляю в стороне свое отношение к беглецам, но спрашивается: зачем было сидеть 5 или 6 лет, чтобы затем снова осуществить задуманное? Слишком часто приходилось встречать людей, совершенно беззаботных к своей судьбе, к жизни, которая дается один раз. Я не говорю за себя, за других политических в точном смысле этого слова. Мы боролись за идею и сидели, на наш взгляд, не напрасно. Но все эти многочисленные беглецы, перебежчики, алкавшие лучшей доли, – как легко и беспечно относились они к Богом данному бытию!

Впрочем, еще великий Достоевский открыл один из законов человеческой природы: самое дорогое и важное для человека – свое собственное хотение, свой, хотя бы и дикий, каприз. Дайте ему «по своей глупой воле пожить». И еще полбеды, если человек губит только себя. Но вспомните народников, народовольцев, эсеров, большевиков. Они-то мечтали не только себя, но и весь народ заставить жить по их «глупой воле». 18 миллионов 700 тысяч человек, или 12 % населения России, Ленин и Троцкий истребили только в первые 5 лет революции.

Мир ощущений заключенного, севшего повторно, заметно отличается от психологии первопроходца: все заранее известно, все заведомо знаешь, ко всему привык. Когда тебя везут в зону и ты слышишь за стеной своего «купе», своей клетки, говор блатных, становится тошно. Один и тот же монотонный мат, одна и та же феня (жаргон), одни и те же, как бы шокирующие нормальное общество выражения. «Все это было, было, было...» Банально, серо и скучно.

В 70-е годы в системе исправительно-трудовых лагерей появилось новшество: «локалки». Вся зона разбивается на отдельные бараки, каждый барак огорожен колючей проволокой от других. За перелезание проволоки не убьют, но накажут. В политлагерях Мордовии локалки как таковые не ввели, но больших зон по 2000 человек, подобно 11-й и 7-й, не

стало. Весь второй срок я отбыл только в двух местах: на 19-й зоне (300–400 человек, потом стало еще меньше, многих увезли в пермские лагеря) и на «тройке» в Барашево (там вообще было смехотворно мало – 80, а порой даже чуть ли не 30 человек). И получилась своего рода локалка: длинный барак с казармой, штабом, производственным цехом и столовой и отдельно – баня с котельной. Все это довольно тесно огорожено. Вот и гуляй на крошечном пятачке!

При малом пространстве и малолюдстве мы все были на виду, под колпаком МВД и КГБ. Не то что прежде, в 60-е годы, когда 7-й или 11-й представляли собой целый поселок, и зэк как бы терялся в этом поселке. А теперь – все прозрачно, словно ты в банке и на тебя смотрят сверху. Но даже и тут чекисты умудрялись использовать звукозаписывающую технику. Украинский поэт Василий Стус, например, обнаружил в своем бушлате проволоочки, и когда, разговаривая с Черноволом, стал ковырять их, набежали менты, наорали, отобрали на время бушлат.

Борьба за статус

20 августа 1976 года меня внезапно этапировали с 19-й зоны (поселок Лесной) на «тройку», в Барашево. Там была своеобразная локалка: крошечный политлагерь на 40 человек – сплошь старики – полицаи и партизаны, и только один-единственный среди них современный политзэк – Вячеслав Черновол, матерый украинский сепаратист. Чекисты решили соединить в одной микроне, где больше некуда податься, двух антиподов, двух националистов противоположных ипостасей, соединить несоединимое. Мы должны были рвать и метать друг на друга, есть поедом один другого. И я, и Черновол эту тактику КГБ легко раскусили и, не сговариваясь, молчком вынесли за скобки все, что нас разделяет, и, общаясь, говорили лишь на темы, не вызывавшие споров. Если могут подружиться сторонник Российской империи и адепт независимой Украины, то в каком-то смысле мы даже подружились и поддерживали друг друга как по отношению к администрации, так и к лагерным стукачам-перевертышам. Последние, опираясь на «молчаливое большинство», в этой зоне нагнали, словесно, правда, но любили поднять в секции, например, такую тему: «А вот выдержал бы Черновол пытки, был бы стойким, если б его прищучило СМЕРШ? КГБ – это детский сад, а вот СМЕРШ бы напустить на этих героев!»

Впоследствии Вячеслав Максимович стал видным политическим деятелем в самопровозглашенной Украине, и я не раз и не два резко обличал его русофобскую позицию. Но когда он погиб в автомобильной катастрофе, мне было искренне жаль своего солагерника. Ибо в личном плане это был честный, порядочный человек, равнодушный к деньгам и комфорту, безусловно духовная личность. Наталья Витренко сомневается в случайности столкновения «КамАЗа» с легковушкой Черновола. Действительно, у председателя РУХа возник глубокий конфликт с собственными сторонниками, осуждавшими категорический отказ Черновола идти на сотрудничество с олигархами и лоббировать их интересы. Принципиальные политики теперь не в моде.

Ранее Черновол сидел в Перми, точнее – в одной из политзон Пермской области. Там среди зэков начался ажиотаж по поводу отказа от советского гражданства. Хорохорясь один перед другим, зэки писали заявления в Президиум Верховного Совета СССР об отказе от опостылевшего гражданства. Поддался общему настроению и Черновол. Когда он рассказал мне об этом, я вскипел: «Так это значит, что вы все отказываетесь от борьбы, что вы все бросаете народ, свою страну и улепетываете туда, где сытнее и вольготнее?» Вячеслав растерялся. Мы еще немного поспорили, и он честно признал: «Да, это была ошибка...» И тут же написал новое заявление властям, в котором уведомил их, что он по-прежнему их не любит, но заявление об отказе от гражданства СНИМАЕТ, отзывает обратно.

Именно с Черноволом мы решили начать здесь, в Мордовии, борьбу за статус политзаключенного. Поясняю. Мы все, политузники Советского Союза, хотя и содержались после 1956 года отдельно от уголовников, но по условиям содержания в заключении ничем от них не отличались. Как и они, мы обязаны были принудительно работать. Как и они, мы носили униформу, бирку с фамилией и номером отряда-бригады, стригли наголо волосы, ходили строем. Не отличались от воров и грабителей периодичностью разрешенных свиданий с родственниками и посылок. Больше того: поскольку у них было 4 вида режимов, а у нас только 2 (строгий и особый), то уголовники, сидящие на общем и усиленном режиме, имели даже перед нами преимущество. Незадолго до того в Великобритании статуса политзаключенных требовали ирландские террористы. Они считали, что убийства, которые они совершали, делались не ради корысти, а ради идеи, а посему, мол, Маргарет Тэтчер должна с ними обращаться как с политическими, а не как со шпаной. Они долго голодали, по 50–60 дней, иные умерли от истощения, но своего так и не добились. В отличие от Ирландской республикан-

ской армии, советские инакомыслящие террором не занимались, боролись исключительно словом и считали себя уж не менее ирландских сепаратистов достойными получить статус политзаключенного. В пермских лагерях такие требования прозвучали.

Теперь мы с Черноволем намечаем программу борьбы здесь, в Дубравлаге. Мы решили, переговорив с другими политэками, бороться не бесконечно, а 100 дней, период второго пришествия к власти во Франции Наполеона. 100 дней отказываться от принудительного труда, от стрижки наголо, от ношения унижительной нашивки на бушлате, от хождения строем и уж тем более от политзанятий. В результате долгих обсуждений наметили дату 21 апреля, чтобы всем во всех зонах одновременно ВСТАТЬ НА СТАТУС, т. е. зачислить себя на статус политзаключенного явочным порядком.

Вскоре в нашу тихую зону в Барашево привезли Паруйра Айриkyяна – видного национального деятеля Армении. Айриkyян, подобно мне и Черноволу, тоже сидел второй срок. В общем, совместили трех зубров, с точки зрения администрации. Паруйр обладал общительным характером, был безупречно честным и чистым человеком, несгибаемым борцом за национальное достоинство своего народа. Считаюсь антисоветчиком, он был скорее противником турецкого экспансионизма, и уж совсем не было в нем русофобии. Черновол-то свою москвофобию прятал от меня, я это чувствовал, а Паруйр с увлечением читал Достоевского и вообще дружески относился к русским. Он легко заводил контакт с надзирателями, те ему доверяли, и уже к новому 1977 году у нас появились продукты. Сидим, пьем чай с салом и маслом, гужуемся, как говорят в зоне, входит грозный молодой надзиратель, покрикивает, обещает смотреть за нами в оба и уходит. Паруйр улыбается: «Артист...»

А вот мне с другим надзирателем не повезло. Жена на свидании передала мне на всякий случай 25 рублей одной бумажкой, фиолетовая такая, я положил ее в носок между пальцами. При обыске после свидания контролер (как стали изящно именовать надзирателей) бумажку эту, конечно, обнаружил. Я сразу предложил ему взять ее себе, а мне принести только пару пачек чая (т. е. $48 \times 2 = 96$ копеек). Он промолчал, взял деньги себе. Потом прошло недели две, ребята говорят: «Напомни уговор: пусть хоть пару пачек принесет». Я напомнил. Мент мгновенно среагировал: «А я подал рапорт: проносить деньги в зону не положено!» Т. е. он хотел сначала присвоить эти 25 рублей, а когда я попросил хоть чаю на 96 копеек, он испугался «преступной связи с особо опасным государственным преступником». Деньги он сдал по начальству (куда они пошли, не знаю, неужели в Государственный банк?), а мне «за серьезное нарушение режима» оформили 15 суток штрафного изолятора. Наша крошечная зона своего изолятора, конечно, не имела, и меня повезли в ШИЗО на прежнюю 19-ю зону. Как раз в это время Черновол решил в одиночку, задолго до общей даты 21 апреля, встать одному на статус. Т. е. решил взять на себя лично большее время, да заодно и как бы подать пример другим. И вот нас двоих везут в поселок Лесной, на 19-й лагпункт. Ему дали 15 суток за «статус», он не выходил на работу, сорвал нашивку с бушлата и не стриг голову. Хождение строем на нашей микроне отсутствовало. Привозят. При поступлении в ШИЗО положен, естественно, шмон, т. е. обыск. Мы обязаны, в частности, снять обувь. Черновол сапоги снимать отказался: «Я – на статусе, я вам помогать обыскивать себя не буду!» Крики и ругань не помогают. Наконец, надзиратель, красный как рак от смущения и недовольства, как слуга господину, стаскивает с Черновола сапоги. Сцена достойна кисти Федотова...

Вскоре после ШИЗО, 28 января 1977 г. меня возвращают на 19-ю зону. С Черноволем мы встретимся теперь лишь в изоляторе после 21 апреля. Попутно отмечу, что его письмо («ксива»), адресованное в особый лагерь ЖХ 385/10, где сидело много украинцев-рецидивистов, повторников, отклика не имело: его единомышленники с «десятки» требование статуса поддержали, но сами, как это стало называться, на статус не встали. Неформальным лидером 10-й зоны стал мой поделник по первому сроку Эдуард Кузнецов. Все сидевшие там украинцы его слушали. Вдруг прибыл Валентин Мороз, решил, как говорится, взять

власть в свои руки: «Вы тихо сидите, надо бунтовать, протестовать, голодать!» Кузнецов придерживался другой линии: на спецу и без того сидеть тяжело, усугублять свое положение забастовками и голодовками – значит, скорее сыграть в ящик. Я описываю это по рассказам других, и если в чем-то не прав, готов не настаивать на своем. Но все, кто приходил со спеца, в один голос именно так изображали тогдашнюю ситуацию на особой зоне (повторяю, это та самая зона, где сидят под замком в полосатой робе и где мы с Кузнецовым в свой первый срок провели семь особо тяжелых месяцев). Я не берусь быть арбитром в споре Мороза с Кузнецовым. Наверное, в их ситуации скорее был прав Кузнецов.

В отличие от меня, пробывшего на свободе 6 лет, Кузнецов пробыл на воле где-то полтора года. Он, кстати, и познакомил меня с Мельниковой, точнее, напомнил о ней: летом 1961 года мы с ней чуть-чуть общались. Эдик сел по знаменитому «самолетному делу». Кузнецов был наполовину еврей. Его мать Зинаида Васильевна была русская. В лагере стал христианином, надел крест. Но позже сблизился с сионистами. Те уговорили его совместно бежать в Швецию на малогабаритном самолете, кажется, на 12 мест. На все эти 12 мест они закупили билеты. Самолет был местный, летал в основном в пределах Ленинградской области. Они решили захватить его и быстро-быстро перелететь через Финляндию в Швецию. Не будут же финны его сбивать! Кроме полурусского Кузнецова в «операции» приняли участие еще двое русских: Юра Федоров и Мурженко. Все трое политзэки, только что отсидели свой срок. Мурженко и Федоров, по-моему, окончили суворовское училище, потом создали что-то вроде «Союза борьбы за освобождение народа». Между прочим, Мурженко, отбывая свой первый срок, в составе целой группы совершил побег. Они прорыли подкоп под забором, выползли на ту сторону, но далеко не ушли, к тому же перемерзли (дело было зимой, в морозы). Подкоп рыли из какого-то заброшенного помещения, близко стоявшего к забору. Добавили им всем по 3 года и отправили во Владимирскую тюрьму. Помимо трех бывших зэков, все остальные были евреи, стремившиеся в Израиль. Швеция была для них только промежуточным звеном, а вот для Федорова и Мурженки, не питавших особых чувств к ближневосточному вектору, данная затея была средством уйти на Запад. Юра Федоров на следствии не дал никаких показаний, и его упорство было отмечено солидным сроком – 15 лет. Прокурор в обвинительной речи на процессе в Ленинграде в декабре 1970 года противопоставлял Федорова, Мурженко и даже Кузнецова (которого настойчиво именовал русским) остальным участникам. У тех, дескать, была извинительная причина: национализм, желание слиться со своим народом. А у русских – оголтелый антикоммунизм и ничего более, их надо покарать как можно строже. Кузнецов и Дымшиц (летчик, который должен был сесть за штурвал) были сначала приговорены к смертной казни, но потом им смягчили кару до 15 лет особого режима. Международное еврейство, а также все либеральные круги Запада сумели организовать такую вселенскую поддержку участникам «самолетного дела», такую кампанию в защиту советских евреев, которых бездушный Кремль не пускает на историческую родину, что Советское правительство именно после ленинградского дела Кузнецова – Дымшица и К° смягчило свою прежнюю позицию «не пущать» и разрешило этой беспокойной нации легальный выезд в Израиль. Я не буду вникать в мотивы прежней позиции Кремля, но факт остается фактом: Кремль был опозорен «самолетным делом» в глазах, так сказать, мировой общественности и публично уступил, показав слабость. Вот, дескать, бейте его поумному, и он уступит.

И кто же виноват в «поражении» Кремля? Юрий Владимирович Андропов. Теперь известно, что органы КГБ с самого начала знали о намеченной советскими евреями операции, с самого начала тщательно следили за каждым их шагом. Им бы расстроить заранее запланированное мероприятие, тихо рассеять замысел, а самых настырных выпустить молчком в Израиль, но они довели дело до ареста группы при посадке в самолет и до громкого судебного процесса. Председатель КГБ Ю. В. Андропов – человек довольно умный, умевший

просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед, а здесь вроде бы случайно вляпался. Думается, что Андропов заранее все рассчитал и просто решил в конечном итоге помочь соплеменникам в их упорном стремлении добиться права на эмиграцию. Мы не должны забывать, что именно этот человек протолкнул Горбачева вверх. Не будь Юрия Владимировича, так бы и киснул в секретарях Ставропольского крайкома до пенсии Михаил Сергеевич. 17 июля 1978 г. при загадочных обстоятельствах внезапно умирает 60-летний член Политбюро, секретарь ЦК Ф.Д. Кулаков. «Его обнаружили в спальне мертвым, – пишет В.Легостаев. – Как? Что? Почему? Полумиллионный КГБ не видел, не слышал, не знает... На место Кулакова в ЦК Андропов буквально протиснул Горбачева, которого давно присмотрел на роль своего «крота» среди секретарей ЦК КПСС».⁴⁵ А историк С.Н.Семанов отмечает, что Брежнев хотел заменить Кулакова С.Медуновым, но «Сулов и Андропов дружно сыграли против Брежнева». Медунов, мол, хапуга, хотя Андропов прекрасно знал, что и Горбачева в Ставропольском крае считали взяточником, называли «Мишка-пакет». Сергей Николаевич итожит: «Значит, Андропову нужен был такой человек. Почему? Вот это и есть тайна».⁴⁶

И вот наступил день начала нашего сопротивления на 19-й зоне — 21 апреля 1977 года. Информация о борьбе за статус вышла за пределы Мордовии, и 20 апреля в Страсбурге известный правозащитник Андрей Амальрик, автор книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», проводил пикет перед зданием Совета Европы в защиту советских политзаключенных, выступающих за свое человеческое достоинство в лагере. То-то местный чекист вечером 20 апреля шнырял по всей зоне. По его лицу было видно, что он о завтрашней акции информирован.

21 апреля утром мы сорвали со своих бушлатов нашивки с фамилией и номером отряда и бригады и россыпью, вне строя, пошли в столовую. Но самое главное – мы НЕ ВЫШЛИ НА РАБОТУ О, в социалистическом лагере труд, работа – это святое. «Кто не работает, тот не ест». А уж если зэк не работает, тогда... Что с ним делать? В ГУЛАГе бериевских времен или Генриха Ягоды отказ от работы – это был саботаж, контрреволюция. Но на дворе сиял 1977 год, были подписаны Хельсинкские соглашения, партийная номенклатура тянулась к Западу, сама уже обуржуазилась, революционный пыл давно сгинул, уступив место привилегиям и коррупции. Не расстреливать же этих идиотов, помешавшихся на идее? Нас стали сажать в штрафной изолятор. На 5 суток, на 7 суток, иногда – для смеха – на трое суток. Ты выходишь из изолятора, поел в столовой, а через час-другой тебе оформляют новый срок в ШИЗО. Даже не за «отказ от работы», ты не успел «не выйти», а за то, что шел в столовую вне строя или не имел нашивки на бушлате. Еще, скажем, 5 суток, ну и так далее. Позже, конечно, стали давать максимум – 15 суток. Ты проводишь в зоне сутки или несколько часов и получаешь новые 15 суток.

Штрафной изолятор – это маленькая тюрьма, примыкающая к зоне. Т. е. между собственно зоной и ШИЗО есть забор из колючей проволоки, но этот забор не простреливается. Вышки с часовыми вынесены в углы того прямоугольника, внутри которого расположено каменное здание изолятора. В ШИЗО на 19-м было, помнится, камер 8 – 10 и есть еще комната для дежурных. При поступлении в этой комнате оставляют ремень, бушлат и все лишнее, по их понятиям. Например, начальник лагеря Пикулин приказал не пропускать нас в камеру в теплом белье. А ведь зэк всегда перед посадкой в ШИ-30 стремится надеть именно теплое белье. Стены в камере бетонные, пол тоже бетонный, но сверху покрыт, правда, полом из досок. Койка на целый день прикрепляется к стене. Даже летом в камере прохладно, а ночью – по-настоящему холодно. И вот нам велят вместо теплого белья иметь трусы и майку под тонкой хлопчатобумажной робой. Брежнев, как я уже писал, выдавать бушлат зэку на

⁴⁵ *Легостаев В.* Гебист магнетический // *Завтра*, 2004, № 8.

⁴⁶ *Семанов С.Н.* Андропов. М., 2002. С. 267.

ночь запретил. И вот – не забуду никогда холодные июньские ночи 1977 года – ночью ляжешь на железную койку в своей тоненькой куртке и майке, подложив под голову кулак, и пытаешься заснуть. Уснешь ненадолго и просыпаешься от дикого холода. Всего трясет, как говорится, зуб на зуб не попадает. Делаешь физзарядку, зарядка немного согреет, снова уснешь и снова просыпаешься. И так всю ночь. Днем, конечно, немного теплее, можно, сидя на полу, подремать. Впрочем, надзиратель разбудит: «Спать надо ночью!» Декарт говорил, что «человек – это мыслящий тростник». По своему жизненному опыту скажу, что с тростником этим очень легко разделаться без расстрелов и крови. Надо только лишить его, например, тепла и не оказывать медицинской помощи. В лагере люди «результативно» умирают от лечения или от фиктивного лечения.

Не мудрено, что в результате многократных водворений в ШИЗО и холодных ночей в камере, когда надзиратели срывают с заключенного теплое белье, мы с Черноволом и Айрикяном заболели. Поднялась большая температура. Врач перевел меня в другую камеру, где я получил постель, в том числе подушку и одеяло. Стали кое-как лечить, но из ШИЗО, конечно, не выпускали.

В это напряженное время произошел случай на грани мистики. Однажды, когда начальник лагеря Пикулин особенно разъярился, посадив еще нас на хлеб и воду («зачем их кормить, если они не работают?»), я взобрался по стене и, глядя сквозь решетку на удаляющегося «хозяина», мысленно предал его проклятию: «Да будь ты проклят!» Каюсь, с моей стороны это был совершенно нехристианский поступок, человеческая страсть, ненависть к тому, кто мучает, затмила во мне все остальное. И последствия проявились довольно скоро. Меня, уже больного, в постели, посетил Пикулин, совершенно изменившийся. На его лице не было и тени прежней злобы, одна печаль. Он вдруг стал мне говорить о своем, о личном, о том, что недавно серьезно заболела воспалением легких его дочь. Я чуть не вскрикнул: «Я этого не хотел!» Он, наверное, прочел на моем лице раскаяние. И одновременно он чувствовал какую-то незримую связь между своим палачеством и внезапной болезнью дочери. Как мог, я утешал его и выражал искреннее сочувствие. Вот так: проклинаешь одного, а страдает другой, совершенно невинный человек.

Но я бы не хотел особенно хулить и Пикулина. Мне говорили, как тихо огрызался он на требование лагерных чекистов давить нас как можно сильнее: «Мы их так обозлим, что они вообще со статуса не выйдут». Ведь мы-то все-таки запланировали сопротивляться не навсегда, а на 100 дней, т. е. до 30 июля. А на лагерных чекистов давят сверху, из Москвы. Давит в итоге богоборческая система, созданная Лениным и Троцким в результате февральской измены генерала Алексеева, генерала Рузского и думских хамелеонов, предавших Царя, Веру и Отечество. О чем думал Алексеев, инспирируя телеграммы командующих фронтов с требованием к Государю об отречении? Уже на следующий день бунтовщики издали «Приказ № 1», разваливший армию и державу. И то еще мы, зэки 60—70-х годов, находились в наилучшем положении по сравнению с периодом ленинского террора. Лагерные старожилы, помнившие 20-е годы, говорили: «Сейчас – благодать. Вот в те годы был сплошной ужас!»

Помимо меня, Червола, Айрикяна, в борьбе за статус политзаключенного участвовал Сергей Иванович Солдатов, демократ-патриот, проживавший до ареста в Эстонии, британский подданный русского происхождения Будулак-Шарыгин, ленинградский писатель Михаил Хейфец. Кстати, соплеменники Хейфеца Пэнсон и Коренблит, сидевшие по так называемому «околосамолетному делу», ни в каких акциях протеста никогда не участвовали, считая себя в России иностранцами. Хейфец же считал себя демократом и еврейским националистом, но не сионистом, тут он проводил какую-то разницу. Он много изучал историю России и много писал на русские исторические темы. В борьбе за статус участвовал также молодой латыш Майгонис Равиньш, довольно молодой человек и очень горячий, о котором я уже писал.

Ведут нас из изолятора в парикмахерскую стричь волосы. А мы от стрижки отказались: это был один из пунктов борьбы за статус политзаключенного. Нас сажают в кресло, мы садимся, с надзирателем не толкаемся, нам надевают наручники и в наручниках стригут. Голову мы уже не вертим из стороны в сторону: пусть стригут, мы наручниками доказали, что стрижка принудительная. Надзиратели тоже люди, где-то в присутствии офицера они проявляют усердие, а где их нет, они спокойно, так сказать, отслеживают ситуацию. Наденут наручники для порядка, причем наденут, чтобы не давили, и парикмахер нас спокойно стрижет.

Информация о нашей борьбе за статус просочилась на волю. Правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий» (45/44) фиксировал:

«Движение политзаключенных, требующих признать их особым, по сравнению с уголовными преступниками, статус, началось в 1974 г. (Хр. 33). Десятки политзаключенных стали определять свое поведение по отношению к лагерным и тюремным порядкам этим статусом («переходили на статус»), подвергаясь за это суровым наказаниям (Хр. 34–44). Проект Статуса приложен к обращению трех политзаключенных Мордовских лагерей в Президиум Верховного Совета СССР от 17 января 1977 г. (аналогичное обращение они послали Генеральному прокурору СССР). Они пишут, что принятые Советским Союзом обязательства по правам человека делают актуальной «необходимость освобождения всех советских политзаключенных». Полагая, что это потребует определенного времени, они предлагают принять на этот период законоположения о режиме содержания политзаключенных, выработанные на основе посылаемого ими Статуса, соответствующего международным документам о правах человека и одобряемого большинством политзаключенных. Обращение подписано:

АЙРИКЯН Паруйр Аршавирович, секретарь Национальной объединенной партии (организация независимости Армении),

ОСИПОВ Владимир Николаевич, редактор русских христианско-патриотических журналов «Вече» и «Земля»,

ЧОРНОВИЛ Вячеслав Максимович, редактор журнала «Украинський Висник» (1970–1972 гг.)».

«15 февраля Размик Маркосян (19-й Мордовский лагерь) своим заявлением, направленным Председателю Президиума Верховного Совета СССР, поддержал инициативу Айрикяна, Осипова и Черновола...»

«21 апреля А.Сахаров, М.Ланда, Е.Боннэр, Т.Ходорович опубликовали заявление «100-дневная голодовка политзаключенных Мордовских лагерей – требование Статуса политзаключенного». В заявлении сказано, что голодовка, объявленная в этот день, будет продолжаться до встречи в Белграде. Участники голодовки намерены проводить ее поочередно. Известные участники: В.Черновол, В. Осипов, П.Айрикян, Р.Маркосян, М.Хейфец, С.Солдатов, А.Юскевич, Н.Будулак-Шарыгин, Б.Шакиров – заявили, что переходят на статус явочным порядком. В заявлении сообщается об обращениях Айрикяна, Осипова, Черновола и Маркосяна и излагаются основные положения предложенного ими проекта Статуса. Авторы заявления отмечают, что подобные требования выдвигают и в других исправительно-трудовых учреждениях Советского Союза. Заявление кончается словами:... Мы выражаем свое сочувствие и большую озабоченность положением узников совести в СССР. Мы подчеркиваем, что в ряде случаев правовое положение политзаключенных и условия их содержания фактически даже хуже, чем осужденных за уголовные преступления. Мы отмечаем, что, по нашему мнению, основные положения Статуса должны соблюдаться в отношении всех заключенных – и уголовных, и политических. Мы снова и снова заявляем, что уголовные

преследования за убеждения, жестокое бесчеловечное обращение с осужденными – вопиющее нарушение признанных цивилизованным миром прав человека, нарушение гуманитарных статей Хельсинкского Соглашения».

«Хроника», 47/99: «В 100-дневной кампании (21 апреля – 29 июля) борьбы за статус политзаключенного участвовали: Айрикян, Будулак-Шарыгин, Карпенко, Маркосян, Осипов, Равиньш, Солдатов, Ушаков, Хейфец, Храмцов, Черновол, Шакиров, Юскевич. О ходе этой кампании и ответных репрессиях (сведения в Хр. 46 неполны и не совсем точны) сообщается в письме одного из ее участников:

21 апреля мы стали на статус политзаключенного: сорвали нашивки и не вышли на работу. Мы требовали политической амнистии, а пока ее нет – улучшения режима содержания в концлагерях. Начались угрозы. Высокие чины (полковники и подполковники) угрожали нам, в основном, новым сроком – за организацию лагерных беспорядков. Мы ответили, что производство работает (сперва стало на статус 5 человек в этой зоне, сейчас приблизительно 15), каждый действует сам по себе, т. е. нет «группы лиц» и т. д. Тогда начались репрессии. Лишили всего, что можно: права закупки продуктов, посылки, свидания, затем пошли карцеры. Ушаков – 5 суток, Осипов – 6, Шакиров – 7, Солдатов – 10, Хейфец – 12. Перед этим – обыск в зоне, забрали все бумаги без акта о конфискации, объявили: никаких бумаг, кроме копии приговоров. Карцер – это сырое помещение с обвалившейся штукатуркой, которую забелили, когда нас посадили, с деревянными нарами на цепях. Днем нары запираются к стене. Крохотный столик с 2 или 4 пеньками диаметром 15–18 см, сидеть на них тяжело. Когда-то один из нынешних статусников – Будулак – голодал 18 суток, но добился пола из деревянных досок поверх цементного. Постели не выдают – кладем под голову тапочки, обернутые носовым платком. Кормят по пониженной норме, т. е. совершенно обезжиренным и незаправленным варевом и то через день. На другой день – хлеб и вода. Соль без ограничения. Запрещают читать. Из камер выводят лишь утром на полчаса – умыться и в уборную. Для дневных и ночных нужд – параша. Хлорной извести не хватает, в камере вонь. Из-за сырости в камере ночью холодно, даже в теплое время года. Полковник Новиков из управления: – «На что жалуетесь?» – «Холодно!» – «Протопим». На следующий день в наручниках сняли теплое белье и дали трусы и майку Ушакову. Мол, переход на летнюю форму одежды. Раздели Осипова. В ответ Солдатов объявил голодовку, снял и майку. Ночи здесь иногда по-осеннему холодные, и тогда раздетому и голодному штрафнику очень тяжело...

На голод и холод отвечаем предбелградской голодовкой по пустым дням. Хейфец провёл 10, Солдатов и Ушаков – по 12 голодовок. У Черновола их более 20, но он и первый статусник. Когда мы пришли в ШИЗО, он уже был в ПКТ. (Камеры через коридор.) В голодовках мы протестовали против ухудшения питания – много ниже нормированных минимальных норм... Против невозможности творческого труда, насильственных политзанятий, полубесплатного труда без отпусков... Душой изолятора является Черновол. Переговоры запрещены, но он ежедневно читает нам последние известия. Начальник лагеря Пикулин назвал Черновола нашим генералом. Славко плохо выглядит – истощен голодом... Последнее яркое событие – спасение армянского патриота Маркосяна, получившего за первые 30 дней статуса 25 суток карцера. У него язва желудка, не может оправляться. Дважды его, полумертвого, почти уносили из карцера в санчасть, на клизму. Когда его привели в 4-й раз, Славко предложил и все поддержали – бессрочную голодовку, пока не помогут Маркосяну. До этого 3 дня не приходил врач. Легли в голодовку, пока не вытащат Маркосяна из карцера. Власти цинично торгуются: уговорите его сойти со статуса, иначе на вашей совести будет его смерть. Написали протест с массовой голодовкой против человечности в день дарования

новой конституции. Заставили отступить – Маркосяна перевели в санчасть. Осипова тут же, 24 мая, отправили в ПКТ на 6 месяцев, Черновола – в ШИЗО на 15 суток... Мы бодры, нас поддерживает сочувствие зоны и ваша поддержка. Гебисты почти не появляются, но сперва очень сердились на утечку информации.

Хейфец сидел в карцере 12 суток (с 21 апреля до 2 мая), затем, после суточного перерыва, 13 суток, потом, после десятидневного перерыва, 15 суток... 26 мая Равинын получил еще 8 суток карцера. 2 июня Солдатова посадили в карцер. 3 июня Маркосяна и Равиньша отправили в больницу.

Находясь в ПКТ, Осипов заболел. Был диагностирован туберкулез, но в больницу его отправили не сразу – только 29 июля (несмотря на уже обнаруженные симптомы туберкулеза, жене Осипова в ответ на ее запросы пришло письмо, где за подписью двух врачей 19-го лагеря было сказано, что он здоров). Однажды политзаключенные, ссылаясь на случай с Осиповым, спросили лагерного сотрудника КГБ Бороду: «Когда прекратится преднамеренное разрушение здоровья политзаключенных?». Борода ответил: «Не надо было попадать в ПКТ».

Черновол также долго болел в ПКТ. 23 сентября он был переведен в больницу. И Черновол, и Осипов, в наказание за участие в «белградской» голодовке 4 октября, были отправлены из больницы обратно в зону: Черновол – 5 октября, Осипов – 12 октября».

«Хроника» 47/101-102: «4 октября, в день открытия Белградского совещания, свыше 15 человек держали голодовку протеста, среди них: Стасив-Калинец, Попович, Сенник (женская зона 3 лагеря), Будулак-Шарыгин, Равинын, Саранчук, Сартаков, Солдатов, Ушаков, Хейфец (19-й лагерь), Осипов, Черновол (в больнице), Айрикийн (3-й лагерь). Кроме заявленных всеми протестов общего характера Айрикийн выдвинул требование пустить его в Белград (с последующим возвращением в лагерь. – В. О.)... Айрикийну назначили 15 суток ШИЗО, но поместили в санчасть 19 лагеря».

«Хроника» 47/146: «А.Сахаров. Парламентам всех стран, подписавших Заключительный Акт Конференции в Хельсинки Обращение (27 сентября 1977 г.)

2 года назад подписан Заключительный Акт Конференции в Хельсинки. Ее историческое значение – провозглашение неразрывной связи международной безопасности и открытости общества, т. е. свободы передвижения людей через государственные границы (как в России при Царе. – В. О.), свободы информационного обмена, свободы убеждений. Готов ли Запад защищать эти высокие и жизненно важные принципы? Или он готов постепенно и поэтапно, втихомолку принять ту трактовку принципов Хельсинки и разрядки в целом, которую стремятся навязать руководители СССР и Восточной Европы?... Я напоминаю тут о преследованиях за религиозную деятельность, об отказе на эмиграцию пятидесятникам и баптистам, многим немцам и евреям, людям других национальностей, о репрессированных за их гуманную и законную деятельность Ковалеве, Глузмане, Винсе, Романюке, Солдатове, Огурцове, Семеновой, Сергиенко, Кийренде, Осипове, Гаяускасе, Черноволе, Рубане и сотнях других, я напоминаю о страданиях за попытку покинуть страну. Чрезвычайно тревожный факт – репрессии за сбор и публикацию материалов о нарушениях гуманитарных статей соглашения в Хельсинки...»

(Примечание 2006 года. В сентябре 1973 г. мой тогдашний сподвижник призвал меня в «открытом письме», которое оказалось неопубликованным, отмежеваться от Сахарова и Солженицына и публично провозгласить не только лояльную, но... просоветскую позицию «перед лицом международного сионизма», а 9-й номер «Вече» посвятить защите преследуемого палестинского народа и резкому обличению Израиля. Я отказался это сделать. «Гвоз-

дем» 9-го номера, вышедшего в декабре 1973 г., стала не проблема оккупации Израилем арабских земель, а материалы о Явлении Божией Матери в Каире в 1968 году. Бичевать «фашистский» Израиль в тех условиях означало объявить войну советским диссидентам, многие из которых были евреями, и войну всем демократам Запада. Файнштейн-Андропов и его «советско»-иудейский клан в партгосаппарате съели бы меня и журнал «Вече», а морально и почвенников вообще, с еще большим аппетитом при гробовом молчании Запада. Я лавировал? Может быть. Хорошо помню, как я подробнее рассказал американскому корреспонденту Броунингу и его коллеге о патриотах-узниках Фетисове и Антонове. Не появилось нигде ни слова об этих страдальцах, ибо мои собеседники, видимо, потом уточнили, что Фетисов и Антонов резко обличали мировую еврейскую плутократию. Мне и без того досталось от оппонентов за публикацию в «Вече» письма священника Г.Петухова и иеромонаха Варсонофия, в котором ставился знак равенства между сионизмом и сатанизмом.)

«Хроника» 48/56-58 – 3 и 19 лагеря:

«100-дневная кампания за статус политзаключенного вызвала крайнее ожесточение администрации. Ее участникам неоднократно обещали: «Сгноим. Покалечим». Ни одно заявление в прокуратуру или иные инстанции не было принято для отправки. Во время кампании перешедшие на статус политзаключенные практически постоянно находились в ПКТ или ШИЗО. В зону их выводили на 2–3 суток. Хейфецу удавалось проводить в зоне лишь несколько часов, а Осипова в промежутках между ШИЗО переводили на пару дней в ПКТ. Известно следующее заявление Осипова:

Мы чувствовали всегда, какая тонкая грань отделяет здесь всех нас от физической гибели. Но теперь, в результате 100-дневного статуса, мы убедились воочию (и хотели бы убедить в этом мир), что за человеческое достоинство в самом элементарном его проявлении здесь расплата – смерть».

«Айрикян, Черновол и Осипов длительное время находились в сыром и холодном помещении лагерной тюрьмы, где по распоряжению администрации они были лишены теплого белья и спали на холодных досках. В результате утренняя температура в течение нескольких месяцев держалась у них около 37,2°, а вечерняя поднималась до 38°–40°. Известно, что у Черновола хронический тонзиллит, язвы во рту, а у Осипова – туберкулез.

Осенью все трое побывали в больнице, но оттуда были снова возвращены в ПКТ. Результаты медицинского обследования им не сообщили и лечения не назначили – выдали заключение «здоров». После выхода из ПКТ они по-прежнему температурили, но лагерная санчасть не оказывала им никакой помощи. В таком состоянии Черновол был взят на этап в ссылку».

«В феврале Айрикян почувствовал себя значительно хуже, с диагнозом «ангина» его перевели из ПКТ в лагерную санчасть. Айрикян и Осипов добиваются отправки в спецбольницу МВД (в Ростов или Ленинград)...».

«В январе 1978 г. В. Осипов, в связи с жалобами его жены В.Машковой, был вызван на медицинскую комиссию. Комиссия без обследования поставила диагноз: «здоров». После этого Осипова перевели на работу во «вредный» цех».

«Хроника» 49/25 – 19-й лагерь: «23 марта 1978 г. Владимира Осипова поместили в туберкулезное отделение лагерной больницы».

«Хр.» 51/57 – 19-й лагерь: «С 14 по 21 сентября в лагере была проведена голодовка. В ней участвовали Лубман, Осипов, Руденко, Солдатов, Ушаков, Юрков. Голодающие, в частности, протестовали против плохого питания, плохого медобслуживания и принудительных политзанятий. Голодовку поддержали многие заключенные соседней «бытовой»

зоны. После голодовки 4 человека были направлены в ШИЗО «за отказ от работы». Питание несколько улучшилось – в суп стали класть свежие овощи. (Раньше клали сухие)...»

«Владимир Осипов с 6 октября снова в больнице. У него держится субфебрильная температура, но туберкулезником его теперь не признают. По жалобе жены Осипова В.Машковой в больнице была комиссия из Москвы. После этого питание и отношение к больным несколько улучшилось».

Итак, где-то в начале июля 1977 года я серьезно заболел. При этом мне уже оформили – 24 июня – ПКТ: помещение камерного типа. ПКТ на полгода. В зону уже не попадешь, все 6 месяцев безвылазно сидишь в ШИЗО, но с постелью и можно читать книги и газеты. ПКТ дают за разные нарушения. Нам – за отказ от работы и т. д. В ПКТ мы тоже обязаны работать. Так вот, за отказ от работы в ПКТ снова дают штрафной изолятор и переводят из камеры, где у тебя постель и книги, в камеру, где сидел до этого и где ничего нет, а койку на ночь пристегивают к стене. Посидишь, скажем, суток 10 в просто камере, освобождают затем и переводят в камеру напротив, где у тебя постель. И так далее. Наконец, 30 июля 1977 г., в день окончания объявленной нами борьбы за статус политзаключенного, меня этапируют в Барашево, в лагерную больницу ЖХ 385/3 – 3. Последние, кто до конца пробыл на статусе и не заболел, были Хейфец и Равиных. Сергея Солдатова, если мне не изменяет память, тоже вывезли на другую зону. Болонкин ушел на ссылку в Сибирь до статуса. Мельком, когда меня выводили из ПКТ в баню, видел известного украинского поэта Василия Стуса, честнейшего и порядочнейшего человека, несмотря на свое, увы, самостийничество. Он умер в лагере, в Пермской области. Думается, что это был поэт не меньшего калибра, чем Валентин Зэка (В.П.Соколов), и верующий христианин.

На больнице в Барашево я провел два месяца. Здесь встретил прибывшего со спеца «самолетчика» Юру Федорова. Несмотря на свое участие в акции евреев-отказников, он ощущал себя русским человеком по духу и патриотом России. До чего же запутанны бывают человеческие судьбы! В лагере рассказывали такой случай: во время войны два солдата, попавшие в окружение, решили идти сдаваться немцам. Пошли. По дороге видят хороший железнодорожный мост, взрывчатка у них еще была, они подложили ее из «профессионального интереса» и взорвали немецкий эшелон вместе с мостом. После этого, конечно, пошли не к немцам, а к партизанам. Старики уверяли, что это был подлинный случай. Попутно отмечу разницу между гестапо и НКВД, как об этом рассказывали в зоне бывалые люди, испытывавшие на себе обе корпорации. Жестокость одинаково проявляли и те, и другие. Но гестаповцев интересовала только правда: враг ты Рейха и товарища Гитлера или не враг, т. е., допустим, просто аполитичный обыватель. И если они докапывались до того, что ты не враг, тебя отпускали, даже извинялись за «усердие». А вот органам НКВД правда была не нужна. Враг ты Советской власти или не враг, любишь ты товарища Сталина или не любишь – никого не интересовало. Попал в оборот – получай срок. И это естественно: ведь в троцкистско-ленинский период сажали косяками дворян, офицеров, купцов, священников и т. д. за «классовую» принадлежность. И чекисты 40-х годов тоже считали, что лучше посадить десяток, если в этом десятке может оказаться «враг народа». Например, я совершенно не могу понять, за что органы НКВД репрессировали Эфрона, мужа Марины Цветаевой, который последние годы верно служил, рискуя жизнью, советскому режиму. Пламенные марксисты сажали гуртом почти всех добровольно приехавших с чужбины на Родину из принципа: а вдруг среди них окажется несколько хитрецов с антисоветским умыслом. И «чтобы не ошибиться», хватили всех.

В сентябре к ходячим больным пришел главный врач лагерной больницы и предложил перекрыть крыши шифером на нескольких больничных зданиях. В противном случае ему пришлось бы приглашать из соседней зоны уголовников, а он этого не хотел. Два здоровых,

еще не старых мужика и я – мы согласились. Я подавал им снизу шифер, они тянули его веревкой и настилали. Работа кровельщиков была им хорошо знакома. Когда было надо, я тоже влезал на крышу и помогал им там. Главврач обещал не только оплатить работу, но и держать нас потом на больнице столько, сколько мы захотим. Начальству с 19-го скажет: «не долечили». Больница в Барашево – по сравнению с обычной зоной – это оазис в пустыне. Нет работы (ежедневной и принудительной), нет режима, никто тебя не дергает, ты читаешь книжки на скамеечке под солнышком и питаешься совсем не так, как в своей зоне. Тут тебе и кусочек масла, и молоко, и мясо.

Однако подошел день 5 октября, объявленный нами ранее днем политзаключенного. Это потом его переменили на 30 октября, но в 1977 году для нас с Черноволем был значим именно этот день. А в эту дату мы ранее намечали проводить однодневную голодовку. Стали дискутировать: это решение о голодовке – действительно в условиях больницы или нет? Решили, что действительно. И вот я, Черновол и еще пара зэков объявили голодовку (это при больничном-то питании!), написав соответствующие заявления начальнику лагеря и в прокуратуру. Голодовка без письменного заявления не считается голодовкой. Мы так обозлили чекистов, что Черновола уже на следующий день вернули на его зону, которая была здесь же, через дорогу. А меня увезли на 19-ю зону, не долечив, соответственно, через день – 7 октября 1977 г. В тот самый памятный день брежневской Конституции и в день 25-летия В. В. Путина, при первой же возможности, когда шел местный поезд – «теплушка» – из Барашево в Явас, а оттуда – в поселок Лесной. Моя лафа с блатной работой, конечно, закончилась.

Правы мы были с Черноволем этой своей принципиальностью? Сейчас, спустя 28 лет, думаю, что это было уж с нашей стороны ЧЕРЕСЧУР. Но тогда казалось, что иного решения быть не может.

Итак, 100-дневная борьба за статус политического заключенного закончилась. Успеха она не принесла. Мы по-прежнему остались в одинаковом с ворами и грабителями положении: тот же принудительный труд, та же униформа с биркой, стрижка волос наголо, униженное хождение строем, минимум свиданий и посылок, обязательные политзанятия. Несколько человек в результате длительного пребывания в ШИЗО серьезно заболели. Но мы доказали режиму, что с таким скотским положением не согласны, что оно ранит наше человеческое достоинство.

«Мы – не рабы. Рабы – не мы». Теперь уже отказывались считать себя рабами советского режима осужденные за убеждения. Конечно, лагерная администрация в душе своей читала наши принципы и в дальнейшем, хотя мы и потерпели поражение – оно было неизбежно (10–15 человек против Левиафана), – старалисьшний раз не царапать нас и без особой нужды не прибегать к насилию. Никто из начальства не напоминал нам, что мы проиграли.

Письма из лагеря (к маме)

25 января 1976 г. Прибыл сюда (пос. Лесной, ИТУ ЖХ 385/19) 16-го. Определили в раскройный цех. Я должен оплачивать судебные издержки (556 рублей, в основном это стоимость билетов свидетелей). Бандероли – две в год (сухое кондитерское), не больше 1 кг весом. Во Владимире отобрали конспект статьи Аверинцева из книги «Древнерусское искусство» о средневековой эстетике. Не вернули комплект открыток «Собор Александра Невского в Софии» и массу газетных вырезок.

19 августа. 6–7 августа (одни сутки) было свидание с женой.

26 августа. 20 августа переехал в Барашево (т. е. не «переехал», а был этапирован) на зону 385/3 – 5. Шью рукавицы. Мое теперешнее состояние отличается от прежнего (1961–1968 гг.) тем, что пропал аппетит к письмам. Т. е. получать-то и сейчас приятно. А вот писать, писать тяжело. Все уже написано в тот раз. Повторяться не тянет. Душа, думы и вся иррациональная наволока – зачем перепевать себя и других? Все сказано. Помнишь, какие толстые письма я писал тогда? «Слова, слова, слова...»

Девятого декабря. По поводу помилования ты мне не пиши, пожалуйста. Это абсолютно исключено, и ты об этом лучше не думай. Я не сделал этого в течение тех семи лет, а ведь тогда (в 1962 г.) я признал себя виновным. Теперь же я не только не признаю себя виновным, но вообще все совершается в иной плоскости.

27 января 1977 г. Получил поздравления к Рождеству и Новому году от Зиновия Троицкого (с ним сидел первый срок) из Перми, Валерия Фефелова (активист правозащитного движения инвалидов), Володи Садовникова, Г.М.Шиманова, Людды Алексеевой, Родионова, Александра Болонкина из Забайкалья. (В связи с обменом Буковского на Корвалана напоминаю маме, как следователь Плешков в первые же дни моего заключения воскликнул: «Так что же вы не уехали?») Что касается меня лично, то я бы вовсе не желал менять лагерь на границу. Не потому, что там – свои проблемы (ведь и здесь я – либо заключенный, либо пожарник с зарплатой 65 рублей в месяц), а потому, что мой долг – не разлучаться с Родной, не покидать свою нацию... Вычли у меня из зарплаты за декабрь м-ц слишком много – 24 руб. Оставили на пропитание 8 р... высчитывают все за судебные издержки.

21 мая. Запрос на имя Иванова-Рахметова вернулся обратно: «Дом снесен. Адресат переехал» (Примечание 2006 г. Наш активист собраний на площади Маяковского Анатолий Иванович Иванов – «Рахметов» исчез бесследно. В период демократии у нас исчезает по 40 000 человек в год). Аду (Найденович) благодарю за поздравления к Пасхе. Май теплый, только комаров много.

29 июля. Получил поздравление от Адели. Очень ей благодарен. Ее весточки доставляют мне радость и надежду на то, что дружба все-таки существует и философ Локк далеко не прав.

15–16 августа (Барашево, больница). Здесь я нахожусь с 29 июля... Туберкулез у меня, по-видимому, не обнаружили. (Примечание 2006 г. Обнаружили. Но в конце концов, как сказал мне врач в прошлом году, все-таки вылечили. «Известность» меня выручила. Позориться перед «мировой общественностью» в тот момент чекисты, видимо, не хотели.) Валя не пишет давно... Почему-то не получил от нее даже поздравления с днем рождения... От Ады получил поздравление ко дню Св. Владимира... Я много действовал. А вот на уединение и размышления времени почти не оставалось. А еще очень много времени протекло сквозь пальцы даром. Как вода. Тревожно на душе. 39 лет – и ничего не сделано для постижения Истины...

27–28 ноября 1977 г. (Лесной). 24 ноября закончился период (ПКТ), когда я мог написать только одно письмо в два месяца... Болезнь моя, к сожалению, не проходит... Озноб и

тихий жар по всему телу – такое ощущение... С пятницы 25-го в связи с возобновлением обычного хода жизни вышел на работу и решил пока температуру не мерить, за медпомощью не обращаться... Идут годы, течет вода. От Гераклита и Гегеля к Христу. К тому, что зовут кантианством. Не хочу никого убивать. Даже муху без надобности или мышшь. А еще удручен алогизмом и абсурдом в истории. Что ни делай, следующее поколение, если там не будет гения, все испортит. По всему поэтому как-то безразлично страдание (собственное). Если я не очень голоден, если ноги не хлюпают по воде, если есть книга и пульсирование информации – все в порядке. Жаль только Валю, тебя, детей. СЕБЯ НЕ ЖАЛЬ!

25 января 1978 г. (п. Лесной, 19-й). Валя, видимо, твердо решила на свидание не ехать... Мама, с какой целью ты пишешь мне из письма в письмо, чтобы я написал помилование? Я абсолютно не виновен – мне не в чем каяться. (Имеется в виду, конечно, покаяние перед советским режимом.) И совершенно не важно, что кто-то ведет себя иначе, чем я. Пусть хоть все будут вести себя не так – мне-то что?... 15 декабря приезжал ко мне Плешков (следователь, который вел дело № 38). Спрашивал, намерен ли уехать за границу. «Конечно, нет», – ответил я.

5 марта. 2 марта 1978 г. меня лишили свидания (за непосещение политзанятий и пр.). Получил телеграмму от Вячеслава Черновола (он сообщил, что 2 марта прибыл в Якутию. В Чаппанда, Ленинского района). Норму за январь выполнил на 133 %... Недавно умер мой бывший декан и руководитель новгородской археологической экспедиции (в 1956 г. я тоже искал там берестяные грамоты) Арциховский. На 76-м году жизни. (Сообщаю о втором, двухсуточном, свидании с женой. Первое было в августе 1976 г.)

30 марта (Барашево, больница 3–3). В пятницу 24 марта я прибыл, наконец, в Барашево. Здесь врач сказал, что мою пневмонию будут основательно лечить самыми совершенными препаратами.

17 апреля. Получила ли Валя перевод на 30 рублей (из заработанных мною в лагере денег)? 4 апреля получил письмо от Славы Черновола из поселка Чаппанда Якутской АССР... Юра вернется только после 18 июля. (Речь идет об освобождавшемся 25-летнике Юрии Храмцове, которому я предлагал на первое время свой дом в селе Рождествено)... хотел попросить Славу (Родионова) помочь ему с крышей, а то она кое-где протекает... Меня лечат, причем дней 9 особенно интенсивно.

9 мая. (Барашево, больница. Письмо миновало цензуру). Туберкулез мой лечат двумя лекарствами, в т. ч. тубазид, а также парааминосалицилат натрия (гранулы)... Ты все время спрашиваешь меня, на что именно в моем обвинении следует обратить внимание... Инкриминируется не сам журнал, не факт его издания, а лишь отдельные статьи из этого журнала. Скажем, один номер (всего их было девять) состоит из 150 страниц (или 200). В номере, скажем, 12 статей и заметок. А вменяется в вину одна или две, т. е. текст страниц на 10. Но и в самой-то статье не весь текст инкриминируется, а страница, полстраницы или абзац. О содержании статей не было разговора ни на одном допросе... И только в конце следствия, 17 июня 1975 г. этот эпизод («о получении гонораров от зарубежных антисоветских организаций») был официально снят... сразу после очной ставки с Евгением Хмелевым.

14 августа (п. Лесной, 19-й). 14 июля был возвращен на девятнадцатый... Сегодня беседовал с врачом из управления. Он обещал сделать заявку на направление меня в Центральную больницу МВД в г. Ленинграде. Однако затем (30 августа) появился его заместитель, который сделал странный вывод, что я сам себе искусственно делаю температуру, т. е. являюсь симулянтom. То же самое заявила здешняя врач... Чем больше стремишься быть предельно честным и предельно ответственным за все, что происходит вокруг, тем активнее носители клеветы и ненависти.

16 ноября (Барашево, 3–3, больница). Врач говорит, что, по его мнению, признаков туберкулеза у меня нет... Взялся перечитывать «Войну и мир». Первый раз читал этот роман

25 лет назад, в июле 1953 г. Помню, загорал на крыше сарая возле дома № 5 в Сланцах и читал Толстого, удивляясь, как это я раньше не был знаком с Пьером Безуховым и Андреем Болконским.

4 января 1979 г. (Барашево). Накануне Нового года были сильные морозы до -38° (ночью однажды чуть ли не до -42°). Репродукции художника Глазунова, наконец, получил. Они доставили мне большую радость. (Далее комментирую прием в международный клуб писателей Пен-клуб, объясняю, что это не враждебная советскому режиму организация. Кстати, освободившись, я никогда с ними не связывался и о своем заочном «приеме» не вспоминал.)

15 февраля. Пробыл я на 19-м меньше месяца: 12 января приехал, а 9 февраля – снова здесь, в Барашево. По прибытии туда неделю проработал в котельной у парового котла, а с 22 января стал работать в машинном цехе, у деревообделочных станков... От шума уши затыкал ватой. Работал, выполняя норму на 147–170 %. 9-го меня увезли на больницу. Будут заводить историю болезни и снова обследовать. По случаю Рождества и Нового года получил поздравления от Юры с Валею и Анютой (от Гудковых), от Игоря Ростиславовича (Шафаревича), телеграмму от Храмова из Тарусы... В ночь на 14 февраля я почувствовал себя так неважно. Чего только не изведает. (В ту ночь я чуть не угорел. В палате рано закрыли заслонку печи. Спас большой рыжий больничный кот, который сдернул с меня одеяло и я проснулся. Едва-едва доковылял до уборной, потом в коридоре грохнулся на пол, стало легко и приятно. Я подумал: «Ну и ладно, все кончено, хватит...» Потом все же с огромным усилием поднялся и, держась за стену, вернулся в палату. Там тоже проснулись и подняли шум, выясняя, кто так рано закрыл трубу.)

24 марта 1979 г. (Ленинград, 193167, п/я УС 20/12, Режимное отделение). С 19-го лагпункта я выехал в понедельник 19 марта, а под утро 24-го поступил сюда. Мне бы хотелось, конечно, скинуть то незримое бремя, что легло на меня в июне 1977 года, от которого я весь какой-то вялый, побитый и усталый.

9 апреля. (Ярославль, п/я ИЗ — 721). Итак, я пробыл в ленинградской больнице 10 дней и 3 апреля убыл. Врач-терапевт Вера Николаевна сказала мне еще 27 марта (на основании рентгеновских снимков, сделанных накануне), что у меня сухой плеврит. В прошлом было воспаление плевры, а теперь вот остаточные явления и вызывают повышенную температуру (т. к. не залечили вовремя и они не рассосались).

7 июня 1979 г. (пос. Лесной, 385/19). 4 мая я вернулся из ленинградской больницы. Туда ехал несколько дней (с 19 по 24 марта), обратно – месяц (с 3 апреля по 4 мая)... Наверное, ты слышала, что несколько человек, в т. ч. Эдик Кузнецов, Алик Гинзбург и др., освободились. Правда, освободились несколько необычным способом – с выдворением. Эдуарду еще оставалось 6 лет, Гинзбургу – тоже. Настроение мое, как всегда, ровное и среднеоптимистическое.

29 июля. В июне я написал академику Шафаревичу, и, судя по уведомлению, он мое письмо получил. 27 июля я лишен «очередного свидания».

12 сентября. С 10 августа работаю снова там, где работал в прошлом июле – сентябре, вернувшись из Барашево. (Т. е. маляром, помощником опытного отделочника Рысина). 2 августа снова приезжал следователь из Владимира. Правда, на этот раз другой (не Плешков)... Все время, свободное от работы и сна, посвящаю чтению. Информации (исторической, экономической, философской, научной и т. п.) так много, а времени так мало, что за шорохом страниц и потоком идей и фактов не замечаешь недель и суток.

(Примечание. Деньги, которые в это время стали высылать в лагерь политзаключенным из фонда Солженицына, ни на что не разрешалось тратить, кроме подписки на журналы. Поэтому выписывал я в этот период много. До сих пор вспоминаю то удовольствие, когда,

утомленный работой, возвращаешься в барак и видишь на койке свежий номер «Вопросов истории» или «Военно-исторический журнал».)

24 октября 1979 г. (пос. Барашево, зона 3–5). В пятницу 19 октября я переехал (т. е. меня этапировали) на новое место, в ИТУ 3–5 при поселке Барашево, Теньгушевского района... я был здесь в 1976 году, с 20 августа по 28 января (77-го). Больница теперь рядом, по соседству.

17 декабря. С 8 по 11 декабря у меня было личное свидание с Валей. Впервые за пять лет я получил трое суток. Первое свидание длилось сутки (август 1976 г.), второе – двое суток (февраль 1978 г.) и вот третье – трое. Такая получилась арифметика.

15 апреля 1980 г. (пос. Барашево, 3–5). (В письме вскользь упоминается поездка во Владимир. Туда меня возили для душевспасительной беседы на предмет раскаяния – а вдруг напишу покаянный текст? Не написал – отправили обратно в зону). Жизнь проходит, проходит неуклонно и безвозвратно. Пусть проходит!

19 июня. Норму я сейчас выполняю. Научился шить рукавицы сравнительно ловко и быстро. (От первой жены получил письмо из Парижа и фотографию.)

13 июля. Ты пишешь, что видела и слышала по телевидению иерея Дудко. Да, я тоже читал его покаяние в газете «Известия» от 21 июня. Кажется, его выпустили и до суда он будет жить с семьей... Что ж, я комментировать не буду. 2 июля у меня с Валей было общее двухчасовое свидание.

21 января 1981 г. 14 июля я был лишен очередного, т. е. личного, свидания. (В основном все отказы в свидании мотивируются непосещением политзанятий.)

18 февраля. Жизнь проходит. Биологически дело, вероятно, пошло на спуск. Вершину так и не заметил. В остальных отношениях – что даст Господь. Занимаюсь, как всегда, систематически, изо дня в день. Для нынешнего времени (последняя треть XX века) характерен кризис информации: поток информации превышает наши способности ее восприятия.

22 марта. Шью рукавицы, норму успешно выполняю, в ларьке отовариваюсь (повидло, килька, конфеты «подушечки», растительное масло).

22 июня. 3 июня вообще перевели на больницу. И вот я здесь почти 20 дней. Уколы и таблетки. Прохожу лечебный и одновременно профилактический курс в связи с моим плевритом. 12 июня получил письмо от Кати (дочери).

18 октября. Сентябрь проработал вновь маляром. Белил и красил. А с 1 октября снова на прежней работе.

24 января 1982 г. Ты пишешь, что сердце твое «очень чувствует беду». Ничего подобного со мной не происходит... особых метаморфоз с августа 1980 г. нет. (Примечание. Глухое упоминание об августе 1980 г. означает напряженный конфликт с администрацией, когда нам умышленно подкинули буйного провокатора и мы требовали убрать его из зоны. Сначала писали негодующие заявления, потом объявили забастовку. Наконец, я в знак протеста объявил голодовку и голодал 18 суток, ровно столько, сколько длился переход Суворова через Альпы. Когда я вернулся в зону из изолятора, один эстонец сказал, что через меня «можно смотреть», так я сжался).

17 – 18 февраля. 9 февраля с большим удовольствием посмотрел по телевизору документальный фильм «Художник Илья Глазунов» о замечательном русском художнике нашего времени... Получила ли Валя январский перевод на 30 рублей? (Я продолжал из заработанных денег посылать семье переводы.) Сейчас штудирую историю социологии (Дюркгейм, Зиммель, Вебер и т. д.). Значит, у Серафимы Михайловны новые хлопоты. (Подразумевается арест А.М. Иванова.) Вот только я не понял, при чем тут Семанов. Ведь я его лично не знаю, только понаслышке, он автор некоторых вещей по истории, в т. ч. биографий. (В зону ко мне приезжал следователь из Москвы и несколько часов настойчиво добивался у меня показаний о Сергее Николаевиче Семанове, видном «молодогвардейце». Следователь

уехал ни с чем, угрожая мне статьей УК за «ложные показания», т. е. за отказ от показаний против Семанова.)

4 июля 1982 г. (г. Саранск, а/я № 3). (Нас, четырех политэков отвезли в Саранск на «профилактическую беседу».) Я вот прочел недавно «Крейцерову сонату» Л.Н.Толстого. Толстой вообще считает, что почти все браки, так сказать, «неудачные», что счастливых браков чуть ли не 1 %. Чужая душа потемки и поди узнай, что в той душе раскроется. (Мама сетовала по поводу моей первой неудачи в личной жизни.)

* * *

Из саранской поездки запомнился спор харьковского историка Евгения Анцупова с Мазуром по поводу будущего. Анцупов придерживался теории цикличности в истории, строгой повторяемости всех важных событий через энное число столетий. Он считал, что в интервале 1981–1987 гг. неизбежна третья мировая война. Советские войска дойдут до Рейна, потом начнется изнурительная позиционная война, похожая на Первую мировую. Израиль, кстати, погибнет. На юге Франции высадятся воинственные арабы (типа ливийского Каддафи). Мазур резко возражал: «Ничего этого не будет!» Они поспорили на бутылку коньяка (чтобы был какой-то зримый символ и зримый проигрыш). Я торжественно разнял спорщиков. Анцупов умер в эмиграции, в Германии, кажется, в 1996 году. След Мазура я потерял. Анцупов был совершенно чистый, благородный, стопроцентно порядочный человек. Бывают такие люди. Но вот верил в «цикличность»...

29 октября нас с Анцуповым дернули на этап с вещами. Но отвезли недалеко, всего лишь на Потьму, в пересыльную тюрьму. 30 октября мы провели там однодневную голодовку (хотя сидели в разных камерах): день 30 октября к тому времени был признан всеми днем политзаключенных. А на следующий день, 31 октября, нас вернули обратно, в Барашево. В итоге чекисты добились, что на зоне 3–5 масштаб политической однодневной голодовки уже был не тот...

Вскоре меня этапировали по-настоящему. Сначала в Москву, через пересылку на Красной Пресне, затем – в Калугу, в местную тюрьму, откуда меня и освободили по концу срока 27 ноября 1982 года. Восьмилетка закончилась.

Напоследок, дня за три до освобождения, меня вызвали два функционера: сотрудник Калужского КГБ и прокурор. Они предъявили мне ксерокопию парижской газеты «Русская мысль», где были напечатаны мои довольно резкие отзывы о пенитенциарной системе в СССР. «Это Вы писали или они сами сочинили за Вас?» – «Я писал». – «Подумайте. Не спешите. Ибо иначе мы предъявим Вам обвинение по вновь открытому уголовному делу об антисоветской пропаганде и в день освобождения арестуем вновь, по новому делу». Я хорошо помню свое состояние: я был готов к новому, третьему сроку. Пусть будет так. Это судьба. А мой долг оставаться прежним. Таким, как я есть. Я решительно сказал своим собеседникам, что готов принять новый срок и раскаиваться за свои публикации в «Русской мысли» не намерен.

Утром 27 ноября 1982 г. меня все-таки освободили. Посадили в воронок и доставили в Тарусу, где жила моя семья. Там, в помещении УВД сначала оформили ГЛАСНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР (без права передвижения и если не под домашним арестом, то под «местным», тарусским арестом) и только после этого выпустили на свободу. С рюкзаком и чемоданом, полным книг и конспектов, я зашагал по улицам Тарусы.

Таруса

Когда я освободился в первый раз в 1968 году, мне пришлось жить под чужой крышей, снимая угол на «101-м километре». При моем вторичном освобождении в 1982 году многое изменилось. Теперь существовал общественный фонд А. И. Солженицына, фонд помощи политзаключенным и их семьям. Я благодарен Александру Исаевичу за то, что он еще до моего освобождения выделил моей жене Валентине 8 тысяч рублей (в брежневские времена это была приличная сумма) на приобретение дома. И дом был куплен в городке Таруса, Калужской области. Это был тоже «101-й километр», но в наилучшем варианте. Еще до революции Тарусу полюбили писатели, художники, вообще творческие натуры. Здесь жила и писала Марина Цветаева:

Ясное утро не жарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

...Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне...
И улыбается осень
Нашей весне...

Городок расположен над Окой, при впадении в нее речки Таруса. Как я заметил, летом здесь практически нет комаров – это тоже влечет сюда многих отдыхающих. Тарусу полюбили и бывшие политзэки.

Так что в субботу 27 ноября 1982 г. я возвращался впервые в собственный дом. «А, это ты?» – поприветствовала меня Валентина Ефимовна движением руки и предложила войти. Я вошел. В доме, кроме моего семилетнего сына Алексея и приемной дочери Ольги (впоследствии отрекшейся от меня) поселились еще и родители Валентины: Ефим Федорович и Екатерина Федоровна (случайно совпали отчества). Валин отец был агроном (в молодости воевал у Буденного, потом вернулся в родное село и долго скрывал, что служил у красных: большевиков односельчане не любили), работал последние годы в совхозе «Комсомолец» Георгиевского района Ставропольского края. Выйдя на пенсию, он жил с женой-домохозяйкой в добротном ведомственном доме, но Валентина уговорила их оставить тот дом и роскошный сад и перебраться на север, в Калужскую область. Они нехотя переехали. С одной стороны, родители как бы морально прикрывали ее от разного рода посягательств КГБ. При любом несанкционированном вторжении это все же дополнительные свидетели. С другой стороны, местные чекисты всячески препятствовали ей (разумеется, не прямо, а через соответствующие структуры) купить дом и тем самым укорениться в Тарусе. И тогда она оформила покупку дома на мать с тем условием, что, как только я освобожусь, дом будет переписан на меня. В первые год-полтора у нас в доме были самые дружественные отношения, и я стеснялся заговорить о переоформлении собственности на себя. Потом все изменилось. Дом в итоге я потерял.

Моя жизнь в Тарусе началась с гласного административного надзора. Этот надзор был объявлен мне за «плохое поведение в местах лишения свободы». Не слушался чекистов, протестовал, бастовал, объявлял политические голодовки. Надзор объявляется на 6 месяцев, а потом его продлевают. В дальнейшем мне продлевали его в течение трех лет, до горбачевской перестройки. Надзор означает, что в мой дом в любое время суток имеет право

явиться милиция «для проверки». Я обязан находиться дома с 8 часов вечера до 6 часов утра. Если летом, купаясь в Оке, забуду о времени, то потом мчусь, как угорелый, чтобы успеть к восьми часам быть на месте. Мне запрещено покидать Тарусу, этот довольно маленький городок величиной со льдину, где обитает полярная станция в Ледовитом океане. Вот передо мной лес, он близко, до него метров триста, но стоит мне туда сходить по грибы, как я уже стану нарушителем. Теоретически выехать из Тарусы можно, но лишь с особого разрешения УВД (точнее, КГБ, ибо начальник милиции сразу запрашивает тарусского чекиста). За все 3 года гласного административного надзора я только 2 раза получил разрешение съездить в Москву и повидаться с матерью и братом. При этом я обязан еще и отметиться в столице, в отделении милиции, вот, мол, я прибыл, я здесь, а не в другой точке СССР. При втором посещении Белокаменной в окно маминой квартиры был брошен хороший камень. Правда, тут же и позвонили: «Никто не пострадал?» Сердобольные метальщики.

Работа. Работу мне придумала власть. Меня направили на завод художественных промыслов, в отдел снабжения и сбыта, где я числился экономистом (вел учет сбыта продукции завода). Впоследствии часто был в роли экспедитора, сопровождая грузы. Был и грузчиком при необходимости. Мне было 44 года, физически я еще чувствовал себя довольно шустрым. Зарплата была 120 рублей. Где-то через год я решил уволиться из-за малой зарплаты, мне повысили ее до 140, и я остался. Если заводская администрация направляла меня в Калугу отвозить керамику, я всякий раз брал разрешение на поездку в милиции. В августе 1983 года случилось первое нарушение. В деревне Сутормино, почти вплотную примыкавшей к Тарусе, отдыхала с семьей моя знакомая по «площади Маяковского» Люся Рыжкова. На какие-то полчаса я заглянул к ней попить чая. Мгновенно сработала разведка. Едва я ушел и вернулся на «законную» территорию, как в Сутормино примчалась милиция. Люся, конечно, не в сознание. Но в деревне нашлись свидетели (двоих достаточно), давшие письменные показания о моем кратком появлении ВНЕ «городской черты» Тарусы. Состоялся суд. Судья Т.Борисова оштрафовала меня за «нарушение административного надзора». В начале октября того же 1983 года я выехал, как энтузиаст, на уборку картофеля от завода в один из совхозов Тарусского района. А вот подать заблаговременно заявление в Тарусское УВД о моем участии в труде на благо социализма я забыл или не догадался. Едет заводской коллектив, благородная общественная инициатива, при чем тут надзор? Ан нет, выследили меня ищейки. Я вернулся домой чуть-чуть после восьми, и надзиравший за мной страж порядка меня в доме в 20.00 не обнаружил. Я написал объяснение: мол, забыл предупредить, виноват, исправлюсь, но мое раскаяние их не волновало. Снова был суд, и та же судья вторично наказала меня за нарушение адмнадзора. При третьем нарушении мне уже светил срок: 1 год заключения в уголовной зоне. Мой солагерник Юрий Храмов, поселившийся в Тарусе после освобождения, тоже был под надзором (я в то время еще коптел в Мордовии) и почему-то придумал такую форму протеста: после 8 часов вечера он аккуратно сидел дома, но на стук милиции не откликался, молчал, дверь не открывал. Они трижды зафиксировали нарушение надзора и вклеили ему тот самый 1 год лишения свободы, теперь уже не в политической, а в уголовной зоне.

Едва я вернулся из Дубравлага, как меня стали навещать многочисленные гости из Москвы (иногда и из более отдаленных мест), друзья и знакомые. Тут же являлась милиция и проверяла паспорта моих визитеров, переписывали их персональные данные в тетрадь. Одного серпуховчанина не успели обнаружить, так отловили его на автовокзале: «Ваши документы!»

В ноябре 1985 года гласный административный надзор наконец закончился. Но зато с января 1986 г. было объявлено новое постановление Совета Министров СССР за подписью Н. И.Рыжкова о запрещении без соответствующего разрешения МВД посещать Москву и ближайшие районы Московской области лицам, отбывшим наказание по... (далее следовал

длинный список статей Уголовного кодекса, включая, само собой, и «мою» 70-ю статью). Например, я мог еще приехать в город Чехов и Чеховский район, но далее – въезд был строго воспрещен. Постановление действовало весь 1986 год, а в следующем, 1987-м, многие бывшие политзэки стали его безнаказанно нарушать. И я тоже в 1987 г. (уже цвели гласность и перестройка) начал в столицу наведываться. Но самое главное: после отмены надзора я смог со своими людьми из отдела снабжения, в т. ч. с начальником своим А. Кузьминым, ездить в Серпухов и разгружать там вагоны с глиной для нашего завода. А это был дополнительный заработок. Дети росли, требовалось инвестирование.

Как и в зоне, я все свободное время читал. Простудировал классиков славянофильства, том за томом. Удалось через районную библиотеку получать эти книги из Ленинской. Вторично был посажен Л. И. Бородин, фактически за свои художественные произведения, опубликованные за рубежом. Нигде не печатали С.Н.Семанова. Когда его прорабатывали на собрании за «связь» с «Вече», один партийный иудей уколол историка: «Ну, Вы же видели, что это злобный антисоветский журнал. Почему Вы не сообщили об этом журнале в КГБ?» Как отвечать на такой вопрос? Сергей Николаевич нашелся: он молча развел руки в стороны, мол, не сообщил, что теперь делать... Мой автор «Вече» Г.М. Шиманов начал издавать совершенно лояльный патриотический журнал «Многая лета». На каком-то номере его вызвали в КГБ и сказали: «Мы учитываем Вашу лояльность к Советской власти. Но Ваша оценка масонства не совпадает с нашей. Поэтому советуем ПРЕКРАТИТЬ издание журнала». Журнал был прекращен. Андропов был зорким часовым не столько советского режима, сколько своего племени. Нелишне напомнить, что в обвинительном заключении по моему делу мне инкриминировалась «антисоветская пропаганда» и «пропаганда реакционных славянофильских взглядов». Т. е. я сидел не только за антисоветизм (высосанный из пальца), но и за славянофильство. А теперь Шиманову, стоявшему на четко просоветских позициях, запретили утверждать иной патриотизм. Только марксизм-ленинизм в трактовке тайного сиониста Андропова, а шаг в сторону – считается побег. Стреляем без предупреждения.

В первые годы тарусского затворничества я отправлял в разные журналы литературные материалы политически нейтрального характера. Вызвал меня тарусский чекист и сказал в лоб: «Конечно, мы Вам не можем запретить посылать свои статьи в официальные издания. Но хотим предупредить, что Вы зря стараетесь. Вас никто печатать не будет!»

В Тарусе появился бывший политзаключенный Владимир Балахонов. Он тоже был под надзором и поселился в гостинице. В прошлом работал в представительстве СССР при Международной метеорологической организации в Швейцарии. По политическим мотивам попросил убежище, остался в этой стране. Потом, тоскуя по семье и особенно по дочери (жена не согласилась остаться там и уехала в Москву), вернулся и получил срок за «измену Родине». В лагере постоянно бунтовал. Попал в крытую тюрьму. Там при посещении камеры надзор-составом никогда не вставал (что считалось серьезным нарушением), и за это его довольно часто водворяли в карцер. Балахонов отсидел, кажется, лет 10 по 64-й статье. В Тарусе мы с ним часто общались, хотя, к сожалению, он так и остался демократом. К нему приезжала дочь. Владимир довольно резко конфликтовал с местным КГБ и с МВД. Милиция буквально охотилась за ним в поисках нарушения административного надзора. Заявляли, что для него лично «домом» является номер в гостинице и если его обнаруживали после 8 часов вечера вне номера, это считалось нарушением. Составлялся рапорт. В конце концов срок за нарушение адмнадзора ему оформили. Попутно при его аресте в конце мая 1985 года у меня по «делу Балахонова» провели обыск, довольно тщательный, который закончился почти в 12 часов ночи. Криминала не нашли, хотя, как я понял, им этого страстно хотелось. Балахонову дали новый срок, он отбыл его в Якутии, и позже, освободившись, женился на москвичке и выехал по официальному разрешению в Швейцарию. Там он внезапно заболел, паралич,

потеря сознания, потеря речи, как живой труп, он еще просуществовал год или два с помощью каких-то медицинских приспособлений. Словом, не жизнь, а сплошная трагедия.

Явился Горбачев. С ним явились надежды на лучшее. Тогда никто не предполагал, что этот человек подготовит развал 1000-летней державы, полностью капитулирует перед мировой закулисой, США и НАТО и создаст условия для передачи всего народного хозяйства, всех заводов и фабрик, не говоря о колхозах и совхозах, в руки воров и проходимцев. Потом Ельцин развил и продолжил начатое Горбачевым. Но непосредственно в 1985–1988 годах в стране была какая-то эйфория, почти всеобщее преклонение перед неутомимым говоруном. Новый генсек говорил, говорил, говорил. Обещал золотые горы и социализм с человеческим лицом. Это когда начнут отстреливать по 40 тысяч человек в год. Грешен и я. Я тоже на какое-то время поверил хамелеону. Меня тронули два момента: свобода Церкви и ограничение алкогольного геноцида. Впрочем, борьба с алкоголизмом тихо и бездарно закончилась через полтора года, и в стране началось еще более повальное пьянство. А свобода для Русской Православной Церкви сопровождалась параллельной свободой экзотических сект и оккупацией Ватиканом западных областей Украины. Попутно отмечу, что провозглашение нашим Священноначалием автономии Украинской и Белорусской Церквей в угоду Горбачеву содействовало, увы, последующему расчленению страны. Дескать, если уж части Церкви должны быть автономны и независимы по этническому (точнее, филологическому) признаку, то уж и республики тогда могут обособляться... И двум великим писателям тоже не следовало прогнозировать вычленение РСФСР (или славянских республик) из СССР, т. е. фактически из России, из Российской империи, которая никуда не сгнула после февраля – октября 1917-го. Нельзя никому давать повод. Отдашь палец – откусят руку. Мы так легко отказываемся от своего жизненного пространства, политого кровью прадедов. Если уж какие-нибудь киргизы, допустим, поголовно взбунтуются и захотят отделиться под колпак Китая, тогда другое дело, можно уступить. Но зачем первыми выталкивать их с нашего поля? Аргумент – мы доноры, мы их кормим. Ну, а русское население, живущее там, бросим на произвол судьбы? И ведь бросили. Вообще должен быть закон, сакральный закон Третьего Рима: православное пространство не должно сокращаться.

Однажды, выступая где-то в Краснодарском крае, Горбачев процитировал слова Достоевского о всемирной отзывчивости русского народа. Я загорелся было и вдруг узнаю, что в сборнике речей генсека это место уже было выброшено: А.Н.Яковлев или еще какой русофоб подверг цензуре своего шефа.

Гласность, естественно, стала для многих манной небесной. Осенью 1987 года я возобновил издание русского патриотического журнала. Ставил на обложке теперь уже тарусский адрес. Памятуя первые два номера «Земли» (№ 1 был выпущен мной и В.С.Родионовым 1 августа 1974 г. и № 2 издан Родионовым после моего ареста, кажется, в январе 1975 г.), я издал ТРЕТИЙ номер. Духовником издания на этот раз стал священник отец Лев Лебедев, к которому я специально ездил в Курск. Позже он перешел в юрисдикцию Зарубежной Церкви. В третьем номере были опубликованы: выступление писателя В.Г.Распутина на 7-м съезде ВООПИК в защиту «Памяти», беседа И.Р.Шафаревича, очерк Вл. Крупина о похоронах Ф.Абрамова, доклад протоиерея Льва Лебедева о месте и времени Крещения Святого князя Владимира, мой материал «По поводу пересмотра законодательства о культурах». В этот период половодьем разлился самиздат. Из наиболее заметных изданий упомяну правозащитные газеты «Экспресс-хроника» А.П.Подрабиника и «Гласность» С. Григорьянца, толстый журнал «Выбор» В. В.Аксючица и Г.Анигценко, «Бюллетень христианской общественности» А. И. Огородникова. Даже созывались конференции редакторов самиздатских изданий. Издаваемый мною журнал «Земля» походил на «Вече». Тот же объем, толстая обложка, те же по содержанию материалы. Я рассылал их по почте своим знакомым или распространял в Москве. Издавался он с октября 1987 г. по январь 1991 г., когда вышел № 14, т. е. в период

перестройки за три года я отпечатал 12 номеров. Кто-то выписывал, просил выслать, но прежнего эффекта у «Земли» уже не было. Всею свое время. Кругом можно было свободно печататься в других самиздатских выпусках, скажем, у того же Аксючица, который рядом публиковал и о. Александра Меня, и черносотенца Осипова. Да и в официальных изданиях могло публиковаться то, что, по мнению, скажем, Владимирского КГБ, считалось антисоветчиной. Труд по печатанию на машинке, переплету, брошюрованию, пересылке морально не окупался. Я выдохся в своей Тарусе и издание «Земли» прекратил. Однажды получил повестку из прокуратуры. Пришел. Мне выдали два экземпляра «Земли»: «Возьмите свои журналы, они были найдены при обыске у активистов «Демократического союза» и к делу не относятся». Так изменилось время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.